

ВЕСТНИК
Брянского
государственного
университета

№2(56)
2023

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии Российской Федерации.

(Категория научных журналов – К1)

Группа научных специальностей: 5.6 - исторические науки.

Научные специальности: 5.6.1. - Отечественная история; 5.6.2. - Всеобщая история;
5.6.3. - Археология; 5.6.5. - Историография, источниковедение, методы исторического исследования;
5.6.7. - История международных отношений и внешней политики.

Журнал индексируется в следующих системах и каталогах:
РИНЦ, Directory of Open Access Journals (DOAJ),
CROSSref, Ulrich's Periodicals Directory.

ISSN 2072-2087 (PRINT)
ISSN 2413-9912 (ONLINE)

The Bryansk State University Herald

**№2(56)
2023**

HISTORICAL SCIENCES

ББК 74.58 В 38

Вестник Брянского государственного университета.
№2 (56) 2023: исторические науки. Брянск: РИСО
БГУ, 2023. 140 с.

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала — Михальченко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Заместитель главного редактора журнала — Артамошин Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Ответственный секретарь журнала — Федин Андрей Валентинович, доктор исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Члены редакционной коллегии:

Альбу Ион — доктор истории, профессор кафедры истории факультета социальных и гуманитарных наук Университета «Лучиан Блага», Сибиу (Румыния);

Белецкий Сергей Васильевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела славяно-финской археологии, Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург (Россия);

Блохин Валерий Федорович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Блуменау Семен Федорович — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Бондаренко Дмитрий Михайлович — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Международного центра антропологии факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва (Россия);

Гайдуков Петр Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по науке Института археологии РАН, член-корреспондент РАН, Москва (Россия);

Гелла Тамара Николаевна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории и регионоведения Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, Орел (Россия);

Горбачев Олег Витальевич — доктор исторических наук, профессор кафедры документационного и информационного обеспечения управления, Уральский федеральный университет, Екатеринбург (Россия);

Гребенкин Игорь Николаевич — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань (Россия);

Дубровский Александр Михайлович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

- 7 Антипов А.М.**
ОТРАЖЕНИЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В РОССИЙСКИХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ В ФОКУСЕ ИСТОРИОГРАФИИ
- 26 Артамошин С.В.**
Э. ЮНГЕР И УТВЕРЖДЕНИЕ НАЦИСТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА: СТРАТЕГИЯ ВЫЖИВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛА В ГОДЫ НАЦИСТСКОГО ГОСПОДСТВА
- 34 Большаков М. В.**
ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОГРАФОМ ВА. ФАЛЕЕВОЙ КРЕСТЬЯНСКОГО НАРОДНОГО КОСТЮМА В ПЕРИОД С 1965-1971 ГГ.
- 45 Боргулев В.Е.**
ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРАТЕГИИ ЛЕЙБОРИСТСКОЙ ПАРТИИ В ПРОГРАММНЫХ ДОКУМЕНТАХ 1918 Г.
- 53 Власов Н.А.**
ОТТО ФОН БИСМАРК И ЕГО ВОСПРИЯТИЕ РОССИИ В ГОДЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ МИССИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ В 1850-Х ГГ.
- 59 Журавская А.В.**
ГЕНЕРАЛЬНАЯ ЧИСТКА РКП (Б) 1921 Г. (НА МАТЕРИАЛАХ БРЯНСКОЙ ГУБЕРНИИ)
- 67 Закиров А. В.**
ФБР ПРОТИВ АФРОАМЕРИКАНЦЕВ (НА ОСНОВЕ ДОКУМЕНТОВ О ПРОГРАММЕ COINTELPRO)
- 79 Колмаков М.А.**
БОРЬБА ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА ВЕЛИКОБРИТАНИИ РОБЕРТА УОЛПОЛА С ОППОЗИЦИЕЙ В 20-ые ГГ. XVIII В.
- 91 Кудланов К.Б., Голубков Р.О.**
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТРАЕКТОРИЙ ОДНОДВОРЧЕСКОГО ЗАСЕЛЕНИЯ ПУТИВЛЬСКОГО И ОРЛОВСКОГО УЕЗДОВ
- 102 Лахлюк С. А., Костров А. В., Саитгареев Р. Р.**
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ ШВЕЙЦАРСКОГО МИЛИТАРИЗМА В КОНТЕКСТЕ ВОЕННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА XIV-XVI ВВ.
- 111 Никифоров Ю. С.**
ВЕРХНЕВОЛЖСКИЕ ОБЛАСТИ И МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В СССР (1960-1980-Е ГГ.)

государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Енуков Владимир Васильевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Курский государственный университет, директор НИИ археологии юго-востока Руси, Курск (Россия);

Иванц Блаж — доктор философии, доцент Люблянского университета, специалист по истории политических учений, Любляна (Словения);

Иволина Людмила Ивановна — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Смоленский государственный университет, Смоленск (Россия);

Кащенко Сергей Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения истории России, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург (Россия);

Ливцов Виктор Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Среднерусского института управления-филиала, Орел (Россия);

Мезга Николай Николаевич — доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, Гомель (Беларусь);

Метельский Андрей Анатольевич — доктор исторических наук, заведующий Отделом истории Беларуси IX-XVIII вв., Институт истории НАН Беларуси, Минск (Беларусь);

Мягков Герман Пантелеймонович — доктор исторических наук, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязева, Казань (Россия);

Нахтигаль Райнхард — доктор истории хабилитат, профессор Фрайбургского университета им. Альберта-Людвига, научный сотрудник, Фрайбург (Германия);

Патрушева Наталья Генриховна — доктор исторических наук, заведующая сектором книговедения, Отдел редких книг Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург (Россия);

Попов Стоян — доктор истории, доцент исторического факультета, Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского, Пловдив (Болгария);

Рогинский Вадим Вадимович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела Новой истории, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва (Россия);

Сагимбаев Алексей Викторович — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Цутия Иосифуру — профессор Нихонского университета, кафедра исторических наук, Токио (Япония);

Шинаков Евгений Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия).

Технический секретарь журнала:

Мельников Игорь Владимирович — кандидат биологических наук, начальник редакционно-издательского отдела, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия).

В данном выпуске журнала «Вестник Брянского государственного университета» представлены материалы ученых по основным направлениям исследований.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Ответственность за точность фактологического материала, используемого в статьях, несут авторы.

Подписной индекс

«Пресса России»: 40705 годовая

119 Прилуцкий В. В.
ПЕРВЫЙ МАНИФЕСТ АМЕРИКАНСКОГО АНГЛОИЗРАИЛИЗМА – ПРЕДВЫБОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ ЭЗРЫ СТАЙЛЗА (1783 Г.)

126 Цумарева Е.П.
К ВОПРОСУ О ЦЕНЗУРЕ: ПОНЯТИЕ, СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ, ИСТОРИОГРАФИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЦЕНЗУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ПЕРИОД 1905 – 1917 ГГ.

The Bryansk State University Herald

The Bryansk State University Herald.
№ 2(56) 2023: historical sciences. Bryansk: RISO BSU, 2023.
140 p.

Editorial Board

Chief editor:

Mikhailchenko Sergei Ivanovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Deputy Editor-in-Chief:

Artamoshin Sergey Viktorovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Executive secretary:

Fedin Andrey Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Editorial board:

Albu Ion — Doctor of History habilitat, Professor of the Department of History, Faculty of Social and Human Sciences, University «Lucian Blaga», Sibiu (Romania);

Beletskiy Sergey Vasilievich — Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Department of Slavic-Finnish Archeology, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg (Russia);

Blokhin Valery Fedorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia).

Blumenau Semyon Fedorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History and International Relations, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Bondarenko Dmitry Mikhailovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the International Center for Anthropology, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Moscow (Russia);

Gaidukov Petr Grigorievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Science of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);

Gella Tamara Nikolaevna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History and Regional Studies, Oryol State University named after I.S. Turgeneva, Orel (Russia);

Gorbachev Oleg Vitalievich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Documentation and Information Support of Management, Ural Federal University, Ekaterinburg (Russia);

Grebenkin Igor Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Ryazan (Russia);

Dubrovsky Alexander Mikhailovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Enukov Vladimir Vasilievich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Kursk State University, Director of the Research Institute of Archeology of South-East Russia, Kursk (Russia);

Ivants Blaj — Doctor of Philosophy, Associate Professor at the University of Ljubljana, Political History Specialist, Ljubljana (Slovenia);

Vol.1 – No.56 Scientific peer-reviewed journal JUNE

ISSN 2072-2087

ISSN 2413-9912

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

- 7 Antipov A.M.**
REFLECTION OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN RUSSIAN HISTORY TEXTBOOKS IN THE FOCUS OF HISTORIOGRAPHY
- 26 Artamoshin S.V.**
E. JUNGER AND THE ASSERTION OF THE NAZI GOVERNMENT: AN INTELLECTUAL'S SURVIVAL STRATEGY DURING THE YEARS OF NAZI DOMINATION
- 34 Bolshakov M.V.**
RESEARCH BY ETHNOGRAPH V.A. FALEYEVA OF THE PEASANT COSTUME COMPLEX IN THE PERIOD FROM 1965 - 1971
- 45 Bortulev V.E.**
TRANSFORMATION OF THE STRATEGY OF THE LABOUR PARTY IN THE PROGRAM DOCUMENTS OF 1918
- 53 Vlasov N.A.**
OTTO VON BISMARCK AND HIS PERCEPTION OF RUSSIA DURING THE DIPLOMATIC MISSION IN ST. PETERSBURG IN THE 1850S.
- 59 Zhuravskaia A.V.**
GENERAL PURGE OF THE RCP (B) IN 1921 (ON THE MATERIALS OF THE BRYANSK PROVINCE)
- 67 Zakirov A.V.**
FBI VS. AFRICAN AMERICANS (BASED ON COINTELPRO PROGRAM DOCUMENTS)
- 79 Kolmakov M.A.**
BRITISH PRIME MINISTER FIGHT ROBERT WALPOLE WITH THE OPPOSITION IN THE 20S OF THE XVIII CENTURY
- 91 Kudlanov K.B., Golubkov R.O.**
COMPARATIVE ANALYSIS OF THE TRAJECTORIES OF ONE-COURTYARD PEOPLE SETTLEMENT IN PUTIVL AND OREL COUNTIES
- 102 Lakhtyuk S.A., Kostrov A.V., Saitgareev R.R.**
THE GEOPOLITICAL FACTOR OF THE

Ivonina Lyudmila Ivanovna — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History, Smolensk State University, Smolensk (Russia);

Kashchenko Sergey Grigorievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Source Study of Russian History, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg (Russia);

Livtsov Viktor Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Central Russian Institute of Branch Management, Orel (Russia);

Mezga Nikolai Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Francisk Skorina Gomel State University, Gomel (Belarus);

Metelsky Andrey Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of the History of Belarus in the IX-XVIII Centuries, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk (Belarus);

Myagkov German Panteleimonovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory of State and Law and Public Law Disciplines, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryazeva, Kazan (Russia);

Nachtigall Reinhard — Doctor of History habilitat, Professor at the University of Freiburg, Albert-Ludwig, Research Fellow, Freiburg (Germany);

Patrusheva Natalya Genrikhovna — Doctor of Historical Sciences, Head of the Bibliology Sector, Rare Books Department of the Russian National Library, St. Petersburg (Russia);

Popov Stoyan — Doctor of History, Associate Professor of the Faculty of History, Paisiy Khilendarsky University of Plovdiv, Plovdiv (Bulgaria);

Roginsky Vadim Vadimovich — Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Department of Modern History, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);

Sagimbaev Aleksey Viktorovich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General History and International Relations, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Tsuchiya Iosifuru — Professor, Nihon University, Department of Historical Sciences, Tokyo (Japan);

Shinakov Evgeny Aleksandrovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia).

Technical secretary

Melnikov Igor Vladimirovich — Candidate of Biological Sciences, Chief of Editorial-publishing Department at Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University.

In this issue of the journal "The Bryansk State University Herald" materials of scientists in the main directions of researches are presented, it is intended for scientists, teachers, graduate students and students.

Materials of articles are printed in author's edition.

**INDEX 40705 OF GENERAL CATALOG
«PRESS OF RUSSIA»**

DEVELOPMENT OF SWISS
MILITARISM IN THE CONTEXT OF
MILITARY ENTREPRENEURSHIP OF
THE XIV-XVI CENTURIES

111 Nikiforov Yu. S.

UPPER VOLGA REGIONS AND
INTERREGIONAL COOPERATION IN
THE USSR (1960-1980S)

119 Prilutsky V.V.

THE FIRST MANIFESTO OF AMERICAN
ANGLO-ISRAELISM — THE ELECTION
SERMON OF EZRA STILES (1783)

126 Tsumarava E.P.

ON THE ISSUE OF CENSORSHIP: THE
CONCEPT, THE SYSTEMATIC
APPROACH TO THE STUDY,
HISTORIOGRAPHY OF THE
FUNCTIONING OF CENSORSHIP ON
THE TERRITORY OF BELARUS IN THE
PERIOD OF 1905 — 1917

Антипов А.М., аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

ОТРАЖЕНИЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В РОССИЙСКИХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ В ФОКУСЕ ИСТОРИОГРАФИИ

В данной статье рассматривается текущее состояние одного из направлений изучения исторической памяти — исследования учебников истории. В тексте представлен аналитический историографический обзор материалов, посвящённых отражению Великой Отечественной войны в учебниках истории России 1992–2020 гг. Актуальность темы обусловлена тем, что в современном мире учебники, учебные пособия и школьные программы являются ключевыми инструментами государственной политики памяти. Поскольку Великая Отечественная война стала центральным объектом исторической памяти российского общества и одним из столпов национальной идентичности, она активно используется в образовательной политике и политике памяти, что не могло не стать предметом деятельного изучения специалистов в области *memory studies*. В статье выделены два основных направления изучения учебников: трактующих учебник как образовательный текст и как идеологический. Выявлены три основных варианта идеологических воззрений исследователей в контексте их интерпретаций Великой Отечественной и Второй мировой войн, памяти и политике памяти о них, которые можно отнести к «патриотическим», «либеральным» и соответствующим западному академическому дискурсу. Рассмотрена оценка учёными учебников разных лет, установлено, что в литературе изложение событий Великой Отечественной войны в отечественных учебниках получило смешанные, хотя и преимущественно позитивные оценки. В статье отмечается, что оценка учебников, особенно в рамках направления их изучения как идеологических текстов, прямо зависит от идеологических воззрений самих исследователей. Отмечается очевидная недостаточность изучения новой линейки отечественных учебников (после 2016 г.), а также методологическая ограниченность существующих в литературе подходов к анализу учебных текстов. На наш взгляд, такое изучение должно сочетать методы нарративного анализа и дискурс-анализа, уделять внимание методам конструирования исторических мифов и прямых фальсификаций, что обеспечит глубину изысканий о семиотических и лингвистических особенностях текста учебника.

Ключевые слова: политика памяти, историческая память, исторический нарратив, идеологический нарратив, интерпретация исторических событий, трактовка истории, общее образование, образовательная политика, учебники истории.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-02-07-25

Введение

Учебники играют важную роль в формировании у школьников памяти о Великой Отечественной войне (ВОВ), а также «адекватной установки по отношению к её сохранению», поэтому исследователи указывают на «высокую степень ответственности за качественное историческое образование и значимость высоких требований к содержанию школьных учебников» [26, с. 265; 27, с. 137]. Также они признают их важность в формировании идентичности детей и подростков как таковой [19, с. 43]. Вместе с этим отмечается «общеизвестность и широкое использование их [учебников] авторами метода упрощения и сокращения фактического материала» и «невнимательность редакторов (а порой и небрежность самих авторов), которая в последние десятилетия в России стала обычным явлением», что обуславливает негативную репутацию учебной литературы «в качестве источника информации» [18, с. 198].

В рамках направления *memory studies* (мемориальных исследований, изучения исторической памяти и исторического сознания) активно изучаются преподавание истории в школе и учебная литература, образовательные исторические тексты (школьные и вузовские учебники и учебные пособия по истории) как механизм (инструмент) политики памяти и формирования её официального нарратива. Е. Ростовцев и Д. Сосницкий считают, что среди прочих механизмов российские исследователи уделяют наибольшее внимание именно их изучению [28, с. 110]. Последнее десятилетие отечественная историография продолжает уделять внимание теме ВОВ в постсоветских учебниках. Причина очевидна — среди событий, закреплённых на карте памяти современного общества ВОВ — наиболее рейтинговый объект [29, с. 279–280], в этом смысле литература следует установкам массового исторического сознания и изучает их.

Цель исследования — рассмотрение литературы об отражении Великой Отечественной войны (ВОВ) в школьных учебниках истории России и выявление ключевых тенденций в ней. Насколько нам известно, это первый опыт такой работы в историографии.

Объекты и методы исследования

Объект исследования – историография, посвящённая школьным учебникам истории России. Предмет исследования – оценки интерпретаций Великой Отечественной войны, её отдельных сюжетов, тем и личностей школьными учебниками истории в историографии. Основным методом данного исследования стал метод дискурс-анализа. Для сравнения оценок учебных текстов и направлений исследования учебников используются описательный и сопоставительный методы.

Результаты и их обсуждение

В России стали активно обращать внимание на проблему отражения ВОВ в постсоветских учебниках во второй половине 2000-х гг., что соответствует буму (подъёму) исторической памяти («мемориальному буму», «буму памяти», «повороту к памяти») и сопутствующему этому становлению мемориальных исследований как самостоятельной дисциплины. В числе первых вышла работа М. Новикова (2005 г.), посвящённая анализу латвийских учебников [23] и работа А. Давлетова (2006 г.), посвящённая сравнению освещения Холокоста в немецких и украинских учебниках [8]. Научные тексты по проблеме стали наиболее активно публиковаться начиная с 2009 г. [2; 9; 11; 20]. Развитие историографии тематического поля в России не отставало от происходящего на Западе — публикации об отражении Второй мировой войны и её отдельных аспектов (в первую очередь Холокоста) выходили там с той же динамикой. В то же время историография обратилась к изучению темы отражения ВОВ в учебниках постсоветского пространства.

С начала 2010-х гг. предпринимаются и коллективные научные предприятия в этой области. Например, в 2010 г. Российским институтом стратегических исследований был выпущен сборник «Вторая мировая и Великая Отечественная войны в учебниках истории стран СНГ и ЕС: проблемы, подходы, интерпретации» [6]. Тема Холокоста в учебниках традиционно привлекает внимание

Международного конкурса работ о Холокосте, так, в сборнике работ его победителей и лауреатов 2017 г. представлены две статьи по теме [12; 16]. В 2018 г. вышел сборник статей «Преподавание военной истории в России и за рубежом» [25]. В его основу легли материалы круглого стола «Военная история в школьных учебниках России и зарубежья: трансформация подходов в эпоху глобализации», организованного 11 октября 2018 г. Российским военно-историческим обществом и Институтом истории и политики МПГУ при поддержке издательской корпорации «Российский учебник» и журнала «Преподавание истории в школе» По меньшей мере четыре статьи в нём посвящены отражению ВОВ [1; 21] и её отдельных сюжетов (Холокост) [13; 37] в российских учебниках. О востребованности научных штудий в рассматриваемой сфере косвенно свидетельствует и их поддержка грантами различных структур. Среди таких организаций — Российский Еврейский Конгресс [20], Фонд подготовки кадрового резерва «Государственный клуб» [9] и Российский фонд фундаментальных исследований [7; 14].

Основные подходы и сюжеты

Интересна размером выборки учебников для анализа работа А. Фукса и В. Ковригина 2017 г., где помимо событий 1939–1941 гг. общая картина ВОВ и её отдельные аспекты (роль И. Сталина в войне, причины «поражений советской армии на начальном этапе войны, «сущность противостояния в войне» и пр.) рассмотрены в 22 российских учебниках 1996–2016 гг. Они оценивают идеологическое наполнение учебников с позиций, близких к официальному дискурсу российской политики памяти, который прослеживается в государственных практиках коммеморации. В связи с этим они дают более негативную оценку учебникам 1990-х гг., чем современным. При упоминании некоторых учебников сообщается об осуществлении их издания при поддержке фонда Дж. Сороса «Открытая Россия», что очевидно должно навести читателя на мысль о фальсификации истории в них. Интерпретации некоторых сюжетов, концепции сравниваются с таковыми совокупности советских учебников. Авторы признают, что в российских учебниках, даже выпущенных в 1990-х гг.,

«не нашла напрямую отражения ни одна концепция радикального направления отечественной исторической науки» и делают вывод о большем стремлении к объективности современных учебников в сравнении с теми, что были изданы в 1990-х гг., считая, что это произошло благодаря «активизации роли государства в определении содержания школьного исторического образования» [32].

В работе исследователя из Польши Д. Москвы 2018 г. рассмотрена общая картина ВОВ и её отдельные аспекты в двух учебниках по отечественной истории 2016 г. Она негативно оценивает идеологическое наполнение учебников с позиций западного академического дискурса. Д. Москва приходит к выводу о том, что в новых учебниках прослеживается единообразное толкование истории, где имеет место героизация и мифологизация образа Великой Отечественной войны. Они основаны преимущественно на освещении успехов — Красной Армии, СССР и советского народа и замалчивании их неудач и поражений, что объясняется целями российской политики памяти. Делается вывод о том, что память об одних событиях преувеличена и приукрашена, а о других — почти не существует в историческом сознании россиян [42].

Следует обратить внимание на текст Л. Алексеевой 2018 г., где помимо другой темы рассмотрена общая картина ВОВ и её отдельные аспекты в региональном учебнике истории Ханты-Мансийского округа 1999 г. года издания. Исследователь оценивает содержание, а также дидактический и методический аппарат учебника, по ряду параметров тот получает преимущественно негативную оценку: содержание учебника («вектор восприятия войны») «напоминает сухой перечень имен, дат, количественных данных», не соблюден «определённый баланс» в его отборе, при освещении темы отсутствует «человеческое измерение истории» (концепт «человек и война»). Л. Алексеева приходит к выводу, что учебник в настоящее время «по многим позициям уже устарел и требует замены», однако «представленные темы учебника истории ХМАО могут быть оценены как переходный вариант к учебнику более высокого содержательно-теоретического уровня» [1].

В 2018 г. вышла уникальная в своём роде работа А. Морозова, где рассмотрена

общая картина ВОВ и её отдельные аспекты в 37 региональных учебниках истории 2001–2018 гг. Исследователь оценивает содержание, а также дидактический и методический аппарат учебника, по ряду параметров те получают преимущественно негативную оценку: делается вывод о том, что беспроblemное и скучное, «вязкое и тягучее» содержание этих учебников и в некоторой степени «примитивное» методическое обеспечение не отвечает современным требованиям, учитывающим «клиповое сознание» детей, а это сказывается на эффективности обучения и воспитательной работы (утрата всякого доверия ученика к учебному тексту и пр.). А. Морозов считает причиной появления таких учебников то, что их авторы создают их «не столько для детей, сколько в первую очередь для самих себя и разнообразных заказчиков и рецензентов», опираясь при это в качестве примера на «образцы 30–40-летней давности». Также он делает предположение, что учебники нового поколения должны «содержать сценарии организации самостоятельной учебной деятельности учащихся по работе с различными информационными источниками, в том числе и первоисточниками, по поиску ответов на проблемные вопросы и решению учебных задач», а современный учебно-методический комплекс должен «включать электронную версию и ориентировать на поиск и обработку информации на компьютере и в Интернете» [21].

Отражение ВОВ в российских учебниках упоминается в критической по отношению к российскому мифу работе Ф. Краватзек и Н. Фрисс 2020 г. Учебники рассматриваются в качестве одного из инструментов исторической политики, направленного на молодёжь, наравне с патриотическим воспитанием, литературой и кино о войне. Они негативно оценивают идеологическое наполнение учебников с позиций западного академического дискурса. Исследователи считают, что рост внимания государства к учебникам в конце 2000-х гг. стал реакцией на цветные революции в ряде бывших советских республик. Интерпретацию ВОВ в учебниках они считают столь же однобокой, без критических оценок, продвигающей «прославленную национальную историю» как и в патриотическом воспитании [41].

Интересна эффективным использованием графиков и таблиц работа Ю. Криницкого и А. Яценко 2021 г., где в числе прочих тем учебников авторы рассмотрели общую картину ВОВ и её отдельные аспекты в 10 учебниках по отечественной истории 1995–2016 гг. Они оценивают идеологическое наполнение учебников с позиций просоветского и официального российского дискурса и дают более негативную оценку учебникам 1990-х гг., чем современным, советские учебники получают наиболее высокую оценку. Авторы привели графики зависимости объёма информации по ВОВ и её сражениям в учебниках разных лет (по количеству страниц, с 1950 г. по 2020 г.), а также таблицы наличия в учебниках (в т.ч. трёх российских учебниках: 1995 г., 2003 г. и 2016 г.) материала об основных сражениях ВОВ и (в т.ч. двух российских учебниках: 1995 г. и 2016 г.) выдающихся личностей ВОВ (военачальников и полководцев, военных конструкторов, героев, совершивших подвиги). Они приходят к выводу о низком качестве военно-исторического образования школьников (относительно объёма военно-исторических знаний и их содержания) в России по сравнению с советским, однако замечают тенденцию «выравнивания провала» [17].

Нужно отметить и ряд работ посвящённых отражению отдельных тем и сюжетов ВОВ в российских учебниках. *Отражение роли народов СССР в ВОВ* по меньшей мере в 6 российских учебниках отечественной и всемирной истории 1996–2002 г. упоминается в работе В. Шнирельмана (2009 г.). Автор критикует освещение политики депортаций и игнорирование участия нерусских советских солдат в войне и деятельности советских общественных организаций и деятелей народов СССР во время неё [43].

Освещение *коллорационизма* в нескольких российских (7) учебниках отечественной истории рассматривается в статье А. Богдановой (2017 г.). Автор рассматривает текст учебников на предмет соответствия требованиям регламентирующих документов: Федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС) и Историко-культурного стандарта (ИКС). А. Богданова оценивает идеологическое наполнение учебников с позиций официального российского

дискурса и приходит к выводу о том, что сюжет всесторонне и корректно рассмотрен лишь в части учебников [3].

Интересна подробным освещением нарратива и его критикой, нередко приобретающей характер исторического экскурса, работа И. Долуцкого 2009 г., где *освещение роли и места США* во Второй мировой войне (антигитлеровская коалиция, военные действия и операции войск Союзников во Второй мировой войне, второй фронт и ленд-лиз) и ряда других сюжетов (перспективы войны Японии и Турции против СССР) рассмотрено среди других аспектов в 9 российских учебниках. Автор оценивает идеологическое наполнение учебников с позиций условно «либерального» взгляда на войну и память о ней и приходит к выводу о существенной роли союзников СССР во Второй мировой войне и ленд-лиза и необходимости признания таковой в российских учебниках [11].

В 2009 г. вышла работа А. Локшина, где дано разностороннее освещение темы *судьбы еврейского народа* (Холокоста и его планов в рамках плана «Ост», создания Еврейского антифашистского комитета и его деятельности, иудаизма в годы ВОВ, мужества и героизма советских евреев, награждённых советских евреев) в 13 российских учебниках 1992–2007 гг. Автор оценивает содержание, а также дидактический и методический аппарат учебников, по ряду параметров те получают преимущественно негативную оценку. Он наблюдает игнорирование или неудовлетворительную интерпретацию темы и её аспектов, замечая, что ни в одном учебнике не дано представление Холокоста как «беспрецедентного в истории случая, когда государство предприняло попытку геноцида» [20]. А. Елифанова отзывается о работе А. Локшина так: та «хотя и утверждает неудовлетворительное состояние освещения темы в российских учебниках, из-за отсутствия исчерпывающих аналитических категорий не показывает основные представления о геноциде евреев и их трансформацию на протяжении периода исследования» [13, с. 254].

В 2012 г. была опубликована статья соотечественницы из Германии К. Винклер, один из разделов которой посвящён освещению Холокоста в российских учебниках. Автор не проводит самостоятельного исследования

учебников, а ссылается на труды других учёных. Она негативно характеризует освещение темы в российских учебниках как неполное и необъективное, не отражающее явление. Вместе с тем позитивно оценивается решение о включении преподавания истории Холокоста в стандартный учебный план среднеобразовательных школ [4]. Схожие выводы приведены в статье с несколько изменённым текстом, опубликованной в том же году [5].

Интересна достойной методикой качественного анализа работа Ю. Першиной (2015 г.), где освещение темы Холокоста сравнивается в 15 российских учебниках. Исследователь оценивает содержание, а также дидактический и методический аппарат учебника, по ряду параметров лишь некоторые получают преимущественно позитивную оценку. Для этого она предлагает ряд фундаментальных аспектов («содержательных линий», «аспектов изучения темы») Холокоста и уже по ним анализирует освещение темы. В связи с этим рассмотрено также отражение соответствующих аспектов плана «Ост», агитации и пропаганды нацистской Германии, изъятия, вывоза, нанесения вреда и уничтожения Германией советских культурных ценностей. Также она предлагает ряд средств усиления прагматического эффекта текста («методических линий») и анализирует их использование при освещении темы — такой подход нехарактерен для значительной части работ в тематическом поле. Она сообщает в каких учебниках представлена та или иная «содержательная линия», в т.ч. иногда замечая в каких преимущественно — всеобщей или отечественной. Делается вывод о том, что в большинстве рассмотренных учебников тема Холокоста раскрыта в контексте изучения истории России. Также сделан вывод, какие из «содержательных» и «методических линий» являются самыми «популярными» (наиболее часто представленными) [24].

Достойная методика качественного и количественного анализа присутствует в работе А. Епифановой (2017 г.), где освещение темы Холокоста сравнивается в 24 российских учебниках. Автор оценивает содержание, а также дидактический и методический аппарат учебников, по ряду параметров те получили от неё преимущественно негативную оценку. Нарратив сравнивается с

рекомендациями IHRA для преподавания темы Холокоста и понятием Холокоста «Яд Вашем», исходя из которых исследователь предлагает ряд фундаментальных аспектов (знаний, позиций) Холокоста и уже по ним анализирует освещение темы. Учебники разделены на три периода (1995–2005 гг.; 2006–2012 гг. и 2013–2016 гг.), выявляются тенденции для каждого периода. Делается вывод о фрагментарном, поверхностном отражении фундаментальных знаний о Холокосте в учебниках, объясняющим в некоторой степени столь же поверхностные знания молодёжи о Холокосте и обуславливающим значимость роли учителя и внеклассных мероприятий в преподавании Холокоста [12]. Также она предпринимает подробное рассмотрение нарратива в работе 2018 г., где освещение темы Холокоста сравнивается в большом (12) количестве российских учебников. Бегло рассмотрена память об общей картине ВОВ, в некоторых учебниках — отражение ряда сюжетов, связанных с Холокостом. Автор оценивает содержание, а также дидактический и методический аппарат учебников, по ряду параметров те получили преимущественно негативную оценку. Сделан вывод о присутствии темы Холокоста в российских учебниках с 1990-х гг. Выявлены тенденции в освещении Холокоста, а именно его представление как части плана «Ост» и оккупационного режима в СССР, а не «целенаправленного процесса тотального уничтожения евреев Европы». Высказывается предположение о негативных последствиях этих тенденций, а именно сложности осмысления школьниками характера и масштабов Холокоста как явления [13].

Отражению *Блокады Ленинграда* посвящена работа И. Грибан и С. Лыты, где та рассмотрена на примере большого количества (9) российских и советских (2) учебников отечественной истории. Авторы оценивают содержание, а также дидактический и методический аппарат учебников, которые по ряду параметров получили преимущественно позитивную оценку. Они отмечают, что в части учебников как «переходного периода», так и большинства учебных пособий 2005–2013 гг. блокада Ленинграда «практически не освещалась», «лишь вскользь упоминается в общей канве событий», для них

характерно описание блокады Ленинграда в «сухих строках» и избегание приведения конкретных последствий блокады. Исследователи приходят к выводу, что объём и содержание текста о блокаде, а также дополнительного и сопровождающего материала в современных учебниках существенно расширились, однако молодёжь, учившаяся по старым (изданных в 1990-х – 2013 гг.) учебникам, не обладает такой памятью о блокаде Ленинграда и ВОВ в целом, которая бы позволила «не утратить чувство сопричастности, не потерять связь со своими предками» [7].

Обратим внимание на работы, посвящённые изучению отражения образов, символов и материальных «мест памяти» в учебниках. Яркий пример — текст Ю. Карушевой (2017 г.), где монумент «Родина-мать зовёт!» и образ Родины, её врагов, вины и долга её людей перед ней и её отношений со своими людьми рассмотрен в т.ч. в пяти российских учебниках отечественной истории, проводится их сравнение с двумя советскими учебниками. Исследователь оценивает идеологическое наполнение учебников с позиций официального российского дискурса, а использование качественных методов позволило автору выявить выражение в тексте разных функций образа Родины. Она приходит к выводу, что монумент «Родина-мать зовет!» активно включается в символическую политику через образовательную практику. Использование образа «Родины-матери» позволяет мнемоническим акторам, в т.ч. государству как ключевому из них, «конструировать у школьников знания об истории страны и отношение к ней». В российских учебниках повествование о периоде ВОВ является «эмоционально насыщенным» (акценты на её нахождении в опасности, её слабости и беспомощности и долге её самоотверженной защиты каждым гражданином). Также в российских и советских учебниках прослеживается «единство во мнении по ряду ключевых вопросов репрезентации образа Родины и отношения к ней» (чёткое определение врагов Родины: «фашистов, предателей и дезертиров»). Прослеживаются и «отдельные различия» (признание в российских учебниках вины граждан в бедах Родины за допущение врагов на её землю, изображение в советских учебниках взаимных отношений Родины и ее

защитников). Изображение Родины-матери в них встречается как в форме плаката И. Тоидзе, так и в форме монумента Е. Вучетича «Родина-мать зовёт!» [14].

В ряде текстов учебники 1990-х гг. противопоставляются учебникам 2000-х гг. и более позднего времени. При этом учебники 1990-х гг. оцениваются преимущественно негативно. Это время обозначено как «период шельмования и дегероизации нашего военного прошлого» [17, с. 96]. Прямо сообщается о негативных тенденциях, признаётся пересмотр советских концепций Второй мировой войны и оценок её событий и процессов, роли личностей, меньшая объективность учебников, отражение в них направлений фальсификации истории, причём в некоторых учебниках — радикальных. Отмечается низкий "воспитательный потенциал" материала. Те же авторы позитивно оценивают учебники 2000–2010-х гг. как более объективные, в которых реже отражены направления фальсификации истории и обычно наблюдается её единообразное толкование. Отмечается, что в них уделяется больше внимания ВОВ, чем в учебниках 1990-х гг. [17, с. 96; 32, с. 69]. Отмечается преобладание героических мотивов, основанных на подчёркивании побед и успехов (не обязательно военных), героизма и жертвенности, и направленность материала на реализацию "воспитательной функции". Тенденции объясняются происходящим в эти годы «переосмыслением значения Великой Победы» [17, с. 96]. Вместе с тем, авторы указывают на недостаточно высокое качество учебников и военно-исторического образования по сравнению с советскими [17, с. 97-98]. В то же время противники российской концепции ВОВ считают интерпретацию ВОВ в российских учебниках однобокой, без критических оценок [41]. Критикуется освещение ряда сюжетов в некоторых учебниках, особенно «дискуссионных страниц», посвящённых сложным и болезненным проблемам.

Российские и зарубежные учебники — компаративный анализ в историографии

Ещё одна тенденция — сравнение отражения Второй мировой войны и ВОВ в российских учебниках и зарубежных, например, постсоветских. Нередко такое сравнение происходит в контексте изучения

соответствующих «войн памяти».

Ещё в 2009 г. авторский коллектив под руководством А. Данилова и А. Филиппова подготовил обширный доклад об освещении общей истории народов России и постсоветских стран в учебниках постсоветских государств, где ВОВ была посвящена отдельная глава. Общая картина ВОВ и её отдельные аспекты сравниваются с учебниками большинства постсоветских государств. Авторы оценивают идеологическое наполнение учебников с позиций официального российского дискурса, среди них наиболее позитивно оцениваются белорусские, чуть менее — казахстанские, узбекистанские и киргизские [9]. Схожие наблюдения сделаны в работе А. Данилова 2010 г., очевидно, использующей материалы и наработки упомянутого выше доклада. Интерпретации некоторых сюжетов там сравниваются с таковыми в советских учебниках. Автор приходит к выводу о значимости роли учебников в сохранении памяти о ВОВ и необходимости того, чтобы в них «героический подвиг народов нашей страны был бы по достоинству оценен и отмечен» [10].

Интересна глубоким анализом нарратива и выявлением его механизмов как инструмента политики памяти работа исследователя из США К. Коростелиной, где среди прочих тем общая картина ВОВ и её отдельные аспекты сравниваются в 7 российских и 8 украинских учебниках. Подвергаются анализу также 4 российских и 6 украинских методических рекомендаций / пособий для учителей школ. Их идеологическое наполнение оценивается с позиций западного академического дискурса, таковое не получает позитивную оценку ни в российских учебниках и пособиях, ни в украинских. Сделан вывод о том, что в учебниках обоих государств нарратив ВОВ среди прочих выступает в качестве инструмента политики памяти. Среди его механизмов в Украине — альтернативная интерпретация общих с Россией исторических событий, отрицающая их общий характер и подчёркивающая различия, а также доминирующие ценности и идеи. Это делается через негативное представление России, в т.ч. как исторического деспотичного и агрессивного врага, и уделение особого внимания «избранным травмам» — конфликтам с ней и жертвенности в них. Использование таких

механизмов преследует цель развития «мобилизующей формы социальной идентичности», основанной на представлении себя как «жертвы» и необходимости «объединиться против злого и жестокого врага». В России в качестве такого механизма выступает критика (осуждение) украинского национализма на примере УПА, преследующая цель провозглашения «общности и единства истории и культуры (общей идентичности) с доминированием России над «младшим братом» (Украиной)». Также имеет место героизация войны, её освещение как «скрепляющего и определяющего события для всех народов постсоветского пространства», преследующая цель изменить восприятие России как «Родины Страха» и узаконить и продвинуть «авторитарные ценности» — подчеркнуть роль сильного государства для «объединения современного российского общества и всех бывших республик Советского Союза» [40].

В работе Д. Чуракова 2013 г. ВОВ хоть и упоминается, но не находится в центре внимания. Её общая картина и отдельные аспекты в числе прочих тем сравниваются с латвийскими, молдавскими и украинскими учебниками. У автора прослеживается условно «патриотический» взгляд на войну и память о ней, определяющий его довольно эмоциональную оценку некоторых учебников и интерпретаций некоторых сюжетов. Он оценивает идеологическое наполнение учебников с позиций просоветского и официального российского дискурса. Автор, негативно оценивая латвийские, молдавские и украинские учебники, приходит к выводу о наличии фальсификации истории на постсоветском пространстве и замалчивании в России учебных изданий, написанных с «патриотических или хотя бы нейтральных позиций». Для борьбы с этим призывает к консолидации российских историков и поощрению российскими властями создания учебника, стоящего на государственных началах [34]. В 2015 г. вышла другая его работа, где общая картина ВОВ и её отдельные аспекты сравниваются с большим количеством российских и рядом украинских, латвийским и молдавским учебниками. Взгляд автора на войну и память о ней, подход к изучению и оценке учебников в этой публикации не меняется. В ней он весьма эмоционально критикует некоторые

учебники как «низкопробные», «не выдерживающие никакой критики», «переполненные неточностями и чёрной мифологией» и как те, что «сложно считать учебником истории в собственном смысле этого слова» и где «мы действительно видим внушительный набор мифов» [36]. Вместе с тем, значительная часть текста работы заимствована из его же работы 2013 г. [34] и используется в другой его работе 2015 г. [35].

В работе А. Филиппова 2015 г. общая картина ВОВ и её отдельные аспекты в числе прочих тем сравниваются с учебниками большинства постсоветских государств, а сравнение дополняется опросом общественного мнения в этих государствах. Автор оценивает идеологическое наполнение учебников с позиций официального российского дискурса — учебники постсоветских государств, за исключением России, Белоруссии и, в меньшей степени, Армении считаются «националистическими», с необъективной оценкой прошлого. А. Филиппов приходит к выводу, что в них умалчивается «обо всём хорошем, что получили народы СССР от проживания в едином государстве бок о бок с русским народом». Он считает, что такая тенденция грозит «прочным забвением» событий XX в. через 15–20 лет населением этих государств и складыванием образа России как «зловещей империи, которая веками уничтожала, подавляла и эксплуатировала их предков» [31].

В 2015 г. вышла работа Ю. Морозова, где тема учебников как таковая не находится в центре внимания, однако общая картина ВОВ и её отдельные аспекты сравниваются с совокупностью неназванных западноевропейских и американских учебников. Автор не проводит самостоятельного исследования российских учебников, а ссылается на труды других учёных. Бегло рассмотрено отражение отдельных аспектов войны в совокупности японских учебников. У автора ярко прослеживается условно «патриотический» взгляд на войну и память о ней, он оценивает идеологическое наполнение учебников с позиций просоветского и официального российского дискурса. Негативную оценку получают все они — примечательно, что, критикуя российские учебники, он ссылается на работу 2005 г., упуская из виду целый пласт

учебников, вышедших в течение десяти лет после этого. Сделан вывод о том, что фальсификация истории Второй мировой войны, включающая в себя её «коренной пересмотр уроков и итогов», — одно из основных средств в информационной войне против России, где «дезинформация» осуществляется в т.ч. через систему образования, «где намеренно искажаются исторические события». Вместе с тем, без подробного раскрытия роли в этом российских учебников вывод выглядит поверхностным [22].

Сравнение с американскими учебниками предпринято в работе А. Строканова, С. Ждановой и Л. Пузырёвой 2016 г., где общая картина ВОВ и Второй мировой войны и её отдельные аспекты (например, периодизация) сравниваются в российском учебнике всемирной истории и американском. Авторы оценивают содержание, а также дидактический и методический аппарат учебников, по ряду одних параметров более позитивную оценку получил российский учебник, по ряду других — американский. К определению критериев анализа была привлечена группа экспертов, в результате чего критерии анализа довольно разнообразны. Исследование уникально тем, что в нём выявлены отдельные образы и предпринято их сравнение. Авторы приходят к выводу, что среди общих тенденций российского и американского учебника — неполное освещение событий Второй мировой войны и отсутствие представления её как «свидетельства величайшей трагедии». Среди различий — разное видение состава участников Второй мировой войны и их роли, а также тыла и жизни людей в этот период, разные составляющие образа врага, наличие установки на героизацию войны в российском учебнике и её отсутствие в американском [30].

Интересна масштабной выборки анализируемых учебников работа А. Фукса и В. Ковригина 2020 г., где общая картина ВОВ и её отдельные аспекты сравниваются в 34 советских и российских и 44 немецких учебниках. Оценивается идеологическое наполнение учебников с позиций официального российского дискурса, явного негатива не наблюдается даже в отношении российских учебников 1990-х гг. Авторы приходят к выводу о невозможности создания единого

учебника истории Европы ввиду того, что в них прослеживаются противоречия в трактовках событий Второй мировой войны, а «достигнуть единообразия в трактовках [Второй мировой] войны в школьных учебниках России и зарубежных стран очень непросто», поскольку «подход большинства научных школ к анализу исторического материала» основан на этноцентризме (вероятно, имея в виду, что и в России тоже). Вместе с тем, авторы считают, что в этой сфере существуют направления конструктивного диалога, прежде всего «согласование позиций по вопросам крупнейших мировых событий, в которых Россия и страны Запада находились «по одну сторону баррикад»», приводя ряд примеров, в т.ч. где согласование возможно «на основе статистических данных без радикализма в оценках» [33].

В 2020 г. вышла работа А. Клепалова и Л. Нажиповой, где общая картина ВОВ и Второй мировой войны и её отдельные аспекты (например, периодизация) сравниваются в российском учебнике всеобщей истории и американском учебнике. Авторы оценивают содержание, а также дидактический и методический аппарат учебников, по ряду параметров российский учебник получил более позитивную оценку. Исследователи приходят к выводу, что в российском и американском учебниках наблюдаются «полярные подходы к трактовке истории Второй мировой и Великой Отечественной войн», приводя в качестве примера различия в периодизации Второй мировой войны и акцентах в освещении военных действий [15].

Укажем также на тексты, посвящённые сравнению отражения отдельных тем и сюжетов ВОВ в учебниках России и других стран. *Отражению событий 1939–1941 гг.* (начала Второй мировой войны и предыстории ВОВ, в первую очередь советско-германских отношений) посвящена работа Д. Чуракова 2015 г., который именует их «начальным периодом борьбы с фашистской агрессией». Те рассмотрены в украинском учебнике, позднесоветском учебнике и 10 российских учебниках и пособиях 1995–2007 г., в т.ч. одном вузовском. В двух российских школьных учебниках также рассмотрено отражение летне-осенней кампании 1941 г. и сражений Красной Армии против немецких войск в первые полгода ВОВ

(«первых боев Великой Отечественной войны», как их обозначает автор). Он оценивает идеологическое наполнение учебников с позиций просоветского и официального российского дискурса и даёт более негативную оценку учебникам 1990-х гг., чем современным. Исследователь приходит к выводу о необходимости преподавания истории ВОВ в патриотическом ключе и стабильного проведения государством политики памяти, направленной на «преодоление измышлений в области истории Великой Отечественной войны», значимую роль в которых должны играть студенты и научно-педагогические работники исторических факультетов университетов [35]. Значительная часть текста используется в другой работе автора [36].

В 2012–2014 г. Институт международных исследований учебников им. Георга Энкерта совместно с ЮНЕСКО провёл детальное изучение нарративов о *Холокосте* в учебниках 26 стран, в т.ч. России, где были рассмотрены пять учебников, опубликованных в 2000–2009 гг. При рассмотрении российских учебников косвенно была рассмотрена общая картина ВОВ. Были также рассмотрены 4 белорусских учебника, опубликованных в 2001–2012 гг., один из которых — факультативный, посвящённый ВОВ. Эксперты оценили содержание, а также дидактический и методический аппарат учебников. Исходя из этого Россия и Белоруссия были отнесены к странам, в которых Холокост прямо упоминается, в России — в контексте советского сопротивления и жертв, будучи «подчинённым истории ВОВ», в Белоруссии — строго в контексте белорусской местной или национальной истории. Украина была отнесена к странам, в которых Холокост упоминается лишь контекстуально, авторы объясняют это тем, что в Украине Голодомор вытесняет представления о Холокосте. Авторы сомневаются, что в России Холокост «действительно преподаётся», а его преподавание соответствует характеру учебной программы [39]. Аналогичные выводы сделаны в другой работе авторов 2015 г., которая представляет резюме аналитического исследования, рассмотренного выше [38]. А. Епифанова считает, что оно «хотя и даёт некоторые представления об освещении Холокоста в России, однако основано на узкой базе источников и не показывает развития

Основные направления исследования учебников

Наши наблюдения показывают, что можно выделить два основных направления исследования учебников и отдельных тем в них. В одном из них учебник рассматривается как политический текст, уделяется первоочередное внимание его политическим функциям: идеологизированности («идеологическому потенциалу») и политизированности, наличию в нём этноцентрических или космополитических позиций (установок). Идеологизированность или политизированность могут быть «правильными» (патриотическими) или «неправильными» (националистическими, ревизионистскими, нигилистскими и пр.) исходя из политических воззрений авторов и их собственного отношения к ВОВ, памяти и политике памяти о ней. Учёные в рамках этого направления рассматривают учебник и историческое образование в целом в первую очередь как инструмент политики памяти («определения и продвижения своей национальной идентичности (нациестроительства) и представления себя в отношениях (формирования отношений) с другими государствами» [40, pp. 129, 136]), символической политики (делая вывод о когнитивном и эмоциональном потенциале того или иного образа, присутствующего в учебнике), социальной мобилизации и информационной войны. Они выявляют примеры его выступления в качестве такого инструмента (намеренная фальсификация (искажение) исторических событий, героизация одних сюжетов и критика (осуждение) других, пренебрежение одними аспектами и подчёркивание других, формирование позитивного или негативного образа, эмоционально окрашенное отношение и эмоционально насыщенное повествование), оценивают его эффективность в качестве такового и перспективы сближения нарративов разных учебников, в т.ч. учебников разных государств, вплоть до создания единого учебника, посредством согласования позиций и достижения единообразия в интерпретациях ВОВ и её сюжетов.

Особенно это характерно для исследований, охватывающих представление в учебниках общей картины ВОВ и её отдельных аспектов, обосновывающих свою

актуальность «фальсификацией истории» и уделяющих внимание контексту — политическим процессам на постсоветском пространстве и международной ситуации, современному политическому дискурсу страны издания учебника, трансформации памяти и политики памяти о ВОВ, активности «западных фондов» в школьном образовании, фальсификации истории Второй мировой войны и ВОВ и государственным мерам по борьбе с ней. В таких работах наиболее ярко прослеживаются идеологические воззрения авторов и их собственное отношение к ВОВ, памяти и политике памяти о ней. Их можно отнести к «патриотическим», «либеральным» и соответствующим западному академическому дискурсу. Ни один из них не выступает против использования нарратива учебника в качестве инструмента политики памяти инструмента политики памяти.

«Патриотические» воззрения соответствуют просоветскому и/или официальному российскому или пророссийскому дискурсу. Примеры таких исследований — работа А. Богдановой [3], А. Данилова [10] и авторского коллектива под его и А. Филиппова руководством [9], Ю. Карушевой [14], Ю. Крилицкого и А. Яценко [17], Ю. Морозова [22], А. Филиппова [31], А. Фукса и В. Ковригина 2017 г. [32] и 2020 г. [33] и Д. Чуракова 2013 г. [34] и 2015 г. [35; 36].

«Либеральные» воззрения соответствуют дискурсу ряда историков, публицистов и общественных и политических деятелей, пересматривающих некоторые положения официального российского дискурса, что даёт их противникам основание называть их «ревизионистами». В теме ВОВ это касается, в первую очередь, оценок роли Союзников, в частности ленд-лиза и второго фронта, заслуг некоторых советских полководцев и значения Победы, а также героизации СССР и советского народа в ВОВ. Пример такого исследования — работа И. Долуцкого [11].

Западный академический дискурс негативно оценивает единообразное и однобокое толкование истории без критических оценок, продвижение «прославленной национальной истории», основанной на замалчивании одних сюжетов и освещении других в угоду реализации целей политики памяти. Его роднит с «либеральными» воззрениями критика

героизации СССР и советского народа в ВОВ. Примеры таких исследований — работа К. Коростелиной [40], Ф. Краватзек и Н. Фрисс [41] и Д. Москвы [42].

В рамках другого направления исследований учебник рассматривается как образовательный текст, уделяется первоочередное внимание его образовательной, воспитательной и информационной (информативной) функции, что подразумевает концентрацию на его содержании, а также его дидактическом и методическом аппарате. Учебник воспринимается в первую очередь как источник знаний о прошлом или своего рода функциональное «место памяти», отражающее память и представления общества. Оценивается качество нарратива ВОВ, её сюжетов и их отдельных аспектов, иногда за счёт соответствия нарратива той или иной формуле преподавания сюжета или достижениям науки и/или историографии. Также оценивается качество методического обеспечения на соответствие современным требованиям. За счёт рассмотрения специфики памяти, политики памяти и системы образования делаются предположения о том, что обуславливает такое качество нарратива и преподавания той или иной темы в школе. Исследователи выявляют тенденции (акценты), соответствие нарратива учебника той или иной концепции истории, памяти и представлениям общества и проявление в нём того или иного подхода к изучению и объяснению истории («человеческого измерения истории» и др.), оценивают связанность разных учебников между собой и дополнение ими друг друга и выводят предположения о влиянии всего этого на память и политику памяти, в первую очередь в образовании (обучении и воспитательной работе), делают соответствующие рекомендации, в т.ч. к подготовке новых учебников.

Особенно это характерно для текстов, концентрирующихся на освещении отдельных сюжетов войны, обосновывающих свою актуальность значимостью памяти о ней и её сюжетах и школы, в т.ч. школьного курса истории и его учебников в получении людьми основной информации об окружающем мире или в формировании региональной и/или национальной идентичности (самосознания), в т.ч. искажённой, способствующей

формированию сепаратистских тенденций. Также это характерно для исследований, уделяющих внимание контексту — особенностям истории того или иного региона, специфике ВОВ и её сюжетов как «места памяти» и семейной истории о них, памяти о них социальных групп, политике памяти о них, в т.ч. в образовании — отечественному и зарубежному опыту их преподавания (образовательным практикам), особенностям регионального и федерального исторического образования (в т.ч. его модели и контактам российских учёных и зарубежных), региональной исторической науки и исторического краеведения. В таких работах менее явно прослеживаются политические воззрения авторов и их собственное отношение к ВОВ, памяти и политике памяти о ней, обычно их можно отнести к «либеральным» или к западному академическому дискурсу.

Примеры таких исследований — научный доклад экспертов Института Георга Энкерта [39] и его резюме [38], работа Л. Алексеевой [1], К. Винклер [4; 5], И. Грибан и С. Лыты [7], А. Епифановой 2017 г. [12] и 2018 г. [13], А. Клепалова и Л. Нажиповой [15], Е. Крехалёвой [16], А. Локшина [20], А. Морозова [21], Ю. Першиной [24], А. Строканова, С. Ждановой и Л. Пузырёвой [30], В. Шнирельмана [43] и С. Шпагина [37].

Выводы

Вклад автора в постановку и разработку избранной научной проблемы заключается в отражении состояния тематического поля исследований изложения Великой Отечественной войны в постсоветских учебниках. В статье выделены два основных направления изучения учебников: трактующих учебник как образовательный текст и как идеологический. Выявлены три основных варианта идеологических воззрений исследователей в контексте их интерпретаций Великой Отечественной и Второй мировой войн, памяти и политике памяти о них, которые можно отнести к «патриотическим», «либеральным» и соответствующим западному академическому дискурсу.

В целом для историографии характерно уделение внимания достоверности учебника, выявление прямых «фальсификаций истории» и их разоблачение при обнаружении таковых, обнаружение противоречий в интерпретациях ВОВ и её сюжетов в разных

учебниках. Крайне редко выявляются исторические мифы и методы (манипулятивные приёмы) их конструирования (создания) – в тематическом поле нет работ, которые бы сосредоточились на этом.

Российским учебникам уделяется достаточное внимание, почти незамеченными остаются российские региональные учебники истории. Существует мало работ, обративших внимание на учебники, вышедшие после 2016 г.

Отражение отдельных сюжетов и тем Великой Отечественной войны и оценки её личностей в учебниках изучены слабо. Вместе с тем, уделено достаточное внимание теме Холокоста в учебниках. Это может быть объяснено активной просветительской деятельностью соответствующих организаций, особенно Центра и Фонда «Холокост», поддерживающего научные исследования по теме Холокоста, и их руководителей и представителей, также выступающих в качестве исследователей. Такой интерес свидетельствует, что Холокост стал значимым объектом в политике

памяти негосударственных акторов, следуя за тенденцией Европы и в целом Запада.

В тематическом поле встречаются довольно политизированные работы. Учёные, особенно те, кто изучают учебник как образовательный текст, преимущественно дают менее эмоциональные и менее категоричные оценки учебников на постсоветском пространстве и освещения ВОВ в них чем официальные лица, политики, СМИ и блогеры даже если усматривают в критикуемых интерпретациях сюжетов учебников прямые фальсификации и исторические мифы. Перспективным видится дальнейшее изучение российских учебников, вышедших после 2016 г., а также отражения в них отдельных сюжетов, тем и героев Великой Отечественной войны. Такое изучение должно сочетать методы нарративного анализа и дискурс-анализа, уделять внимание методам конструирования исторических мифов и прямых фальсификаций, что обеспечит глубину изысканий о семиотических и лингвистических особенностях текста учебника.

Список литературы

1. Алексеева Л.В. Первая и Вторая мировые войны в учебнике истории Ханты-Мансийского округа: проблемы содержания в контексте подготовки новой книги для школьников // Преподавание военной истории в России и за рубежом / отв. ред. К.А. Пахалюк. М.; СПб.: Нестор-История. 2018. С. 212–229.
2. Басин Я.З. Холокост как предмет научного исследования // Вестник Брестского государственного технического университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. №6. С. 2–6.
3. Богданова А.Б. Коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны: проблемы освещения в школьных учебниках // Бюллетень науки и практики. 2017. № 9. С. 194–201.
4. Винклер К. Память о Холокосте в современной России // Донской временник. Год 2013-й / отв. ред. Л.А. Штавакер. Ростов-на-Дону: Дон. гос. публ. б-ка, 2012. Вып. 21. С. 214–219.
5. Винклер К. Память о Холокосте в современной России // Материалы XIX ежегодной Международной конференции по иудаике. Том I. Холокост на территории СССР. Академ. сер. Вып. 40 / отв. ред. А. Зельцер. М., 2012. С. 131–143.
6. Вторая мировая и Великая Отечественная войны в учебниках истории стран СНГ и ЕС: проблемы, подходы, интерпретации (Москва, 8–9 апреля 2010 г.) : материалы международ. конф. / отв. ред. Т.С. Гузенкова, В.Н. Филянова. М.: РИСИ, 2010. 472 с.
7. Грибан И.В., Лыта С.В. Как помнить и что знать? Блокада Ленинграда в школьных учебниках отечественной истории // Историко-педагогические чтения. 2019. № 23. С. 328–335.
8. Давлетов А.Р. Проблема освещения Холокоста в современных школьных учебниках по истории в ФРГ и на Украине: попытка сравнительного анализа // Вторая мировая война : уроки истории для Германии и России : Материалы международной научной конференции (Кемерово, 23-25 сентября 2005 г.) / отв. ред.: Ю.В. Галактионов, А.А. Мить. Кемерово; М.: Изд. объединение «Российские университеты», 2006. С. 333–339.
9. Данилов А.А., Филиппов А.В. и др. Происхождение Второй мировой войны. Великая Отечественная война // Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках новых независимых государств / отв. ред. А.А. Данилов, А.В. Филиппов.

М.: Государственный клуб, 2009. С. 148–186.

10. Данилов А.А. Проблемы Второй мировой и Великой Отечественной войн в школьных учебниках на постсоветском пространстве // Преподаватель XXI век. 2010. Т. 1. №. 2. С. 13–22.

11. Долуцкий И.И. Д-р Джекилл и м-р Хайд: США в советских и российских учебниках истории // Россия и США на страницах учебников: опыт взаимных репрезентаций. Ин-т Кеннана Междунар. науч. центра им. Вудро Вильсона / отв. ред. В.И. Журавлева, И.И. Курилла. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. С. 230–279.

12. Епифанова А.С. От запрета на память к попыткам мемориализации? Анализ представления темы Холокоста в российских учебниках истории, 1990–2016-е гг. // Мы не можем молчать: Школьники и студенты о Холокосте. Вып. 14 / отв. ред. И.А. Альтман. М.: Центр и Фонд «Холокост»: МИК, 2017. С. 207–217.

13. Епифанова А.С. Освещение Холокоста в контексте войны в учебниках по истории России // Преподавание военной истории в России и за рубежом / отв. ред. К.А. Пахалюк. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 249–260.

14. Карушева Ю.М. Монумент "Родина-мать зовёт!" в образовательной политике современной России в сфере школьного образования // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2017. №1. С. 70–81.

15. Клепалов А.В., Нажипова Л.М. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: проблема интерпретации в российском и американском учебниках истории // Инновационное развитие профессионального образования. 2020. № 1 (25). С. 135–141.

16. Крехалёва Е. Отражение истории Холокоста в учебниках по отечественной истории России, Украины и Беларуси как основа формирования толерантности // Мы не можем молчать: Школьники и студенты о Холокосте. Вып. 14 / отв. ред. И.А. Альтман. М.: Центр и Фонд «Холокост»: МИК, 2017. С. 56–62.

17. Криницкий Ю.В., Яценко А.Е. Защитим военную историю. Военно-историческое образование молодого поколения как фактор защиты российского общества в информационной войне // Вестник военного образования. 2021. №5 (32). С. 91–98.

18. Кубышкин А.И., Цветков И.А. Университетские учебники по «Истории США» как индикатор состояния российской американистики // Россия и США на страницах учебников: опыт взаимных репрезентаций. Ин-т Кеннана Междунар. науч. центра им. Вудро Вильсона / отв. ред. В.И. Журавлева, И.И. Курилла. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. С. 181–207.

19. Курилла И.И. Наука, «национальная мифология» и конструирование идентичности: размышления над школьным учебником истории // Вестник Института Кеннана в России. 2003. Вып. 4. С. 43–48.

20. Локшин А.Е. История российских евреев в школьных учебниках РФ // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., ИЭА РАН, 2009. Вып. 209. 24 с.

21. Морозов А.Ю. История Великой Отечественной войны в региональных учебниках истории XXI века // Преподавание военной истории в России и за рубежом / отв. ред. К.А. Пахалюк. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 200–211.

22. Морозов Ю.В. Фальсификация итогов Второй мировой войны в рамках информационной борьбы против России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 25. С. 50–63.

23. Новиков М.В. «История Латвии»: содержательные и методические аспекты школьного учебника // Преподавание истории в школе. 2005. № 1. С. 29–32.

24. Першина Ю.В. Анализ освещения темы Холокоста в современных учебниках истории // Современное дополнительное профессиональное педагогическое образование. 2015. № 4. С. 136–144.

25. Преподавание военной истории в России и за рубежом / отв. ред. К.А. Пахалюк. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 432 с.

26. Проказина Н.В., Дорохова Ю.В., Хатнюк Н.Н. Историческая память о Великой Отечественной войне как ресурс патриотического и гражданского воспитания // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12. № 3. С. 260–271.

27. Пронина Е.И. Роль школы и других социальных институтов в сохранении исторической памяти о Великой Отечественной войне // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2021. №12. С. 134–139.
28. Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Направления исследований исторической памяти в России // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История*. 2014. № 2. С. 106–126.
29. Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Карта памяти современного российского общества: аналитический обзор // *Вече. Ежегодник русской философии и культуры / СПб.: Санкт-Петербургское философское общество*, 2021. С. 263–289.
30. Строканов А.А., Жданова С.Ю., Пузырёва Л.О. Анализ учебников истории в России и США с точки зрения репрезентации в них Второй мировой войны // *Политическая лингвистика*. 2016. №6. С. 205–212.
31. Филиппов А.В. Школьная история и общественное мнение в постсоветских странах // *История и историческая память*. 2015. № 12 (12). С. 44–62.
32. Фукс А.Н., Ковригин В.В. Проблемы фальсификации истории Великой отечественной войны и содержание школьных учебников по отечественной истории // *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»*. 2017. № 2 (14). С. 66–70.
33. Фукс А.Н., Ковригин В.В. Трансформация подходов к освещению Второй мировой войны в российских и зарубежных школьных учебниках // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*. 2020. № 3. С. 33–41.
34. Чураков Д.О. Учебник истории и «Войны памяти» на постсоветском пространстве // *Преподаватель XXI век*. 2013. Т. 1. № 3. С. 21–27.
35. Чураков Д.О. Великая Отечественная война на страницах современных российских учебников истории (на материалах начального периода борьбы с фашистской агрессией) // *Преподаватель XXI век*. 2015. Т. 1. № 1. С. 34–46.
36. Чураков Д.О. Войны памяти: отстоять правду победы // *Гуманитарные науки*. 2015. № 1. С. 7–24.
37. Шпагин С.А. Преподавание темы Холокоста в школах: отечественный и зарубежный опыт // *Преподавание военной истории в России и за рубежом / отв. ред. К.А. Пахалюк*. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 230–248.
38. Carrier P., Fuchs E., Messinger T. A Global Mapping of the Holocaust in Textbooks and Curricula // *As the Witnesses Fall Silent: 21st Century Holocaust Education in Curriculum, Policy and Practice*. Springer International Publishing, 2015. pp. 245–261. DOI:10.1007/978-3-319-15419-0_14.
39. Carrier P., Fuchs E., Messinger T. The International Status of Education about the Holocaust. A Global Mapping of Textbooks and Curricula. Paris: UNESCO, 2015, 238 p.
40. Korostelina K. War of textbooks: History education in Russia and Ukraine // *Communist and Post-Communist Studies*. 2010. №43. pp. 129–137. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2010.03.004.
41. Krawatzek F., Frieß N. World War II for young Russians: the production and reception of history // *ZOiS Report*. 2020. № 1. 21 p.
42. Moskwa D. The Great Patriotic War in Russian history textbooks // *Sprawy Narodowościowe*. 2018. № 50. Art. № 1650. 11 p. DOI: 10.11649/sn.1650.
43. Shnirelman V. Stigmatized by History or by Historians? The Peoples of Russia in School History Textbooks // *History and Memory*. 2009. № 21 (2), Special Issue: Historical Scholarship in Post-Soviet Russia. pp. 110–149. DOI: 10.2979/his.2009.21.2.110.

REFLECTION OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN RUSSIAN HISTORY TEXTBOOKS IN THE FOCUS OF HISTORIOGRAPHY

This article discusses the current state of the study of history textbooks, presents a historiographic review of materials on the coverage of the Great Patriotic War in the history textbooks of Russia in 1992–2020. In the modern world, textbooks, teaching aids and school programs are the key instruments of the state politics of memory. The Great Patriotic War has become one of the central objects of the historical memory of Russian society and one of the pillars of Russian identity, and therefore is actively used in all of the above tools of education and politics of memory. Two main areas of study of textbooks are singled out - as educational and as ideological texts. The ideological views of researchers and their own attitude to the Great Patriotic War and World War II, memory and politics of memory about them are revealed, which can

be attributed to “patriotic”, “liberal” and corresponding to Western academic discourse. The assessment by scientists of textbooks of different years is considered, it is established that Russian textbooks received mixed, mostly positive assessments. Evaluation of textbooks depends on the ideological views of the scientist. The obvious insufficiency of studying the new line of domestic textbooks (after 2016) is noted, as well as the methodological limitations of the approaches to the analysis of educational texts existing in the literature. Such a study should combine the methods of narrative analysis and discourse analysis, pay attention to the methods of constructing historical myths and direct falsifications.

Keywords: politics of memory, historical memory, historical narrative, ideological narrative, interpretation of historical events, interpretation of history, basic education, educational policy, history textbooks.

References

1. Alekseeva L.V. (2018). Pervaia i Vtoraia mirovye voiny v uchebnike istorii Khanty-Mansiiskogo okruga: problemy sodержaniia v kontekste podgotovki novoi knigi dlia shkol'nikov [The First and Second World Wars in the history textbook of the Khanty-Mansi Okrug: problems of content in the context of preparation of a new book for schoolchildren]. *Prepodavanie voennoi istorii v Rossii i za rubezhom* [Teaching military history in Russia and abroad]. Ed. by K.A. Pakhaliuk. Moscow; St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ. pp. 212–229.

2. Basin Ia.Z. (2009). Kholokost kak predmet nauchnogo issledovaniia [Holocaust as a subject of scientific research]. *Vestnik Brestskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Serii: Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Brest State Technical University. Series: Humanities]. №6. pp. 2–6.

3. Bogdanova A.B. (2017). Kollaboratsionizm v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: problemy osveshcheniia v shkol'nykh uchebnikakh [Collaborationism during the Great Patriotic War: problems of coverage in school textbooks]. *Biulleten' nauki i praktiki* [Bulletin of Science and Practice]. № 9. pp. 194–201.

4. Vinkler K. (2012). Pamiat' o Kholokoste v sovremennoi Rossii [Memory of the Holocaust in modern Russia]. *Donskoi vremennik. God 2013-i* [Donskoy temporary. Year 2013]. Ed. by L.A. Shtavdaker. Rostov-na-Donu, Don State Public Library Print., Iss. 21. pp. 214–219.

5. Vinkler K. (2012). Pamiat' o Kholokoste v sovremennoi Rossii [Memory of the Holocaust in modern Russia]. *Materialy XIX ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii po iudaike. Tom I. Kholokost na territorii SSSR. Akadem. ser.* [Proceedings of the XIX Annual Conference on Jewish Studies. Volume I. Holocaust on the territory of the USSR. Academic series]. Iss. 40. Ed. by A. Zel'tser. Moscow [S.n.], pp. 131–143.

6. Vtoraia mirovaia i Velikaia Otechestvennaia voiny v uchebnikakh istorii stran SNG i ES: problemy, podkhody, interpretatsii (Moskva, 8–9 apreliia 2010 g.) : materialy mezhdunarod. konf. [World War II and the Great Patriotic War in the textbooks of the history of the CIS and EU countries: problems, approaches, interpretations (Moscow, April 8–9, 2010): materials of the international. conf.] (2010). Ed. by T.S. Guzenkova, V.N. Filianova. Moscow, Print. House of RISI, 472 p.

7. Griban I.V., Lyta S.V. (2019). Kak pomnit' i chto znat'? Blokada Leningrada v shkol'nykh uchebnikakh otechestvennoi istorii [How to remember and what to know? Siege of Leningrad in school textbooks of national history]. *Istoriko-pedagogicheskie chteniia* [Historical and pedagogical readings]. № 23. pp. 328–335.

8. Davletov A.R. (2006). Problema osveshcheniia Kholokosta v sovremennykh shkol'nykh uchebnikakh po istorii v FRG i na Ukraine: popytka sravnitel'nogo analiza [The Problem of Covering the Holocaust in Modern School History Textbooks in Germany and Ukraine: An Attempt at a Comparative Analysis]. *Vtoraia mirovaia voina : uroki istorii dlia Germanii i Rossii : Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Kemerovo, 23-25 sentiabria 2005 g.)* [World War II: History Lessons for Germany and Russia: Proceedings of the International Scientific Conference (Kemerovo, September 23-25, 2005)]. Ed. by Iu.V. Galaktionov, A.A. Mit'. Kemerovo; Moscow, «Rossiiskie universitety» Publ., pp. 333–339.

9. Danilov A.A., Filippov A.V. et al. (2009). Proiskhozhdenie Vtoroi mirovoi voiny. Velikaia Otechestvennaia voina [Origin of World War II. The Great Patriotic War]. *Osveshchenie obshchei istorii Rossii i narodov postsovetskikh stran v shkol'nykh uchebnikakh novykh nezavisimykh gosudarstv* [Coverage of the common history of Russia and the peoples of the post-Soviet countries in school textbooks of the newly independent states]. Ed. by A.A. Danilov, A.V. Filippov. Moscow, Gosudarstvennyi klub Publ., pp. 148–186.

10. Danilov A.A. (2010). Problemy Vtoroi mirovoi i Velikoi Otechestvennoi voyn v shkol'nykh uchebnikakh na postsovetskom prostranstve [Problems of World War II and the Great Patriotic War in school textbooks in the post-Soviet space]. *Prepodavatel' XXI vek [Lecturer XXI Century]*. Vol. 1. №. 2. pp. 13–22.
11. Dolutskii I.I. (2009). D-r Dzhekill i m-r Khaid: SShA v sovetskikh i rossiiskikh uchebnikakh istorii [Dr. Jekyll and Mr. Hyde: The USA in Soviet and Russian history textbooks]. *Rossia i SShA na stranitsakh uchebnikov: opyt vzaimnykh reprezentatsii [Russia and the United States: Mutual Representations in Textbooks]*. In-t Kennana Mezhdunar. nauch. tsentra im. Vudro Vil'sona. Ed. by V.I. Zhuravleva, I.I. Kurilla. Volgograd, Volgograd State University Press, pp. 230–279.
12. Epifanova A.S. (2017). Ot zapreta na pamiat' k popytkam memorializatsii? Analiz predstavleniia temy Kholokosta v rossiiskikh uchebnikakh istorii, 1990–2016-e gg. [From a ban on memory to attempts at memorialization? Analysis of the presentation of the Holocaust theme in Russian history textbooks, 1990s–2016]. *My ne mozhem molchat': Shkol'niki i studenty o Kholokoste [We cannot be silent: schoolchildren and students speak about the Holocaust]*. Iss. 14. Ed. by I.A. Al'tman. Moscow, Tsentr i Fond «Kholokost», MIK Print., pp. 207–217.
13. Epifanova A.S. (2018). Osveshchenie Kholokosta v kontekste voyny v uchebnikakh po istorii Rossii [Coverage of the Holocaust in the context of war in Russian history textbooks]. *Prepodavanie voennoi istorii v Rossii i za rubezhom [Teaching military history in Russia and abroad]*. Ed. by K.A. Pakhaliuk. Moscow; St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., pp. 249–260.
14. Karusheva Iu.M. (2017). Monument "Rodina-mat' zovet!" v obrazovatel'noi politike sovremennoi Rossii v sfere shkol'nogo obrazovaniia [The monument «Motherland calls!» in educational policy of modern Russia in school education sphere]. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy [Labirint. Journal of Social and Humanitarian Research]*. №1. pp. 70–81.
15. Klepalov A.V., Nazhipova L.M. (2020). Velikaia Otechestvennaia voina 1941–1945 gg.: problema interpretatsii v rossiiskom i amerikanskom uchebnikakh istorii [The Great Patriotic War 1941–1945: the problem of interpretation in the Russian and American history textbooks]. *Innovatsionnoe razvitie professional'nogo obrazovaniia [Innovative development of vocational education]*. № 1 (25). pp. 135–141.
16. Krekhaleva E. (2017). Otrazhenie istorii Kholokosta v uchebnikakh po otechestvennoi istorii Rossii, Ukrainy i Belarusi kak osnova formirovaniia tolerantnosti [Reflection of the history of the Holocaust in textbooks on the national history of Russia, Ukraine and Belarus as the basis for the formation of tolerance]. *My ne mozhem molchat': Shkol'niki i studenty o Kholokoste [We cannot be silent: schoolchildren and students speak about the Holocaust]*. Iss. 14. Ed. by I.A. Al'tman. Moscow, Tsentr i Fond «Kholokost», MIK Print., pp. 56–62.
17. Krinitskii Iu.V., Iatsenko A.E. (2021). Zashchitim voennuiu istoriiu. Voенно-istoricheskoe obrazovanie mladogo pokoleniia kak faktor zashchity rossiiskogo obshchestva v informatsionnoi voine [Let's protect the military history. The military historical education of younger generation as a factor of protection of the Russian society in the information warfare]. *Vestnik voennogo obrazovaniia [Journal of Military Education]*. №5 (32). pp. 91–98.
18. Kubyshkin A.I., Tsvetkov I.A. (2009). Universitetskie uchebniki po «Istorii SShA» kak indikator sostoiianiia rossiiskoi amerikanistiki [University textbooks on "US History" as an indicator of the state of Russian American studies]. *Rossia i SShA na stranitsakh uchebnikov: opyt vzaimnykh reprezentatsii [Russia and the United States: Mutual Representations in Textbooks]*. In-t Kennana Mezhdunar. nauch. tsentra im. Vudro Vil'sona. Ed. by V.I. Zhuravleva, I.I. Kurilla. Volgograd, Volgograd State University Press, pp. 181–207.
19. Kurilla I.I. (2003). Nauka, «natsional'naia mifologiiia» i konstruirovaniie identichnosti: razmyshleniia nad shkol'nym uchebnikom istorii [Science, «national mythology» and the construction of identity: reflections on a school history textbook]. *Vestnik Instituta Kennana v Rossii [Kennan Institute Vestnik]*. Iss. 4. pp. 43–48.
20. Lokshin A.E. (2009). Istoriiia rossiiskikh evreev v shkol'nykh uchebnikakh RF [The history of Russian Jewry in modern Russian textbooks for secondary schools]. *Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii [Researches on applied and urgent ethnology]*. Moscow, IEA RAN Print., Iss. 209. 24 p.

21. Morozov A.Iu. (2018). Istoriia Velikoi Otechestvennoi voiny v regional'nykh uchebnikakh istorii XXI veka [History of the Great Patriotic War in 21st century regional history textbooks]. Prepodavanie voennoi istorii v Rossii i za rubezhom [Teaching military history in Russia and abroad]. Ed. by K.A. Pakhaliuk. Moscow; St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., pp. 200–211.
22. Morozov Iu.V. (2015). Fal'sifikatsiia itogov Vtoroi mirovoi voiny v ramkakh informatsionnoi bor'by protiv Rossii [Falsification of the results of World War II as part of the information campaign against Russia]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'* [National Interests: Priorities and Security]. № 25. pp. 50–63.
23. Novikov M.V. (2005). «Istoriia Latvii»: sodержatel'nye i metodicheskie aspekty shkol'nogo uchebnika ["History of Latvia": content and methodological aspects of the school textbook]. *Prepodavanie istorii v shkole* [Teaching History at School]. № 1. pp. 29–32.
24. Pershina Iu.V. (2015). Analiz osveshcheniia temy Kholokosta v sovremennykh uchebnikakh istorii [The analysis of the coverage of the Holocaust in contemporary history textbooks]. *Sovremennoe dopolnitel'noe professional'noe pedagogicheskoe obrazovanie* [Modern additional professional pedagogical education]. № 4. pp. 136–144.
25. Prepodavanie voennoi istorii v Rossii i za rubezhom [Teaching military history in Russia and abroad]. (2018). Ed. by K.A. Pakhaliuk. Moscow; St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 432 p.
26. Prokazina N.V., Dorokhova Iu.V., Khatniuk N.N. (2017). Istoricheskaia pamiat' o Velikoi Otechestvennoi voine kak resurs patrioticheskogo i grazhdanskogo vospitaniia [Historical memory of the Great Patriotic War as a resource of patriotic and civil education]. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Journal of Social Sciences]. Vol. 12. № 3. pp. 260–271.
27. Pronina E.I. (2021). Rol' shkoly i drugih sotsial'nykh institutov v sokhranении istoricheskoi pamiati o Velikoi Otechestvennoi voine [Roles of schools and other social institutions to preserve the historical memory]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: Sociology, Psychology, Pedagogy]. №12. pp. 134–139.
28. Rostovtsev E.A., Sosnitskii D.A. (2014). Napravleniia issledovaniia istoricheskoi pamiati v Rossii [Main areas of Russian memorial researches]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2: Istoriia* [Vestnik of Saint-Petersburg University. History]. № 2. pp. 106–126.
29. Rostovtsev E.A., Sosnitskii D.A. (2021). Karta pamiati sovremennogo rossiiskogo obshchestva: analiticheskii obzor [The memory map of contemporary Russian society: an analytical review]. *Veche. Ezhegodnik russkoi filosofii i kul'tury* [Veche. Yearbook of Russian Philosophy and Culture]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo Print., pp. 263–289.
30. Strokanov A.A., Zhdanova S.Iu., Puzyreva L.O. (2016). Analiz uchebnikov istorii v Rossii i SShA s toчки zreniia reprezentatsii v nikh Vtoroi mirovoi voiny [An analysis of the history textbooks in Russia and the United States from the perspective of their representation of the Second World War]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics]. №6. pp. 205–212.
31. Filippov A.V. (2015). Shkol'naia istoriia i obshchestvennoe mnenie v postsovetskikh stranakh [The school history and public opinion in post-Soviet countries]. *Istoriia i istoricheskaya pamiat'* [History and historical memory]. № 12 (12). pp. 44–62.
32. Fuks A.N., Kovrigin V.V. (2017). Problemy fal'sifikatsii istorii Velikoi otechestvennoi voiny i sodержanie shkol'nykh uchebnikov po otechestvennoi istorii [Problems of history falsification of the Great Patriotic War and the content of school textbooks on national history]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»* [Herald of Omsk University. Series «Historical Studies»]. № 2 (14). pp. 66–70.
33. Fuks A.N., Kovrigin V.V. (2020). Transformatsiia podkhodov k osveshcheniiu Vtoroi mirovoi voiny v rossiiskikh i zarubezhnykh shkol'nykh uchebnikakh [Transformation of approaches to coverage of the Second World War in Russian and foreign school textbooks]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriia i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences]. № 3. pp. 33–41.
34. Churakov D.O. (2013). Uchebnik istorii i «Voiny pamiati» na postsovetskom prostranstve [History textbook and «Memory wars» in the post-Soviet space]. *Prepodavatel' XXI vek* [Lecturer XXI Century]. Vol. 1. № 3. pp. 21–27.

35. Churakov D.O. (2015). Velikaia Otechestvennaia voina na stranitsakh sovremennykh rossiiskikh uchebnikov istorii (na materialakh nachal'nogo perioda bor'by s fashistskoi agressiei) [The Great Patriotic War on the pages of modern Russian history textbooks (on the materials of the initial period of the struggle against fascist aggression)]. *Prepodavatel' XXI vek [Lecturer XXI Century]*. Vol. 1. № 1. pp. 34–46.
36. Churakov D.O. (2015). Voiny pamiati: otstoiat' pravdu pobedy [Memory wars: defend the truth of victory]. *Gumanitarnye nauki [Humanities]*. № 1. pp. 7–24.
37. Shpagin S.A. (2018). Prepodavanie temy Kholokosta v shkolakh: otechestvennyi i zarubezhnyi opyt [Teaching the Holocaust in Schools: Domestic and Foreign Experience]. Prepodavanie voennoi istorii v Rossii i za rubezhom [Teaching military history in Russia and abroad]. Ed. by K.A. Pakhaliuk. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriia Publ., pp. 230–248.
38. Carrier P., Fuchs E., Messinger T. (2015). A Global Mapping of the Holocaust in Textbooks and Curricula. As the Witnesses Fall Silent: 21st Century Holocaust Education in Curriculum, Policy and Practice. Springer International Publishing, pp. 245–261. DOI:10.1007/978-3-319-15419-0_14.
39. Carrier P., Fuchs E., Messinger T. (2015), The International Status of Education about the Holocaust. A Global Mapping of Textbooks and Curricula. Paris: UNESCO Print., 238 p.
40. Korostelina K. (2010). War of textbooks: History education in Russia and Ukraine. *Communist and Post-Communist Studies*. №43. pp. 129–137. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2010.03.004.
41. Krawatzek F., Frieß N. (2020). World War ii for young Russians: the production and reception of history. *ZOiS Report*. № 1. 21 p.
42. Moskwa D. (2018). The Great Patriotic War in Russian history textbooks. *Sprawy Narodowościowe*. № 50. Art. № 1650. 11 p. DOI: 10.11649/sn.1650.
43. Shnirelman V. (2009). Stigmatized by History or by Historians? The Peoples of Russia in School History Textbooks. *History and Memory*. № 21 (2), Special Issue: Historical Scholarship in Post-Soviet Russia. pp. 110–149. DOI: 10.2979/his.2009.21.2.110.

Об авторе

Антипов Андрей Михайлович – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия), E-mail: st071075@student.spbu.ru

Antipov Andrey Mikhailovich – post-graduate, Saint Petersburg State University (Russia), E-mail: st071075@student.spbu.ru

Артамошин С.В., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

Э. ЮНГЕР И УТВЕРЖДЕНИЕ НАЦИСТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА: СТРАТЕГИЯ ВЫЖИВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛА В ГОДЫ НАЦИСТСКОГО ГОСПОДСТВА.

В статье рассматриваются вопросы выработки стратегии поведения и выживания интеллектуала в условиях нацистской диктатуры на примере немецкого консервативного мыслителя и писателя Эрнста Юнгера. Формирование нацистского правительства в январе 1933 г. знаменовало собой фазу завершения глубинного кризиса Веймарской республики начала 1930-х годов. В результате формирования нацистско-консервативного коалиционного кабинета Гитлера в германском государстве начался процесс структурной трансформации государства в сторону фюрерского государства, предполагающего тотальный контроль и управление всей жизнью общества. В этих условиях существование интеллектуала требовало выбора между конформизмом и неконформизмом. Особенно это касалось националистических публицистов периода Веймарской республики, которые имели серьезную политическую репутацию и были привлекательными и известными авторами правого лагеря. Эрнст Юнгер избрал стратегию уклонения от политического участия в нацистском движении и даже использования его сочинений для пропаганды и воспитания немецкой молодежи. Однако это не означало, что он занял позицию борца с нацистским режимом. Пример Эрнста Юнгера как известного националистического публициста, показывает, насколько нетривиальными могут быть пути существования мыслителя в условиях начинающегося регулирования общественной жизни и репрессий против оппозиционных сил и идей.

Ключевые слова: Эрнст Юнгер, Веймарская республика, национал-социализм, выбор интеллектуала, нацистский захват власти, консерватизм, консервативная революция.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-02-26-33

Введение

Установление нацистской диктатуры в Германии в 1933 г. привело к глубинной трансформации германского общества от демократической Веймарской республики к диктаторскому фюрерскому государству. Создаваемая система власти была нацелена на утверждение тотального контроля над всеми сторонами общественной и политической жизни. В данных условиях гуманитарий становился перед необходимостью совершения политического выбора. Консервативный мыслитель Эрнст Юнгер имел репутацию правого националистического публициста и известного военного писателя. В новых условиях от него ожидали поддержки делом и именем, что должно было придать коалиционному правительству Гитлера политический вес в глазах немецкого населения. Эрнст Юнгер оказался перед необходимостью выбора и сохранения внутренней свободы.

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступает творческое наследие немецкого консервативного мыслителя Эрнста Юнгера. В центре анализа находится выявление его позиции в ходе

прихода к власти коалиционного правительства Гитлера и начала политической трансформации веймарского общества. Методология исследования опирается на принципы новой исторической науки, предполагающей рассмотрение творческого наследия Э. Юнгера в рамках новой интеллектуальной истории, с учетом влияния исторического контекста, личности и окружения немецкого мыслителя. Анализ публицистических работ и дневников Э. Юнгера опирался на герменевтические принципы исследования.

Результаты и их обсуждение

Приход нацистского движения к власти был результатом упорной деятельности и поддержки немецкого населения, миллионы голосов которого обеспечили ему доминирующее положение в рейхстаге, несмотря на все катаклизмы 1932 г., которые расшатывали политическую систему Веймарской республики. Три правительства – Г. Брюнинга, Ф. фон Папена, Г. фон Шлейхера – находившиеся у власти и последовательно сменявшие друг друга на протяжении года, не смогли стабилизировать ни экономическую, ни политическую жизнь германского

государства. Стабилизация Германии в условиях экономической депрессии оставляла желать лучшего. Политическая стабилизация была недостижима в силу активизации действий ультраправых (нацистов) и ультралевых (коммунистов) сил, направленных на расшатывание и без того не стабильной системы. Убежденность ее политических элит в том, что националистическая позиция нацистов с определенными оговорками вписывается в мировоззренческую картину формирования национальной Германии, по крайней мере, существенно отличается от левой перестройки германского общества, в котором партийные ценности заменят национальные и немецкая Германия станет партийно-коммунистической страной, говорящей по-немецки. Желание переиграть нацистов, убежденность в том, что это возможно реализовать, стали роковой ошибкой консервативных кругов, глубоко уверенных в собственном превосходстве над национал-социалистами и уверовавших в то, что Гитлер настолько безвольный человек, что им удастся им манипулировать как марионеткой и, в конечном счете, навязать ему свою волю. Эта ошибка стала понятна уже через несколько месяцев, но она уже была совершена. Уверенность в том, что они контролируют процесс, в реальности означали, что этот процесс начинал играть собственную роль. Конечно, оставался еще рейхспрезидент фон Гинденбург, который мог радикально изменить ситуацию, но он уже умирал и его интерес к происходящим событиям становился все более информационным, чем деятельным. Все зависело от того, насколько действия Гитлера смогут привлечь внимание и разозлить Гинденбурга настолько, чтобы он принял решение о смещении рейхсканцлера. И Гитлер оказался, в конечном счете, умелым политиком, который смог не провоцировать консервативные элиты на решительное противодействие и создавать видимость управляемого человека, все более и более становившегося громоотводом от боевых отрядов собственной партии. Эта линия поведения 1933 – первой половины 1934 г. была формой эластичного перехода от веймарской демократии к вождистскому государству.

В орбите жизни Э. Юнгера 30 января

1933 г. не вызвало радикальных колебаний. Нельзя сказать, что он восторженно приветствовал приход нацистско-консервативного правительства к власти, подобно некоторым писателям правого толка. Следует указать на то, что подобный восторг в 1933 г. был не возможен в силу того, что трещина во взаимоотношениях, наметившаяся в 1930 г., только расширялась. Критическая позиция Э. Юнгера по отношению к нацизму указывала нежелание сотрудничать с нацистским движением как политической партией, находившейся в оппозиции к республиканским правительствам и претендовавшей на руководство национальным движением в Германии. Отход от политической публицистики как средства политической деятельности, смещение интересов от политики к философии и литературе делали для него все менее интересными проблемы ежедневной политики. Происходившее смещение интересов, помноженное на разрыв контактов с нацизмом, делали восторг 30 января 1933 г. маловероятным. Другой вопрос состоял в том, что разрыв отношений с нацизмом и его критика нацистской стратегии и тактики начала 1930-х годов были полемикой с одной из партий, участвовавших в парламентской борьбе. Теперь же речь шла о правительстве, обладающим властными полномочиями, столкновение с которым уже означало совершенно иное, чем внутрипартийная полемика о том, как лучше изменить республику. Э. Юнгер не занял позицию восторженного сторонника нацизма, но и не стал решительным критиком действий нацистской партии. Х. Кизель отмечал, что «в том, что произошло 30 января и что получило развитие потом, он не испытывал никакого удовольствия» [6. S.407-408]. На фоне начинающихся решительных процессов, поджога рейхстага и парламентских выборов марта 1933 г., Э. Юнгер избегал любых публичных заявлений и выступлений. 5 апреля 1933 г. в письме нацистскому журналисту Людвигу Алвенсу он определяет особенность своего поведения: «Что касается меня, то я пока займу положение аутсайдера; моя последняя книга [*«Рабочий»*] не пришлась по нраву новым господам и, с другой стороны, я придерживаюсь мнения, что Германия еще не сказала своего последнего слова».

Спустя месяц, на фоне майских событий 1933 г., когда вследствие «майского призыва» в НСДАП вступило несколько миллионов новых членов, как проявление конформизма и желаниа вписаться в изменяемый политический порядок, Э. Юнгер писал 12 мая тому же Алвенсу: «В последнее время у меня появляются всякие люди, которые пытаются меня вовлечь в какие-то оппозиционные круги. Естественно, я отказываюсь. Наша оппозиция лежит не по эту, а по ту сторону теперешних событий»[6. S. 408]. Человек, к которому были обращены письма Э. Юнгера, Людвиг Алвенс, был лицом близким к Геббельсу, о чем Э. Юнгер, конечно, знал, и мог предполагать, что его позиция могла быть доведена до соответствующих лиц.

12 апреля 1933 г. на квартиру Э. Юнгера явились двое полицейских и устроили обыск. 24 августа 1945 г. Э. Юнгер так описал это посещение: «Был вечер; я сидел один в моей штеглицкой квартире и читал «Венеры и Тангейзера» Бердслея. Раздался звонок, на пороге я увидел двоих полицейских. Они вошли, я спросил у них удостоверение, но они сделали вид, что не слышали. Они стали спрашивать, есть ли у меня в доме оружие, а сами уже открыли ночной столик у меня в спальне. Один запустил руку за обивку кресла, как в сумку, и укололся иголкой. Другой сперва проверил корзину для ненужных бумаг, затем взглянул на книги. «Это вы написали?» - спросил он, указывая на мою книгу «Рабочий». Заголовок показался ему подозрительным. Наконец они заговорили о деле, по которому пришли, о письмах Мюзам, таких же безобидных, как он сам. Я дал ему мою папку с письмами «Н-М». Они принялись перелистывать и сразу же наткнулись на фамилии, которые тогда высоко котировались, на чем и закончили свои поиски»[1. С.186-187]. Супруга Э. Юнгера Грета на следующий день отправилась в полицейский участок Штеглица и опротестовала действия полицейских. Интересная деталь, которую Э. Юнгер опустил в записи 1945 г. и на которую указывает Грета Юнгер в своих воспоминаниях «Силуэты». Пока один полицейский листал папку с письмами, другой открыл платяевой шкаф, в котором увидел военный мундир Э. Юнгера с боевыми наградами. Узнав,

что это его награды, полицейские ретировались. Грета Юнгер передает свою беседу с офицером полиции в участке: «Знаете ли Вы чей дом Вы обыскивали и Вам не стыдно? – Милостивая фрау, я только выполнял приказ! – Ах, что Вы! Идите к черту с Вашим приказом! Что Вы нашли? Pour le Mérite, как я предполагаю. Вы можете передать своему заказчику, что Вы можете долго искать, пока Вы это однозначно не найдете. Если Вы вновь придете, я спущу Вас с лестницы»[7. S.367]. Через неделю Э. Юнгер встретился с Геббельсом на премьере пьесы Х. Йоста «Шлагетер», которая демонстрировалась 20 апреля 1933 г. в Берлинском государственном театре. Эта встреча оказалась последним личным свиданием, все оставшиеся контакты были в основном письменными.

Э. Юнгер старался уклониться от возможных контактов, не выпячивая себя, насколько это было возможно. Поэтому обозначенная позиция в письмах Алвенсу служила определенным оправданием его дистанцирования. Именно дистанцирования, а не позиции молчания, как считает Х. Кизель[6. S. 408]. Э. Юнгер не собирался делать публичных заявлений или публиковать статьи, в которых бы высказывал особую позицию в духе его статьи о национализме. После посещения полиции он просмотрел свою переписку и сжег письма, адресатами которых были люди левых взглядов, находившиеся сейчас под особым вниманием. Он понимал, что нюансировка понимания социализма, которая существовала между различными немецкими левыми, не будет принята в расчет. Та же судьба постигла и дневники начала 1930-х годов, которые были уничтожены Э. Юнгером[6. S.410]. Э. Юнгер зачищал концы, избавляясь от возможных опасных следов, проявив свойственную ему осторожность. Это лишило последующих исследователей его творчества интересного материала, который бы приоткрыл бы его оценки и фактический ряд событий, связанный с утверждением нацистской диктатуры. К сожалению, это было уничтожено и единственное, что дошло до нас, это го воспоминания и рассуждения записанные после Второй мировой войны в «Годы оккупации». Видимо Э. Юнгер считал, что приватные материалы могли

перевесить его критические замечания в политической публицистике.

В мае 1933 г. Э. Юнгер публикует в «Deutsches Volkstum» статью «Закат или новый порядок?», которая стала последней его политической статьей. Она по-своему была реакцией на майский подъем 1933 г., волну воодушевления и надежды на изменения политического порядка. Сложно сказать насколько это была политически заостренная статья. В основном она представляла собой развитие идей, изложенных в «Рабочем». В ней присутствовали политические темы, но Э. Юнгер избегал упоминания понятий раса и кровь, и уклонялся от того, чтобы связать возможный новый порядок с национал-социализмом. Национал-социализм не упоминается в статье совсем. Насколько осознанно? – зависит от позиции интерпретатора. В любом случае, это в большей степени изложение видения Рабочего, в пользу чего говорит центральное понятие, на которое нанизывается статья – «работа», что становится характерно для новых интересов Э. Юнгера. Проблема состояла в том, что для большинства немцев он был связан с военной прозой и известен как националистический публицист.

Статья с первого слова заглавия наводит на мысль об О. Шпенглере и «Закате Европы», т.е. о философско-историческом взгляде на современность. Э. Юнгер отмечал, что «об этом вряд ли можно сомневаться, что наше время действительно находится во времени перемен, - ведь каждый из нас переживает последствия этих перемен на себе и в своей собственной судьбе, как он, как страдание, касается его. Мы находимся на самом деле в центре перемен, о которых сегодня уже можно сказать, что они прорывают французскую революцию, превосходя ее в ранге и объеме, - да, это может быть крупнее и успешней посягательства немецкой Реформации и даже равноценный переселению народов, как это может показаться со стороны. Если мы захотим рассмотреть эти изменения каждое по отдельности, то мы будем поражены их масштабом, их многообразием и их разрушительным действием. Мы увидим вновь не только пространство земного шара, объятаго войнами и гражданскими войнами, но мы видим также по ту сторону

чистого политического мира, совершать наполняющие преобразования в области руководства частной жизнью, экономикой, техникой, наукой, - короче, мы находим это даже в отдельных уголках жизни, затронутые великими переменами»[4.S.643-644]. Определяемые Э. Юнгером перемены преодолевают рамки национальных границ и характеризуют процессы глобального уровня. В пользу этого говорит избегание им политических лозунгов, используемых на улицах Германии. Он подчеркивал базовый принцип перемен: «работа есть великий и изменяющий принцип, приводящий в движение наше время», где работа выступает как «собственный и величественный стиль жизни, работа как новый принцип»[4. S.646]. Э. Юнгер полагал, что следствием этого выступало то, что «нации превращаются в рабочие величины в новом смысле». Пяти-четырёх или десятилетние планы предполагают государственную организацию, что выводит планирование за пределы достижения экономических или социальных задач и превращает его в реализацию «политической задачи». Политическая задача требует изменение смысла труда и понимания того, кем является рабочий. Он перестает быть исполнителем «экономических, социальных или политических решений; он в большей мер выступает носителем нового чувства жизни и нового способа жизни». Новые принципы жизни включают в себя: «строгая дисциплина, порядок и подчинение, руководство и верность, государственный авторитет, служба в солдатском смысле – вот те требования молодежи, которому надоели идеалы ушедшего века»[4. S.648]. Это означало преодоление и отказ от буржуазных принципов свободы в пользу государственного подчинения и регулирования жизни на принципах солдатского общества. Эту мысль Э. Юнгер проводил в своей политической публицистике второй половины 1920-х годов. Здесь выступает возвращение к основам немецкого философского понимания жизни, переход от свободы к духу.

Э. Юнгер отмечал, что «не имеющий значения идеал индивидуальной свободы уступает место духу, который видит свое счастье в соблюдении порядка, службе как выполнении великой задачи»[4. S.649]. Поэтому

необходимо авторитарное изменение государства, всей политической системы в силу того, что «идея рабочего плана становится политической идеей, приобретающей сейчас господство в Германии». Э. Юнгер полагал, что «новая организация целого и его частей» является настоящей задачей «национальной революции». Важнейшими задачами современной Германии он выделял необходимость создания рабочих мест, реорганизацию армии, введение трудовых повинностей и специальных поселений в рамках планового регулирования, изменение политических, экономических и технических систем, пересмотр международных договоров, ограничивающих свободу Германии [4. S. 649-650]. В завершении Э. Юнгер оставляет ответ на вопрос, поставленный в начале статьи, открытым, тем самым уходя от необходимости восхваления или осуждения происходящих изменений под руководством нацистской партии. «Все эти задачи в меньшей или большей степени, не могут считаться неразрешимыми в Германии. Способ, который мы выберем, будет решением великих перемен, которые в дальнейшем позволят нам назвать, что они вошли в историю как закат, или начало нового порядка, нового подъема» [4. S. 650].

Опубликованная Э. Юнгером статья не давала оснований для оценки его взглядов как нацистских или антинацистских. Скорее всего, повторяя ключевые положения «Рабочего», она была его кратким рефератом, но в соответствии с форматом статьи, требовала высказывания политической позиции. Резюмируя, ее можно определить так: подождем. Следует подчеркнуть, что Э. Юнгер совершенно не использует какого-либо упоминания национал-социализма или лично Гитлера. И это не было случайностью. В последнем тексте 1933 г., в послесловии к рыцарям «Pour le Mérite», написанным 15 сентября, присутствует констатация 1933 г. как «года осознания немецким народом своей великой задачи. <...> Наша задача – фюрерское государство; поэтому желаю для него рождения вождя» [5. S.660]. Здесь нет никакого упоминания о нацизме как творце нового мира. Учитывая то, что Э. Юнгер желает появления вождя устанавливающегося фюрерского государства, это могло означать лишь то, что

Гитлер, называемый с большой убежденностью как национальный вождь, не рассматривался им как таковой. Но утверждать, что это была сформированная оппозиция против нацизма тоже нельзя, так как автор высказывал позицию без позиции, сохраняя для себя возможность ее досказать, в зависимости от развития событий. Пока же он приветствовал необходимость изменений Веймарской республики в сторону вождистского государства, но кто бы в Германии стал бы весной 1933 г. утверждать, что это должно быть исключительно нацистское государство? Э. Юнгер об этом точно не писал, и даже не намекал, так как в текстах исчезли такие маркеры как кровь и раса, ставшие в общественном сознании нацистским элементом. Он говорит только о духе, вожде и истории.

В письме к брату Фридриху Георгу 13 августа 1933 г. Э. Юнгер сформулировал свою стратегию поведения в данных обстоятельствах. «Я по-прежнему считаю наибольшую сдержанность своей правильной позицией» [6. S.408]. Однако, летом и осенью 1933 г. он оказался перед перспективой определения публичной позиции, которую следовало занять. «Секция поэтического искусства Прусской академии искусств» 10 июня 1933 г. по сообщению «Stuttgarter Neueste Tageblatt», которое приводит Йозеф Вульф, произвела реорганизацию своих членов и включила в состав представителей фелькиш-националистической литературы, таких как Вернер Беумельбург, Ханс Гримм и Ханс Йост. По предложению Ханса Гримма туда был избран и Эрнст Юнгер. Дата его выборов разнится – либо июнь, либо октябрь. Подобный заочный выбор в число академиков имел конкретную реакцию Э. Юнгера в виде письма в «Немецкую академию поэзии, Берлин», 16 ноября 1933 г.: «Имею честь сообщить, что я не могу принять выбор меня в Немецкую академию поэзии. Своеобразием моей работы состоит в сущности солдатского характера, и я бы не хотел, чтобы академические обязанности препятствовали этому. В особенности я должен подчеркнуть мою позицию к отношению между вооружением и культурой, которую я изложил в 59 статье моей работы о рабочем, также в этом выражено мое лично отношение. Поэтому я прошу Вас воспринять мой отказ как

жертву, к которой меня обязывает мое участие в немецкой мобилизации, на службе которой я нахожусь с 1914 г. С уверенностью, что я рассматриваю тот факт, что Вы думаете обо мне, как знак высшего отличия. Преданный Вам, Эрнст Юнгер»[б. S.412-413]. В ответ Э. Юнгер получил сообщение о том, что его обращение в Академию с отказом от членства является преждевременным, так как никакого официального сообщения о приеме его в состав не было. Однако в циркуляре Геббельса прессе № 63 от 17 ноября 1933 г. было указано «ничего не сообщайте» об отказе Э. Юнгера.

Х. Кизель справедливо усмотрел в действиях Э. Юнгера политическую составляющую, так как многие интеллектуалы в 1933 г. стремились определиться с выбором своей позиции в отношении нового правительства, которое пока только расчищало пространство, но уже заявило со всей определенностью о стремлении к изменению системы. «Отказ Юнгера от членства в «Поэтической академии» был частным политически мотивированным актом. Юнгер не хотел быть связанным с нацистской организацией или в «унифицированной» корпорации». Однако Х. Кизель завышает значение отказа Э. Юнгера в контексте его отношений с нацизмом, видя в нем решительную оппозицию. «Это был решительный и мужественный, мудрый и одновременно оскорбительный отказ. Он был решительным, так как после это не о чем было говорить и попытки убеждения исключались. Он был мужественным не только из-за публично заявленного сопротивления против попытки объединения, но также ссылки на «Рабочего», который критически воспринимался с национал-социалистической позиции. Он был мудрым в своем отношении к квази «солдатской» службе «в немецкой мобилизации». И он был болезненным для активистского руководства «Поэтической академией», так как Юнгер с ссылкой на 1914 г. показывал, что он мыслит в целом в другом историческом измерении и не хочет, чтобы Германия растворилась в «Третьем рейхе»»[б. S.413]. Все-таки следует уточнить, что об этом можно говорить в 1934 г., но не в 1933 г. 1933 г. – был годом выживания. За полтора года нахождения у власти нацистов он понял, что это не рядовое

правительство, которое слетит с арены, как в 1932 г. Нацизм расширял свое влияние и изменял Веймарскую республику.

В 1934 г. Э. Юнгер окончательно обозначил свою позицию дистанцирования от нацистского активизма. Решительным поворотом стало письмо в редакцию «Völkischen Beobachter» от 14 июня 1934 г. «В «Jungen Mannschaft», приложения к «Völkischen Beobachter» от 6/7 мая 1934 г. был напечатан отрывок из моей книги «Авантюрное сердце». Эта публикация была сделана без ссылок на источник, что может создать впечатление, что я являюсь Вашим сотрудником. Это не так; я на протяжении многих лет вообще не прибегаю к средствам прессы. В этом особом случае следует подчеркнуть, что это недопустимо, что, с одной стороны, официальная пресса выставляет меня в роли своего сотрудника, с другой стороны, препятствует публикации моего письма в «Поэтическую академию» от 18 <sic!> ноября 1933 г. по средствам официального пресс-коммюнике. Мое стремление возникает не из того, чтобы иметь возможность чаще упоминаться в прессе, а из-за того, чтобы не появлялась неясность относительно моей политической сущности»[б. S.414]. Копию этого письма он отправил своему брату Фридриху Георгу с предложением при случае показать его знакомым. Подобный шаг мог быть обусловлен двумя факторами. Во-первых, убежденность Э. Юнгера в том, что подобное обращение не приобретет необходимого публичного эффекта и попросту пройдет незамеченным. Во-вторых, его стремление сохранить собственное лицо, прежде всего, в кругу близких и знакомых требовало от него продемонстрировать свою позицию, в которой не было атаки на режим, а присутствовало желание провести черту.

Подобная линия поведения Э. Юнгера прослеживалась на протяжении 1934-1935 гг., когда он 2 января 1934 г. отказался от членства в объединении «Немецкая воля»; 9 июля 1934 г. отклонил приглашение «Reichssenders» из Лейпцига, указав, что не хочет использовать радио; 14 января 1935 г. запретил издательству Теубнер включать тексты из своих военных книг в антологию мировой войны[б. S.414-415]. Следует отметить, что копию письма Э. Юнгер отправил Карлу Шмитту[2. S.27-28],

Фридриху Хильшеру[3. S.141], мнение которых для него было важным. И для усиления эффекта в число адресатов попал и Людвиг Алвенс, близкое лицо к ведомству Геббельса, что повлекло за собой разрыв отношений между ними[6. S.415], существовавший с конца 1920-х гг. Формула уклонения от членства, от использования его произведений о войне в политической пропаганде были способом дистанцирования от активного участия в строительстве национал-социалистической народной общности.

Заключение

После утверждения у власти коалиционного правительства А. Гитлера в январе 1933 г. в Германии начался процесс

политической трансформации демократической республики в фюрерскую диктатуру. В эти годы для консервативно-националистических мыслителей встал вопрос кооптации с нацистской партией. Э. Юнгер как известный националистический публицист оказался перед проблемой возможного сотрудничества с нацизмом. Юнгеровская стратегия политического выживания выражалась в стремлении занять позицию устранения от нацистской политической активности, которая была дополнена переездом из Берлина в германскую провинцию, как способ сохранить максимальную дистанцию от эпицентра политической деятельности.

Список литературы

1. Юнгер Э. Годы оккупации (апрель 1945- декабрь 1948). /Пер. с нем. – СПб., 2007.
2. Ernst Jünger-Carl Schmitt. Briefwechsel 1930-1983, hrsg, komment. und mit einem Nachwort v.Helmut Kiesel. – Stuttgart, 2012.
3. Ernst Jünger-Friedrich Hielscher. Briefwechsel 1927-1985, hrsg, komment. und mit einem Nachwort v.Ina Schmidt u. Stefan Breuer. – Stuttgart, 2005.
4. Jünger E. Untergang oder neue Ordnung?// Jünger E. Politische Publizistik 1919-1933, hrsg., kommentiert und mit einem Nachwort von Sven Olaf Berggötz. – Stuttgart, 2001.
5. Jünger E. Zum Geleit// Jünger E. Politische Publizistik 1919-1933, hrsg., kommentiert und mit einem Nachwort von Sven Olaf Berggötz. – Stuttgart, 2001.
6. Kiesel H. Ernst Jünger. Die Biographie. – München, 2007.
7. Schwilk H. Ernst Jünger. Ein Jahrhundertleben. – Stuttgart, 2014

E. JUNGER AND THE ASSERTION OF THE NAZI GOVERNMENT: AN INTELLECTUAL'S SURVIVAL STRATEGY DURING THE YEARS OF NAZI DOMINATION.

The article discusses the issues of developing a strategy of behavior and survival of an intellectual in the conditions of the Nazi dictatorship on the example of the German conservative thinker and writer Ernst Junger. The formation of the Nazi government in January 1933 marked the end of the deep crisis of the Weimar Republic in the early 1930s. As a result of the formation of Hitler's Nazi-conservative coalition cabinet in the German state, the process of structural transformation of the state towards the Fuhrer state, assuming total control and management of the entire life of society, began. Under these conditions, the existence of an intellectual required a choice between conformity and nonconformism. The example of Ernst Junger, a well-known nationalist publicist, shows how non-trivial the ways of existence of a thinker can be in the conditions of the beginning regulation of public life and repression against opposition forces and ideas.

Keywords: Ernst Junger, Weimar Republic, National Socialism, intellectual choice, Nazi seizure of power, conservatism, conservative revolution.

References

1. Yunger E. Gody okkupacii (aprel' 1945- dekabr' 1948). /Per. s nem. – SPb., 2007.
2. Ernst Jünger-Carl Schmitt. Briefwechsel 1930-1983, hrsg, komment. und mit einem Nachwort v.Helmut Kiesel. – Stuttgart, 2012.
3. Ernst Jünger-Friedrich Hielscher. Briefwechsel 1927-1985, hrsg, komment. und mit einem Nachwort v.Ina Schmidt u. Stefan Breuer. – Stuttgart, 2005.
4. Jünger E. Untergang oder neue Ordnung?// Jünger E. Politische Publizistik 1919-1933, hrsg., kommentiert und mit einem Nachwort von Sven Olaf Berggötz. – Stuttgart, 2001.
5. Jünger E. Zum Geleit// Jünger E. Politische Publizistik 1919-1933, hrsg., kommentiert und

mit einem Nachwort von Sven Olaf Berggötz. – Stuttgart, 2001.

6. Kiesel H. Ernst Jünger. Die Biographie. – München, 2007.

7. Schwilk H. Ernst Jünger. Ein Jahrhundertleben. – Stuttgart, 2014

Об авторе

Артамошин Сергей Викторович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета, E-mail: artamoshinsv@mail.ru

Artamoshin Sergey Viktorovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History and International Relations of Bryansk State University (Russia), E-mail: artamoshinsv@mail.ru

Большаков М.В., аспирант, Российский университет дружбы народов (Россия)

ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОГРАФОМ В.А. ФАЛЕЕВОЙ КРЕСТЬЯНСКОГО НАРОДНОГО КОСТЮМА В ПЕРИОД С 1965 – 1971 ГГ.

В статье особое внимание уделяется одежде крестьянского населения конца XIX – первой половине XX вв. на территории Рязанской и Брянской губернии. Многие аспекты, которые касаются традиционного костюма на рассматриваемой территории, на сегодняшний день остаются нераскрытыми. Исследование позволяет проследить изучение этнографического материала, что для отдельных регионов является крайне актуально. Уникальность данной работы заключается в базировании сведений на личной переписке двух этнографов, которые совершали экспедиции в указанные выше районы, в разное время. Данные этнографические исследования не противоречат, а дополняют друг друга, что позволяет создать более полное описание и анализ крестьянского костюмного комплекса. Фонд Р-6710 Государственного архива Рязанской области (ГАРО) ранее не был отмечен вниманием исследователей и вводится в научный оборот впервые. В процессе исследования был использован метод контент-анализа, а также метод сравнения при изучении материала доставленного Н.И. Лебедевой в 1920-е гг. В ходе работы был использован типологический метод. В итоге был сделан вывод о важности данного источника в связи с его информативностью. Письма раскрывают вопросы личного характера и могут служить важными материалами для восполнения белых пятен в биографии исследователей. В результате работы возможно реконструировать внешний облик крестьян Брянской и Рязанской губернии в первой половине XX в.

Ключевые слова: традиционная культура, крестьяне, костюм, крестьянский быт, Брянская область, Орловская губерния, Рязанская губерния, этнография.

DOI:10.22281/2413-9912-2023-07-02-34-44

Введение

Вопросы, которые касаются традиционной культуры определённого региона, на сегодняшний день являются крайне важными, т.к. позволяют сохранить сведения о традициях народа, их внешнем виде, пищевом рационе и т.д. Редко можно встретить публикации по этнографии, краеведению, которые рассказывают о работе того или иного учёного по письмам. Скорее всего, такой источник, может использоваться для восполнения белых пятен в биографии, жизненном пути исследователя.

В настоящее время проблема Брянского народного костюма остаётся открытой, т.к. богатство и разнообразие костюмных комплексов, бытовавших на данной территории, нуждаются в более комплексном подходе: работы с музейными коллекциями и архивными материалами. На сегодняшний день есть исследования по костюму Брянской области, которые в большей степени освещают основные аспекты традиционного убранства сельского населения данной территории. Например, в 2021 году была издана книга

«Традиционный народный костюм Брянской области конца XIX-начала XX века» [11]. В 1998 году была выпущена работа Н.Б. Козловской «Традиционный народный костюм Брянской области» [2], где рассматривался костюмный комплекс в границах после 1929 года, т.е. северная часть, фрагмент восточной территории Брянской губернии (входили в состав Орловской губернии в XIX в.) не были в поле внимания исследователя. Наряду с основными трудами, непосредственно посвящённые данному вопросу, выходят статьи и монографии, которые частично затрагивают проблему элементов Брянского народного костюма. Данная статья дополняет сведения, которые представлены в изданиях, используя архивный материал. Также работа имеет немаловажное значение при изучении рязанского костюмного комплекса.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования является научная работа Фалеевой В.А. по народному костюму в период с 1965-1971 гг. (Брянская и Рязанская область) (см. рис. 1).

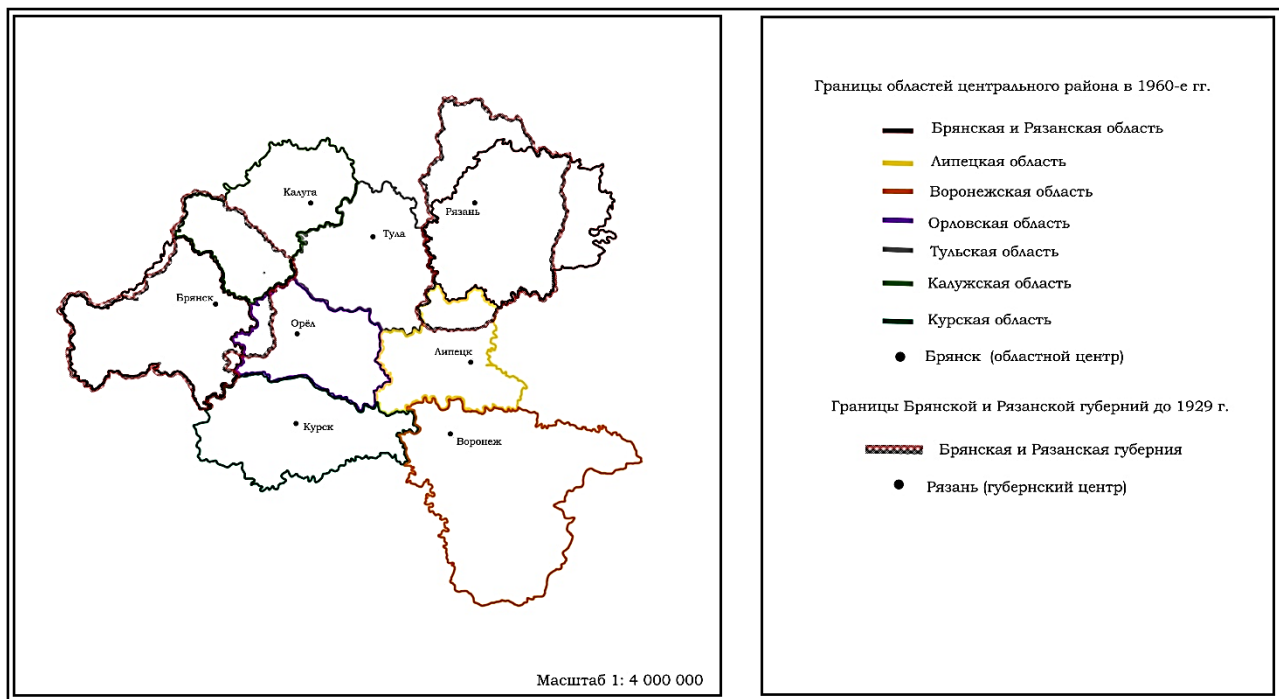

Рис. 1 Границы областей центрального района в 1960-е гг.; границы Брянской и Рязанской губерний до 1929 года. Сост.: Большаков М.В.

Предмет: выявление этнографического материала по крестьянской традиционной одежде в письмах учёного Фалеевой В.А. к Лебедевой Н.И. Метод контент-анализа позволил сделать выводы о материалах добытых в ходе этнографических экспедиций В.А. Фалеевой в 1960-1970 – х гг. В работе был использован типологический метод, что позволило разделить информацию о костюмных комплексах по географическому признаку (брянский, рязанский костюм).

Результаты и их обсуждение

В результате анализа писем можно дать общую характеристику их стилю, как личностной. Практически все они строятся по одной схеме: 1) личные вопросы и истории из жизни; 2) Работа: повествование о полевых исследованиях, подробное описание добытых предметов. Целью работы является рассмотрение исследования Фалеевой В.А. народного костюма на территории Брянской и Рязанской области в период с 1965-1971 гг. по личной переписке с Лебедевой Н.И. Задачи данной работы: 1) проанализировать письма и выделить этнографически важную информацию; 2) очертить географию исследований в период с 1965-1971 гг. 3) систематизировать обнаруженные предметы в экспедициях Лебедевой Н.И. и Фалеевой В.А. для более полной реконструкции крестьянских

костюмных комплексов.

Из писем ярко прослеживается территория исследования В.А. Фалеевой – Брянская, Калужская, Вологодская, Рязанская область (см. рис. 2).

Практически этот же ареал был исследован ранее Н.И. Лебедевой, только наиболее детальное изучение ограничивалось Брянщиной, Гамаюнщиной (Калужская губерния) и Рязанщиной. В этой связи возможно не только узнать о новых предметах, обнаруженных в 60-е гг. XX в., но и произвести сравнительный анализ материалов двух экспедиций в районе Брянской и Рязанской области.

Прежде чем переходить к рассмотрению переписки двух этнографов необходимо немного сказать о биографии В.А. Фалеевой. Она родилась 9 ноября 1906 года в Петербурге. Начало её работы в Русском музее (далее ГРМ) относится к 1937 г. В этом же году В.А. Фалеева активно начала принимать участие в экспедициях по изучению и собиранию произведений народного искусства Ленинградской области [10, с. 41]. Особое внимание необходимо обратить на её основную научную сферу деятельности – работа с вышивкой и кружевом. В 1956 году В.А. Фалеева защитила кандидатскую диссертацию, в которой поставила целью широко показать всю историю кружевоплетения в России с

XVII до середины XX в., охарактеризовать наиболее типичные местные узоры и определить особенности разных центров кружевоплетения, что в последствии легло в основу её крупной монографии «Русское плетёное

кружево» [10, с. 45]. Немаловажным является труд В.А. Фалеевой и Е.Ю. Моисеенко «Бисер и стеклярус в России XVIII – начала XX в.», раскрывающий исторический аспект вопроса бисироплетения.

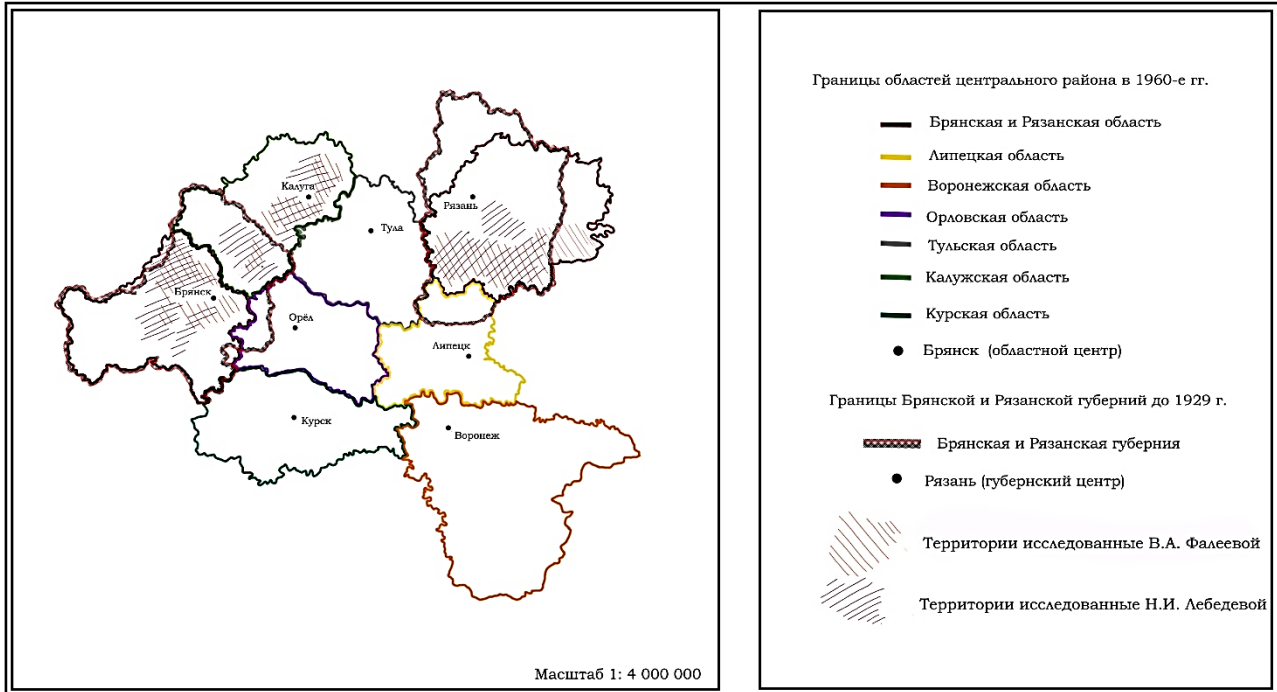

Рис.2 Карта с границами областей центрального района в 1960-е гг.; границы Брянской и Рязанской губерний до 1929 года с обозначением районов, в которых проводились этнографические экспедиции Фалеевой В.А. и Лебедевой Н.И. Сост.: Большаков М.В.

Материалом для её исследований являлись предметы, собранные в результате этнографических экспедиций. С 1957 по 1976 год она провела 20 экспедиций. Выйдя на пенсию в 1963 году, В.А. Фалеева до 1976 года не оставляла собирательскую работу, ежегодно отправляясь в одну или две экспедиции по разным областям России [10, с. 46]. В предварительной подготовке к поездкам по разным селениям, чувствуется её скрупулёзность и внимательность изучения этнографических документов по тем территориям, куда совершалась экспедиция. С такой же крайней внимательностью В.А. Фалеева пишет письма Н.И. Лебедевой, где можно увидеть перечень собранных предметов на той или иной территории с указанием их размеров и материала, из которого они изготовлены.

Письма, которые хранятся в Государственном архиве Рязанской области (ГАРО) Ф. Р-6710 захватывают период с 1960 – 1970-е гг.

Стоит отметить, что исследование обозначенных территорий также проводилось в

1920-е гг. рязанским историком, этнографом Лебедевой Н.И. В эти годы был собран богатый материал, который опубликован в труде «Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки». С особой скрупулёзностью были обследованы 23 района от Брянска до Калуги. Подробнейшим образом описан костюмный комплекс крестьянского населения, были выявлены проблемы изучения народной одежды. Поэтому этнографические экспедиции, проходившие в этих регионах в 60-е гг. имеет особую ценность, т.к. есть возможность проследить трансформацию народного быта и как следствие внешнего облика жителей данных районов, а также они являются хорошим дополнением к уже имеющимся сведениям.

Брянская область

В одном из своих писем Фалеева В.А. пишет: «Брянщина же не только хранит, но и носит старый костюм (1968 г.), старухи, конечно. Мы привезли 2 полных костюма Брянского уезда с волшебным головным убором:

75 см. позатылень низанный бисером и стеклярусом, спереди стеклярусные «рясны» и на шее низки, ожерелье и цепь. Я могу по богатству и оригинальности бисерных украшений сравнить его только с секирским (Рязанская губерния). Но здесь характер, цвет, всё другое» [12, Л. 13] (см. рис.3). [В письме В.А. Фалеева называет территорию Брянской области «Брянским уездом»]

Рис. 3 ГАРО. Ф. Р-6710. Оп.1. Д. 238. (№ 60). Женский костюм с. Секирино, Скопинский уезд, Рязанская область.

В совместной монографии с Моисеенко Е.Ю. «Бисер и стеклярус в России» [7] 1990 года, Фалеева В.А. даёт подробное описание «ряснам». «... — это кисти, которые могут достигать длины до полуметра, а полосы, примерно, 5 см шириной. Наличие их в народных головных уборах свидетельствует о древней устойчивой традиции. В крестьянских уборах 19-20 вв. этот элемент был сделан из стекляруса и крепился к верху позатыльня, и спускался на грудь. Лентообразные рясны получили особое распространение на Брянщине» [7, с. 159] (см. рис. 4).

Данный головной убор, о котором идёт речь в письме, был опубликован в работе Русского музея (далее ГРМ) "Во всех ты, душенька, нарядах хороша": традиционный

праздничный костюм XVIII-XX веков / Русский музей; составитель Н. И. Ковалева и др.; фото В. А. Воронцов, В. Ф. Дорохов, М. В. Скоморох, 2015 года [1].

Рис. 4 Позатыльник, элемент женского крестьянского костюма. Начало XX в. КП БОМ 4948/5.

Также необходимо отметить внимание этнографа на схожие черты шейных украшений Рязанской и Брянской области. Данный факт объясняется устойчивыми экономическими и историческими связями между двумя территориями. Они также объединены железной дорогой, что в процессе торговли и регулярного посещения областей вело к обмену традиционной культурой. Из этого следует частичная идентичность отдельных костюмных элементов. Например, ожерелья в этих регионах расстилаются по груди и плечам и на ячейки сетки нжутся в 12,16,20 бусин. Так же варианты Орловской жерёлки по структуре сетки и ширине близки к рязанским [8, с. 65] [в XIX – нач. XX в. Брянск входил в состав Орловской губернии, поэтому между ними сохранялась единое культурное поле, как следствие встречающиеся идентичные элементы в костюмном комплексе].

Вместе с тем, часть шейных украшений Рязанской и Калужской губерний имела ряд схожих черт. Например, известно распространение бисерных ожерелий с рядами низанных

бус, которые носили как с жерелками, так и отдельно. В ряде случаев бисерные нити прикреплялись к завязкам, что сближала украшения этого типа с бусами [8, с. 66].

Редкое красочное явление представлял собою наряд молодых женщин Рязанской, Калужской, Тульской и особенно Орловской губернии. Они были унизаны бисером и стеклярусом от нависочников до подола [7, с. 157]. Подчеркнём схожие черты в костюмном комплексе, в том числе шейных украшений, присущих центрально-чернозёмному региону. Как было отмечено выше, это объясняется экономическими связями между данными территориями.

В своих письмах В.А. Фалеева обращает внимание на ещё один элемент крестьянского костюма брянщины – понёва. «...понёвы брянские – одни из красивейших. Они не только богато вышиты, но составной частью их являются широкие тканые пояса, используемые и как обшивка (ткнут на дощечках) и как вставки широкие (ткнут на нитях)» [12, л. 13]. Из этой части письма можно выделить особенность внешнего вида брянских понёв – богатство декорирования. Отделке понёвы всегда уделялось большое внимание. На неё нашивали узорную домотканую тесьму, обнизанную бисером, им же расширяли подола, пояса заканчивались бисерными кистями [7, с.13]. Понёва бытовала во всех районах Брянщины. В некоторых из них у понёвы при крае скашивались верхние углы. Этот простой приём придавал понёве при ношении шарообразную, округлую форму [2, с. 13].

Сведения, добытые в ходе полевых работ В.А. Фалеевой в 60-е гг. XX в., дополняют данные, полученные Лебедевой Н.И. в 20-е гг. XX в., где даётся подробное описание технологии производства брянских понёв. Например, она выделяла 1 – закладную технику, которая бытовала на территории Брянской губ. – Алексеевка, Бяково, Пластовое [5, с. 32]. 2-й способ тканья был встречен на границе с Новгород-Северским уездом в д. Сагутево, Почепского у. Шерстяная ткань – фон красный, для образования узора пускалась вторая основа из белых льняных ниток и жёлтых шерстяных [5, с. 33].

Также Лебедевой Н.И. было произве-

дено деление понёв по окраске: понёвы с синим и красным фоном. Синяя клетчатая понёва широко была распространена у южновеликорусов (Рязанская, Тульская, Калужская, Орловская, Тамбовская, Курская губернии) и на западе до самой Десны. Иногда синий фон заменялся на чёрный. Такой цвет встречался или у очень старинных понёв, или у понёв периода революции (1917г.) и Великой Отечественной войны, когда синюю краску было сложно достать. Понёва чёрного цвета встречалась в западной части Орловской области (Льгов) и в Курской области (с. Кубань), в Данковском уезде Липецкой области., а также в районе с. Салтыково (Буты) Рязанской области – как одежда пожилых женщин; для молодых там была типична красная бранная понёва [6, с. 31]. Большое разнообразие красных понёв встречалось в с. Роговатое Шаталовского района Курской области, с. Рождественно и в некоторых других сёлах Тульской области, а также данная расцветка бытовала в Трубчевском районе Брянской области, где эти ткани изготавливали с двумя узорами: цыганка и бровка. Старинная краска, употребляемая для этих понёв, была растительная, она в районе Почепского у. (Рябчевск, Орельск) применялась вплоть до 1920-х гг. [5, с. 33]. Проводя параллель с другими областями центрально-чернозёмного региона, необходимо отметить, что подобные расцветки бытовали на территории Рязанской, Курской и соответственно Орловской губернии, однако наиболее распространённой была синяя понёва.

Обязательный элемент крестьянского костюма, как у мужчин, так и у женщин, был пояс. Тканые пояса в отличие от ременных сохраняли интересную черту – наличие бисерных украшений. На Брянщине эти пояса ткались на дощечках в 3-6-8 дощечек. На конце пояса делались кисти, называемые «китицы», концы которых украшались бисером - «занизками». Такие пояса встречались в Бояновичах, Подбужье, Бякове, Зимницах (Брянская область). Аналогичные пояса встречались в Рязанской губернии (Скопинский уезд, Сапожковский уезд, с. Можары) [5, с. 126].

Другая часть этого же письма описывает результаты экспедиции по территории бывшего Карачаевского и Трубчевского уезда (Брянская область). «В Карачаевском у.

близко от с. Навли, совершенная архаика с головными полотенцами, каким-то немислимым головным убором невесты и удивительным сочетанием красочного фона с жёсткой вышивкой на передниках и рукавах. Швы совершенно архаичные весь узор шьётся «косичкой», мельчайшими стёжками. В современной Брянской области (1968 г.) бытует двусторонний красный крест. Узоры тоже древние: пава, башни, человеческие фигуры, растения. «... Беднее этнографическим материалом бывший Трубчевский уезд... Но в древнейшем уголке Кветуни, нашли рубахи, передники, скатерти, полотенца с крупной узорной браниной. Кружево численное (очень яркое, шерстяное) нашли мы в бывшем Севском уезде, в Чемлыжской волости по-старому, оно и на полотенцах, и на праздничных полотенцах» [12, л. 13]. Из письма можно заметить архаичные элементы костюма, дошедшие до середины XX в. Фалеевой В.А. также отмечены конкретные орнаментальные мотивы, которые наносились на одежду, это очень важный материал для изучения традиционного народного творчества, бытовавшего на данной территории. Подобные орнаментальные мотивы были широко распространены в Рязанской губернии во второй половине XIX в.

Отметим, что сведения из писем В.А. Фалеевой являются очень важным материалом для дополнения информации по традиционному Брянскому костюму. Используя и анализируя материал, собранный в ходе этнографических экспедиций 20-х и 60-х гг., возможно дополнить и развить данную тему.

Лебедева Н.И. в своей работе «Народный быт в верховьях Десны...» описывает и другие виды головных уборов Брянщины. Головное полотенце с. Святое (Брянская губерния). Этот головной убор был составной частью кички, которая состояла из 6 элементов. Полотенце по праздникам могли повязывать так, что концы его спускались назад, а в будни дни его совсем не носили. На покос могли надевать так, что концы закладывались наперёд [5, с. 92]. Однотипные головные уборы были распространены в двух сёлах, расстояние между которыми составляет 126 км. Такое же сходство головных уборов можно было встретить в с. Бяково, однако на 1968 год он меньше сохранил старинные

формы [5, с. 93]. Отметим, что Фалеевой В.А. было обследовано с. Навля (Брянская область.), а Лебедевой Н.И. с. Бяково, которые располагаются в 7,9 км друг от друга. Совершенно не удивителен тот факт, что на обеих территориях был распространён головной убор, в комплекс которого входило головное полотенце. Сведения, предоставленные Фалеевой В.А. в 60-е гг. дополняют информацию о данном регионе, уточняя ареал распространения данного элемента крестьянского головного убора.

Таким образом, по переписке Фалеевой В.А. с Лебедевой Н.И. можно отчётливо проследить пересечение исследовательских интересов. Данные, полученные ленинградским учёным-этнографом, не повторяют, а подтверждают сведения 1920-х гг. и дополняют их. Это немаловажный факт, т.к. именно такая работа способствует накоплению, развитию научного знания по данной проблематике. Также важно подчеркнуть трансформацию костюмного комплекса, которая проходила те же этапы, как и вся крестьянская одежда в начале XX в. и в советский период.

Рязанская область

Продолжая переписку, В.А. Фалеева рассказывает о находках уже другого региона – Рязанская область: «В Глиняных Ямах мы купили рубахи, шитые стариной белой строчкой (с держкой в одну сторону) и двусторонним швом чёрной ниткой. Благородство узора и сочетания белого с чёрным. Вещи замечательные. Из Морозовых Борков у меня не было целого шушпана, а только отдельные подола. Здесь мы купили целые. Сапожковские слободы отличаются сильно друг от друга узорами и цветом. А уже Глиняные Ямы и вовсе. Они общи с Морозовыми Борками» [12, л. 11]. Костюмные комплексы на территории бывшей Рязанской губернии, относящиеся к разным волостям, отличались орнаментальными мотивами, украшением составных элементов костюмов. Южная сторона губернии (Сапожковский, Скопинский, Ряжский, Раненбургский, Данковский уезды) в связи с её консервацией из-за слабого проникновения капитализма в этот район, привязанности населения к земледелию и вовсе сохранила разнообразие традиционной куль-

туры вплоть до 60-х гг. XX в., что было отмечено В.А. Фалеевой.

Сапожковский уезд был глухой окраиной Рязанской губернии. «Уезд хлебородный, - писала Н.И. Лебедева в 1923 году, - женское население уезда мало знакомо с отхожим промыслом, это обещало хорошую сохранность старины». В деревне Александрово Н.И. Лебедевой было обнаружено ранее не встречавшийся головной убор с рогами необычной формы. «И по сей день [1920-е гг.] хранит деревня много старины, даже в повседневной одежде. В сундуках старушек можно найти полный праздничный наряд в хорошей сохранности» [12, с. 118], что подтверждает тезис о консервации данного региона.

В ходе этнографической экспедиции Н.И. Лебедевой, проводившейся на территории Сапожковского уезда, были исследованы многие сёла в том числе и Морозовые Борки, про которые говорит В.А. Фалеева в своём письме. В этом районе была обнаружена рубаха с косыми поликами. Понёва, которая в данной местности шилась из 4-х полотнищ синей домотканой материи. В длину понёва достигала щиколоток, а также этнограф даёт подробное описание шушпана или как его называют в Морозовых Борках «чупруна». «Он шьётся из полушерстяной домашней белой материи, полотнище перегибается пополам по утку, спереди разрезается, по бокам пришивается, пополам перегнутое по основе, полотнище, но рукава длинные, с ластовицами, разрез на груди, отторачивается пояском, который в некоторых сёлах называется «мутозом». Поясок бывает различного цвета, чем отличает одно село от другого; преобладающий красный. Низ шушпана, который носят молодые, украшается перетыками, замечается разница узора между сёлами» [4, с. 14]. Также был обнаружен ещё шушпан (территория заключённая между р. Вердой и Парой) с рукавами почти до запястья, с красными ластовицами, в «печали» (трауре) с белыми, из полубумажной домотканой материи без перетык, ворот и полы обшивались чёрным кантом. В такой одежде в 20-х гг. XX в. ходили старухи, в таких шушпанах их и хоронили. При шушпане (шушун) носили лапти и белые онучи. Как отмечает этнограф, молодые 40 лет тому назад такую одежду но-

сили в печали, в случае смерти отца или матери, «теперь же носить считают за стыд» [20-е гг. XX в.] [4, с. 7].

«Летом Грумкова была в Секирине и купила пояс с бисерными концами. Подумать только, как много было у населения этих прелестей, если держатся до сих пор, несмотря на вашу [Н.И. Лебедева] экспедицию. Я мало собрала ожерелий. Никак продавать не хотели. 2 полных комплекта бисерных украшений и ещё ожерелье из Можар. А какие они красивые! Поясов больше. Ныне по части костюма не нашли решительно ничего» [12, л. 34].

В.А. Фалеева в соавторстве с Моисеенко Е.Ю. в книге «Бисер и стеклярус в России» 1990 года, вводит в научный оборот то самое ожерелье, о котором она рассказывает в письмах Н.И. Лебедевой. Из описания мы узнаём: «... украшение с. Можары Сапожковского района. Его носила женщина моложавая, но в летах. Узор довольно массивен: на тёмном синем фоне помещены 3 больших городчатых ромба разной расцветки, с мелкими деталями яркой белизны между ними. Оно закончено бахрамкой из бисерных петель. По этим 3 вещам из одной области видно, что они исполнялись свободно, с большим пониманием особенностей лиц, для которых предназначались» [7, с. 162]. И вместе с ним она говорит о другом шейном украшении из с. Секирино: «Кумачовая полоска вверху одного из них зашита блёстками под нею в 3 ряда низаны белые розеточки. Сама сетка – тёмно-зелёная, с большими ячейками, перехваченными такими же розеточками, законченная золотистыми петлями, в верхней части которых сверкает золотистый бисер. Белые элементы создают впечатление жемчуга, рассыпанного по тёмному фону» [7, с. 162]. Из этих описаний прослеживается богатство шейных украшений в данном регионе, которые сохранило местное население до 2 пол. XX в. Своей сложностью, красотой бисерные украшения с. Секирино сопоставимы, по словам автора, с украшениями Брянского уезда, как отмечалось выше. Это уникальный случай нахождения таких архаичных элементов костюма в позднее время. Данные предметы хранятся в фондах Государственного Русского музея. Подобные украшения из бисера и стекляруса занимали важное место в

крестьянском женском традиционном костюме в XIX – XX вв.

В.А. Фалеева упоминает и о поясах, которые были обнаружены в с. Секирино Скопинского района. Пояс, как было отмечено выше, занимал особое место в крестьянской одежде. Их было принято украшать по возможности богато. Вплоть до 60-х гг. XX в. бытовали пояса, которые дополняли понёвы в Скопинском районе Рязанской области. Они чрезвычайно длинны, от 2,5 и более 3 м, и представляли собой узкую шерстяную тесьму ручной работы, однотонную или разноцветную, смотря по общему колориту данного костюма [7, с. 169].

В письмах также рассматривается и северный район Рязанской губернии с. Парахино быв. Касимовского уезда Рязанской губернии: «С парахинскими понёвами дело обстоит так: Б.А. Куфтин, видимо, лучшее собрал [Б.А.Куфтин считал парахинскую понёву «наиболее технически развитой и художественной богатой во всей Великороссии»][9, с. 73]. Во-вторых, во время войны все почти понёвы со свастиками распустили на нитки, не хотели видеть этот знак. Я с большим трудом нашла 3 шт. Одна без прошвы с затёками красной пряжи; одна с большой дырой на ткали, без прошвы, третья в порядке (но дырочки есть). Платила 20 р, 15 р и 10 р. Конечно, парахинские понёвы теперь просто редкость. Купленные мною имеют узор клеток типа мешёры две, а третья из полос мелких ромбов. Сами клетки попеременно синие и красные, внутри каждой по ромбу с крестовидной фигурой в середине и крюками вокруг. За завершники, смотря по работе и сохранности 2-3 р. За передники, как правило, по 2 р., но если уж очень хорош и узор редкий, то до 3 р. Больше ни разу не платила» [12, л. 11].

Парахинская волость – это достаточно труднодоступный район в XIX в., который находился в стороне от главных дорог, где отхожие промыслы практически полностью отсутствовали, это и явилось причиной сохранения самобытной культуры и консервации региона в целом.

Парахинские поневы отличались большим разнообразием узора. В соответствии с рисунком ткачихи различали поньки "коситницы", "полукоситницы", "грабельницы",

"репетницы", "конитницы", "по уголышкам с чернью", "по уголышкам с синью", "глазастая крупным братая" и т.д. Узор поневы состоял из ромбической диагональной сетки с меандровым или свастическим белым орнаментом, которая как бы накладывалась на красно-синюю шашечную клетку. В местах их пересечений на темно-синем или красном фоне выделялся орнамент из белых солярных знаков, вписанных в ромб – модификация креста или свастики. В соседних селах парахинские поневы называли «поньки со змеями и ястребами» [9, с. 74].

Другой район Рязанской области, который был исследован В.А. Фалеевой является территория близ Спас-Клепиков. Этнограф пишет: «Мы сейчас обходим деревни вокруг Спас-Клепиков. Здесь была одежда такая же, как и в Тумском районе, но сохранилось её мало и только рубахи, в орнаментальном отношении малоинтересные. В Бусаеве купили 4 хороших передника, 1 рубаху с подолом и фабричный платок коврового узора. В Заборье и в других деревнях заборские вещи: тканые проставки к полотенцам, тканые подолы яркие шитые поддёвчатым швом. Пока всего 25 предметов. Денег потратили много, т.к. напали на одну бабку-кремень под 90 лет. Не взять – значило пустить вещи по ветру. Уговаривала её вся улица».

Данная территория была также исследована крупным специалистом в области традиционной крестьянской одежды Б.А. Куфтиным. В 20-е гг. был накоплен богатый материал по исследованию традиционной культуры Великороссов, и экспедиция вышеназванного этнографа дополнила его.

Тумский район известен как центр важной кустарной, особенно деревообделочной промышленности и развития плотничного дела. В XVII в. весь этот край входил во Владимирский уезд, составляя волости Тумскую, Гусскую, Мечевскую, Муромское сельцо и отчасти стан Тарутской Остров. Несмотря на схожесть рубахи этого региона с Владимирским уездом, характер остального костюма показывает самобытность данной территории. В Тумском районе, в ходе экспедиции, были обнаружены подвенечные рубахи с длинными рукавами, которые в с. Давыдове того же района подвязывались таким образом,

чтобы рук не было видно. Такие длинные рукава узкие к концу и широкие у основания обыкновенно забирали «заскали», за локоть, чтобы образовался «наплыв». Также на данной территории бытовали различного типа понёвы – это синяя клетчатая понёва, которая перемежается с красной и распространяется вдоль северной границе Касимовского уезда на восток, до крайнего Северо-Западного угла рассматриваемой области (Тумский район). Парахинская и Тумская понёва давала значительное разнообразие узора: в стенках основной ромбической сетки меандр и свастика заменены городками, узор весь мельче, как бы более сжат. Зато узор подольника более ярк. Он состоит из широкого поля, покрытого одним только орнаментальным мотивом, свастикой, расположенным сплошными диагональными рядами. Это поле пересекают поперечные довольно широкие ленты из синих полос, разрезая целые фигуры свастики настолько, что её части теряют между собой связь и соединяются друг с другом в иные прихотливые сочетания [3, с.61-62].

Таким образом, экспедиции, которые были проведены в 60-е гг. XX в. в данном регионе являлись важными и полезными, т.к. дополнили этнографическую коллекцию по

данной территории, тем самым дали возможность более полно рассмотреть костюмный комплекс бывшей Рязанской губернии.

Заключение (выводы)

Таким образом, переписка этнографов В.А. Фалеевой и Н.И. Лебедевой является важным источником при изучении костюмных комплексов Рязанской и Брянской области, а также по ней можно проследить начальный этап поступления найденных предметов в музейные коллекции. Данный факт является немаловажным, т.к. с помощью такого вида источников возможно изучать этапы формирования музейных фондов, что довольно часто является проблемной темой и остаётся за пределами внимания научных сотрудников. Также личная переписка всегда была важным источником для восполнения пробелов в биографии, данные письма не являются исключением, однако в нашем исследовании этот вопрос остался за пределами поставленных задач. Вместе с этим возможно увидеть весь массив собранного материала на рассматриваемой территории в период с 1920-х-1970-е гг. Проследить изменение в быте местного населения и степени сохранности элементов традиционной культуры в середине XX в.

Список литературы

1. Ковалева Н.И. и др. "Во всех ты, душенька, нарядах хороша": традиционный праздничный костюм XVIII-XX веков / Русский музей – СПб., 2015.
2. Козловская Н.Б. Традиционный народный костюм Брянской области. Брянск: Брянская областная типография, 1998.
3. Куфтин Б.А. Материальная культура русской мещёры. Ч.1. Женская одежда: рубаха, понёва, сарафан. М.: Б. и., 1926.
4. Лебедева Н.И. Материалы по народному костюму Рязанской губернии. Рязань: Рязгостиподр, 1929.
5. Лебедева Н.И. Народный быт в верховьях Десны и в Верховьях Оки (этнологическая экспедиция в Брянской и Калужской губерниях в 1925 и 1926 гг.) Ч.1. М.:1927.
6. Лебедева Н.И. Научные труды. Т.2 // Рязанский этнографический вестник. Рязань: Рязанский областной центр народного творчества, 1996.
7. Моисеенко Е.Ю. Фалеева В.А. Бисер и стеклярус в России. Л.: «Художник РСФСР», 1990.
8. Неслуховская А.В. Традиционные русские женские шейные украшения верхнеокского региона XIX-XX веков // Учёные записки Орловского государственного университета. №3 (72) – Орёл: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева", 2016.
9. Панкова Т.М. Рязанский традиционный костюм. Рязань: Рязанский центр народного творчества, 1992.
10. Сорокина М.А. Исследователь народного искусства В.А. Фалеева к 100-летию со дня рождения/Народное искусство. Материалы и исследования. Вып. 3/ Альманах. Вып. 354. СПб.: Palace Editions, 2012.

11. Традиционный народный костюм Брянской области конца конца XIX-начала XX века.- Брянск: АНО "Брянский центр казачьей культуры", 2021
12. Фрумкин А.К. Рязанская глиняная игрушка// Коростылёв В.В. Рязанский этнографический вестник. Рязань: Ряз. обл. центр нар. творчества, 1994.
13. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. Р-6710. Оп.1. Д.137. Переписка с ленинградским этнографом Фалеевой В.А.

RESEARCH BY ETHNOGRAPHER V.A. FALEEVA OF THE PEASANT COSTUME COMPLEX IN THE PERIOD FROM 1965 - 1971

The article pays special attention to the clothing of the peasant population in the second half of the XIX – first half of the XX centuries on the territory of the Ryazan and Orel provinces. Many aspects that relate to the traditional costume of the Bryansk and Ryazan regions remain undisclosed today. The study allows us to trace the study of ethnographic material, which is extremely relevant for individual territories. The uniqueness of this work lies in basing the material on the personal correspondence of two ethnographers who made expeditions to the above-mentioned areas at different times. These ethnographic studies do not contradict, but complement each other, which makes it possible to create a more complete description and analysis of the peasant costume complex. The fund R-6710 of the State Archive of the Ryazan Region (GARO) has not previously been marked by the attention of researchers and is being introduced into scientific circulation for the first time. In the course of the research, the method of content analysis was used, as well as the method of comparison when studying the material delivered by N.I. Lebedeva in the 1920s. In the course of the work, a typological method was used. As a result, it was concluded that this source is important due to its informative nature. The letters reveal personal issues and can serve as important materials to fill in the blank spots in the biography of researchers. As a result of the work, it is possible to reconstruct the appearance of the peasants of the Bryansk and Ryazan regions in the first half of the XX century.

Keywords: traditional culture, peasants, costume, peasant life, Bryansk region, Orel province, Ryazan province, ethnography.

References

1. Kovaleva N.I. i dr. (2015) "Vo vsekh ty, dushen'ka, naryadakh khorosha": traditsionnyi prazdnichnyi kostyum XVIII-XX vekov ["You are good in all your outfits, darling": traditional festive costume of the XVIII-XX centuries]. St Peterburg, 216 s.
2. Kozlovskaya N.B. (1998) Traditsionnyi narodnyi kostyum Bryanskoi oblasti [Traditional folk costume of the Bryansk region]. Bryansk, Bryanskaya oblastnaya tipografiya, 23 s.
3. Kuftin B.A. (1926) Material'naya kul'tura russkoi meshchery. CH.1. Zhenskaya odezhda: rubakha, poneva, sarafan [Material culture of the Russian meschera. Part 1. Women's clothing: shirt, poneva, sundress]. Moscow.
4. Lebedeva N.I. (1929) Materialy po narodnomu kostyumu Ryazanskoi gubernii [Materials on the folk costume of the Ryazan province]. Ryazan': Ryazgostipogr.
5. Lebedeva N.I. (1927) Narodnyi byt v verkhov'yakh Desny i v Verkhov'yakh Oki (etnologicheskaya ekspeditsiya v Bryanskoi i Kaluzhskoi guberniyakh v 1925 i 1926 gg.) Pt.1 [Folk life in the upper reaches of the Desna and in the Upper Reaches of the Oka (ethnological expedition in the Bryansk and Kaluga provinces in 1925 and 1926) Part 1]. Moscow, 164 s.
6. Lebedeva N.I. (1996) Nauchnye trudy. Vol. 2 [Scientific works. Vol.2] *Ryazanskii etnograficheskii vestnik [Ryazan Ethnographic gazette]*. Ryazan': Ryazanskii oblastnoi tsentr narodnogo tvorchestva, 200 s.
7. Moiseenko. E. Yu. Faleeva V.A. (1990) Biser i steklyarus v Rossii [Beads and glass beads in Russia]. Leningrad, «Khudozhnik RSFSR», 254 s.
8. Neslukhovskaya A.V. (2016) Traditsionnye russkie zhenskie sheinye ukrasheniya verkhneokskogo regiona XIX-XX vekov [Traditional Russian women's neck jewelry of the Upper-Oka region of the XIX-XX centuries]. Orel: Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya "Orlovskii gosudarstvennyi universitet imeni I.S. Turgeneva", 63-68.
9. Pankova T.M. (1992) Ryazanskii traditsionnyi kostyum [Ryazan traditional costume]. Ryazan': Ryazanskii tsentr narodnogo tvorchestva.
10. Sorokina M.A. (2012) Issledovatel' russkogo kruzheva V.A. Faleeva. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya [Researcher of Russian lace V.A. Faleeva. To the 100th anniversary of his birth]. *Narodnoe iskusstvo. Materialy i issledovaniya. Sbornik statei. Vypusk III [Folk art. Materials and research. Issue 3]*. St. Petersburg, 37-44.

11. (2021) Tradicionnyj narodnyj kostyum Bryanskoj oblasti konca konca XIX-nachala XX veka [Traditional folk costume of the Bryansk region of the late XIX-early XX century]. Bryansk: ANO "Bryanskij centr kazach'ej kul'tury"
12. Frumkin A.K. (1994) Ryazanskaya glinyanaya igrushka [Ryazan clay toy]. *Ryazanskii ehtnograficheskii vestnik [Ryazan Ethnographic gazette]*. Ryazan': Ryaz. obl. tsentr nar. tvorchestva.
13. Gosudarstvennyi arkhiv Ryazanskoj oblasti [The State Archive of the Ryazan region] (GARO), fond R-6710, series 1, file 137.

Об авторе

Большаков Михаил Владимирович – аспирант, ведущий научный сотрудник научно-фондового отдела Государственного музея-заповедника «Зарайский кремль», Российский университет дружбы народов (Россия), E-mail: mishapram.1997@gmail.com

Bolshakov Mikhail Vladimirovich – postgraduate student, leading researcher of the Scientific and Stock Department of the State Museum-Reserve "Zaraisky Kremlin", Peoples' Friendship University of Russia (Russia), E-mail: mishapram.1997@gmail.com

Бортулев В.Е., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия).

ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРАТЕГИИ ЛЕЙБОРИСТСКОЙ ПАРТИИ В ПРОГРАММНЫХ ДОКУМЕНТАХ 1918 Г.

В статье предпринимается попытка анализа событий, ознаменовавших важный рубежный этап в эволюции Лейбористской партии, являющейся одним из ключевых элементов современной политической системы Великобритании. Первая мировая война привела к существенному изменению баланса британских политических сил, связанному с кризисом Либеральной партии, а также организационной и идеологической консолидацией социалистического движения. Важной основой данного процесса явилась деятельность фабианских обществ. Научный интерес к данной теме обусловлен необходимостью дальнейшего комплексного исследования эволюции идеологии социал-реформизма и специфики ее проявления в социально-политической практике отдельных европейских государств. Анализ решений, принятых руководящими структурами Лейбористской партии в 1918 г., позволяет также расширить существующие на данный момент в отечественной и британской историографии представления о происходивших внутри британской политической элиты дискуссиях в отношении путей и способов преодоления сложного комплекса социально-экономических проблем с которыми Великобритания столкнулась в результате Первой мировой войны. Кроме того, всесторонне изучение программных документов Лейбористской партии данного периода способствует более глубокому научному пониманию процессов, происходивших в рамках британской политической системы в межвоенные десятилетия.

Ключевые слова: Лейбористская партия, социал-реформизм, Первая мировая война, избирательная реформа.

DOI:10.22281/2413-9912-2023-07-02-45-52

Введение

Первая мировая война оказала масштабное и в значительной степени негативное воздействие на социально-экономическое развитие Великобритании. К 1918 г. британское правительство столкнулось с комплексом проблем, обусловленных военной мобилизацией экономики. В период войны существенно увеличился масштаб вмешательства государства в экономические процессы, а также бюрократизации экономической жизни страны. В рамках мобилизационных мер была введена система государственного контроля над ключевыми отраслями, связанными с военным производством, распределением стратегических материалов, усилено влияние государственных институтов в сфере регулирования трудовых споров. Данные шаги означали принципиальный отход британской политической элиты от базовых принципов экономического либерализма.

Находившийся у власти с декабря 1916 г. коалиционный кабинет Д. Ллойд-Джорджа был вынужден продолжить курс на расширение мер государственного регулирования социально-экономических процессов, включая

введение нормированного распределения основных продуктов питания. Повышение интенсивности труда привело к росту забастовочного движения, охватившего предприятия угледобычи, а также ряд других сфер промышленности [10, p. 217].

Объект и методы исследования

На основании применения ряда общенаучных и специальных исследовательских методов автором был осуществлен комплексный анализ программных документов, принятых руководящими органами Лейбористской партии в 1918 г. с целью определения их роли в дальнейшем развитии социально-политической системы Великобритании.

Результаты и их обсуждение

Одной из наиболее серьезных проблем, с которыми столкнулась Великобритания на завершающем этапе Первой мировой войны, явилась необходимость осуществления быстрой конверсии промышленности, которая ранее была в существенной степени переориентирована на производство военной продукции. Наряду с этим британскому правительству требовалось решить комплекс проблем, связанных с демобилизацией огромного количества

военнослужащих, общая численность которых к моменту завершения военных действий достигла 3,5 млн. человек [2, р.379].

К 1918 г. происходят существенные изменения и в политической системе британского государства. Они были связаны, в том числе со значительным ростом влияния Лейбористской партии, окончательно выдвинувшейся к тому моменту на роль одной из ключевых политических сил Великобритании. Основные программные установки лейбористов, оформившиеся ещё в предвоенный период, нуждались в существенной корректировке с учетом изменений, происходивших как на международной арене, так и во внутренней жизни британского государства. Вплоть до завершения войны в политико-идеологическом плане по ключевым вопросам внутренней и международной повестки лейбористы были вынуждены чаще солидаризироваться с либералами.

Возникнув в 1900 г. как конгломерат ряда небольших общественно-политических объединений социалистического характера, находившихся под большим влиянием фабианства, Лейбористская партия вплоть до периода Первой мировой войны не пользовалась существенным политическим влиянием. В годы войны, несмотря на декларируемую приверженность социалистическим принципам, лейбористы отказались от прежних пацифистских лозунгов, поддержав военные усилия Великобритании. Данная позиция позволила партии добиться участия в коалиционном кабинете Д. Ллойд-Джорджа.

Рубежным событием в истории Лейбористской партии явилось принятие Устава и новой программы партии «Лейбористы и новый социальный порядок», в которой нашли свое отражение важные положения социал-реформистской концепции партии, претерпевшей сложную эволюцию в первые десятилетия XX в. В феврале 1918 г. была принята так называемая Конституция Лейбористской партии, включающая новые программные установки и базовые принципы партийной идеологии. Её основным содержанием стал социальный реформизм, предполагавший активное участие государства в решении многочисленных социально-экономических проблем, с которыми предстояло столкнуться

Великобритании в послевоенный период [11, р. 188]. Важным событием, оказавшим существенное влияние на партийную стратегию, стала осуществленная в 1918 г. наиболее масштабная в британской истории избирательная реформа, в результате которой численность избирателей выросла практически в три раза – с 7,7 до 21,75 млн. чел. [5, р.106]

Подготовка новых программных документов Лейбористской партии началась осенью 1917 г. при активном участии С. Уэбба и других представителей социалистических организаций и фабианских обществ. Главной стратегической целью, обозначенной в них являлось построение социалистического общества, что предполагала осуществление поэтапной национализации, установление общественного контроля над основными средствами производства и введение государственной системы справедливого распределения материальных благ. Как отмечали британские исследователи, данные программные установки означали «окончательное принятие лейбористами исключительно социалистических принципов» [12, р. 331]. В рамках подготовки к конференции специальными комитетами Лейбористской партии были подготовлены аналитические документы, касавшиеся ключевых проблем развития страны. В их числе следует отметить меморандумы «Проблемы безработицы после завершения войны», «Положение женщин после войны», «Миллион новых домов после войны» и ряд других. Принятие Устава и программы партии стали важным событием, ознаменовавшим окончательное превращение Лейбористской партии в самостоятельную политическую силу.

23-25 января 1918 г. в Ноттингеме состоялась ежегодная конференция Лейбористской партии, решения которой были утверждены на дополнительной конференции, прошедшей 26 февраля в Лондоне. В ходе дискуссий обсуждались ключевые положения программы, с которой Лейбористская партия должна была выйти на парламентские выборы осенью 1918 г. В ходе дискуссий обсуждались важнейшие проблемы внутренней и внешней политики Великобритании в условиях завершения военных действий и периода послевоенного урегулирования. В

обсуждении принимали участие, как представители руководства партии, так и лидеры ряда британских тред-юнионов. В процессе подготовки к мероприятию был создан Объединенный комитет Лейбористской партии и Конгресса тред-юнионов, в состав которого вошли многие известные лейбористы, включая Р. Макдональда, Дж. П. и А. Херндерсонов, Дж. П. Дэвиса и др.

В рамках подготовки к предстоящим парламентским выборам представителями партийных структур и тред-юнионов была достигнута принципиальная договоренность о выдвижении единых кандидатов в максимально большем числе избирательных округов. Кроме того, важнейшим направлением совместной работы явилась подготовка изменений в партийном Уставе, призванных адаптировать деятельность партии к принципиальным изменениям во внутривнутриполитической обстановке в Великобритании, произошедшим вследствие войны.

Особое внимание в рамках разрабатываемых положений, уделялась социальной повестке, что было обусловлено существенным осложнением социально-экономической обстановки, а также предстоящей массовой демобилизацией британских военнослужащих. Ряд важных предложений, которые легли в основу социальной программы Лейбористской партии, были сформулированы по итогам сложных дискуссий, проходивших на заседаниях Конгресса тред-юнионов. В его работе участвовали представители тред-юнионов железнодорожных рабочих, шахтеров, а также ряда других профсоюзных организаций.

В партийном Уставе 1918 г. ставилась принципиальная задача обеспечения «...более справедливого распределения результатов труда работников...на основе распространения общественной собственности на средства производства» [8, р. 346]. Данную стратегическую цель предполагалось решить путем национализации сразу после завершения войны ряда ключевых отраслей британской экономики, включая угольную промышленность, железнодорожный транспорт, электроэнергетику. Масштабная национализация экономики, с точки зрения представителей Лейбористской партии, была призвана также обеспечить финансовую основу для

реализации предлагаемых социальных программ. Как отмечалось в документах, принятых по итогам конференции, «Капиталистическая система производства, основанная на индивидуалистических принципах частной собственности, и предполагающая жесткую конкуренцию в сфере управления капиталом и трудовыми ресурсами, обрекает общество на очевидное неравенство, жестокость, моральную и духовную деградацию» [10, р. 141]. Выход из данной ситуации идеологами британского лейборизма виделся в построении нового социального порядка, который должен быть основан «...не на борьбе, а на сотрудничестве», в рамках которого «на смену конкурентной борьбе между людьми за средства выживания должна прийти кооперация, направленная на совместное производство и распределение производимых человеком благ», а также «систематическое обеспечение равенства материальных условий для каждого человека...» [14, р. 174].

Достижение данной стратегической цели предполагало решение четырех взаимосвязанных друг с другом задач. Первой из них являлось установление на законодательном уровне минимума социальных благ, необходимого для обеспечения определенного качества жизни населения. В рамках данной задачи предполагалось установление обязательного для всех отраслей промышленности минимума заработной платы, увеличение финансирования сфер медицины и здравоохранения, расширение системы страхования на случай безработицы, развитие системы общественных работ.

Второй важной задачей являлось введение системы общественного контроля над основными отраслями промышленности. В общегосударственном масштабе предполагалось постепенное осуществление национализации сферы энергетики, угольной промышленности, железнодорожного транспорта. На уровне отдельных муниципалитетов предполагалось установление контроля местных органов самоуправления над системами водо, газо и электроснабжения, местным общественным транспортом. В дальнейшем предусматривался поэтапный переход в ведение муниципалитетов вопросов архитектуры, местного благоустройства, жилищного строительства, а также сферы

культуры и отдыха. В рамках планируемых лейбористами масштабных социальных преобразований местные органы самоуправления должны были в перспективе взять на себя ключевую роль в решении вопросов обеспечения населения продуктами питания, топливом и другими необходимыми жизненными благами [1, с. 283].

Третьим базовым приоритетом обозначилось радикальное реформирование финансовой системы страны, нацеленное, в первую очередь, на решение сложной проблемы растущего внешнего долга, с которой Великобритания столкнулась к моменту завершения Первой мировой войны. Лейбористской партией, в данной связи, предлагалось существенное изменение системы налогообложения, включавшее введение дифференцированного подоходного налога, дополнительных налогов на наследуемое имущество, а также перенос основной части налогов на состоятельные слои общества. Полученные за счет дополнительных налогов средства предполагалось использовать не только для решения проблемы внешних заимствований, но и для финансирования программ развития доступного образования и медицины, призванных выровнять уровень основных социальных благ для различных категорий британского населения [4, р. 103].

Значительной трансформации подверглась также организационная структура партии. Впервые на основании рекомендации профилейных структур был внедрен принцип коллективного членства, приведший к ее существенному расширению за счет присоединения профсоюзов. Программа широкой социальной модернизации, впервые подробно сформулированная в программных документах партии в 1918 г. рассматривалась как принципиальная альтернатива возможному сценарию радикализации внутриполитической обстановки.

В принятой по итогам обсуждения на конференции партийной программе был сформулирован перечень приоритетных задач деятельности партии. Важнейшей из них являлось «...сохранение и расширение политического присутствия партии в Парламенте и в масштабах всей страны, а также организация отделений партии во всех существующих на

данный момент избирательных округах во всех частях Соединенного Королевства». Одним из ключевых механизмов усиления политического влияния Лейбористской партии обозначалось «развитие сотрудничества с Парламентскими организациями и объединениями тред-юнионов для совместных политических действий, направленных на реализацию целей, обозначенных в Конституции партии, а также в других программных документах». Данная деятельность должна была способствовать «практической реализации базовых принципов, обозначенных в ходе партийной Конференции» [3, р. 110].

Анализируя социальную обстановку, которая складывалась к моменту начала конференции в Великобритании, представители Лейбористской партии уделяли особое внимание комплексу проблем, связанных с предстоящим процессом демобилизации большого количества военнослужащих. В резолюциях заседаний подчеркивалось принципиальное неприятие лейбористами сохранения после завершения военных действий всеобщей воинской обязанности, которая рассматривалась как исключительная мера, обусловленная чрезвычайными обстоятельствами военного времени. «Нашим категорическим требованием, - отмечалось в партийных документах, является немедленная отмена после завершения войны Акта о военной службе» [15, р. 136]. Лейбористы предлагали также в связи с завершением военных действий резко ограничить применение в британских вооруженных силах смертной казни, а также «...исключить возможность, при которой военнослужащим могут быть вынесены приговоры без обеспечения законной и адекватной защиты, а также присутствия представителей солдатского сообщества» [2, р. 443].

Наряду с этим, была обозначена коллективная позиция представителей партии относительно необходимости последовательного увеличения социальных выплат демобилизуемым военнослужащим, которые «... должны расти пропорционально росту заработных плат в гражданской сфере», а также «...соответствовать актуальным показателям уровня жизни» [15, р. 128]. В государственных структурах, занимавших регулированием социальных

выплат, предполагалось создать представительства комитетов демобилизованных.

Наряду с регулированием уровня выплат военнослужащим, был предложен комплекс мер, направленных на организацию эффективной системы профессиональной переподготовки демобилизуемых военнослужащих, призванной упростить процедуру их дальнейшего трудоустройства. Предполагалось также принятие финансируемых за счет средств государственного бюджета программ оказания медицинской помощи и реабилитации военнослужащих, получивших ранения и частично утративших работоспособность в период ведения военных действий [15, p. 120]. Отдельными положениями документов, принятых в ходе конференции, предполагалось «...полное восстановление гражданских и политических прав и свобод» демобилизуемых из рядов британских вооруженных сил.

В числе инициатив, выдвинутых по итогам дискуссий, оказался проект дополнений к закону о компенсациях рабочим. После прохождения согласования в партийных комитетах, предусмотренные изменения были вынесены лейбористами в виде отдельного билля на голосование в британский парламент. Они предусматривали, в числе прочего, увеличение на 25% объема специальных страховых фондов, через которые осуществлялись социальные выплаты различным категориям трудящихся. Важное место в повестке конференции отводилось механизмам развития рабочего самоуправления, в частности, созданию рабочих магистратов в крупных промышленных центрах.

Важной частью новых программных установок Лейбористской партии явилась необходимость реализации комплексной программы жилищного строительства, преимущественно в крупных промышленных центрах Великобритании. В документах конференции в частности содержалось требование к британскому правительству «... без дальнейшего промедления разработать и приступить к реализации в сотрудничестве с соответствующими муниципальными органами власти комплексный план жилищного строительства, ... призванной обеспечить равное право на собственное жилье..., а также гарантировать необходимый уровень

социальных благ всем слоям общества, включая промышленных рабочих» [8, p. 92]. Проблему перенаселенности в крупных индустриальных центрах предлагалось решать путем расширения старых и создания новых пригородных жилых районов. Приобретение земельных участков и осуществление жилищного строительства предполагалось осуществлять за счет отдельной, финансируемой государством программы.

В рамках комплекса предложений, касавшихся социальной сферы, представители Лейбористской партии вновь выступили с предложением ввести в ряде отраслей британской промышленности 6-часовой рабочий день. Кроме того, во взаимодействии с представителями тред-юнионов с учетом специфики отдельных регионов Англии и Шотландии предполагалось добиваться введения дополнительных выплат рабочим за сверхурочное время труда.

В системе партийных органов предусматривалось создание отдельного комитета, в компетенцию которого должна была войти координация и поддержка забастовочной активности в различных отраслях экономики и «защита законных трудовых интересов рабочих» [15, p. 146]. Кроме того, в его задачу входило изучение условий труда в различных сферах производства и выполнение посреднических функций, направленных на «выполнение предпринимателями своих социальных обязательств...» [9, p. 104].

Важным направлением своей социально-экономической стратегии лейбористы рассматривали обеспечение «...производителям материальных благ возможности свободно пользоваться результатами своего труда», а также создание механизмов «более справедливого распределения получаемых в результате экономической деятельности доходов... путем распространения общественной собственности на средства производства и введения различных форм общественного контроля в основных отраслях промышленности» [13, p. 1]. Долгосрочной стратегической целью Лейбористской партии, обозначенной в программе 1918 г., являлось «обеспечение политического, социального и экономического освобождения людей, в первую очередь, добывающих средства для своего

существования с помощью физического или интеллектуального труда» [15, р. 140].

Реализация программы социально-экономических преобразований требовала, с точки зрения представителей партии, развития всестороннего сотрудничества с представителями лейбористских и социалистических организаций, функционирующих на территории доминионов и других частей Британской империи. Путем координации усилий различных политических объединений и общественных групп предполагалось обеспечить более эффективную реализацию программных задач партии, а также «способствовать повышению уровня и качества жизни рабочих слоев населения в различных частях владений Великобритании» [14, р. 22].

Заключение

Принятие нового партийного устава Лейбористской партии, обусловленное комплексом сложных социально-экономических и политических проблем, с которыми Великобритания столкнулась на завершающем этапе войны, ознаменовало важный рубеж в истории британского социалистического движения. В уставе и других партийных документах, принятых в 1918 г., была сформулирована комплексная программа социалистического реформизма, предполагавшая

постепенную модернизацию основных государственных и общественных институтов. Идея эволюционного построения нового социалистического общества рассматривалась руководством Лейбористской партии и тесно взаимодействовавших с ним лидеров тред-юнионов как принципиальная альтернатива возможным революционным потрясениям. Она предполагала, в том числе, сохранение на протяжении достаточно длительной перспективы традиционных основ британской социально-политической системы.

Итоги партийных конференций 1918 г. стали важным этапом на пути окончательной интеграции Лейбористской партии в общественно-политическую структуру Великобритании. Популярность новых идеологических установок, взятых на вооружение руководством партии, а также существенный рост численности электората, способствовали заметным успехам, достигнутым лейбористами на парламентских выборах, состоявшихся в конце 1918 г. С этого момента окончательно формируется новый статус Лейбористской партии, определяющий её положение в рамках британской политической системы вплоть до сегодняшнего дня.

Список литературы

1. Перегудов С.П. Лейбористская партия в социально-политической системе Великобритании. М.: Наука, 1975. 412 с.
2. Abstract of British Historical Statistics. Ed. by B.R. Mitchell. Cambridge: Cambridge University Press, 1962. 513 p.
3. Adelman P. The Rise of the Labour Party: 1880–1945. L., N. Y.: Routledge, 1995. 144 p.
4. Before Beveridge: Welfare before the Welfare State. Choice in Welfare. L.: Institute of Economic Affairs, Health and Welfare Unit, 1999. 146 p.
5. British Political Facts, 1900-1994. L.: St. Martin's Press, 1994. 298 p.
6. Butler D., Butler G. British Political Facts. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2011. 541 p.
7. Cole G. D. H. The Next Ten Years in British Social and Economic Policy. L.: Macmillan, 1929. 506 p.
8. Cole G.D.H. A History of the Labour Party from 1914. L.: Routledge and Kegan Paul Ltd., 1948. 517 p.
9. Cook Ch., Stevenson J. The Longman Handbook of Modern British History. L.: Harlow, 2001. 506 p.
10. Extracts from Minutes of Proceeding and Papers Laid Before the Conference. Presented to Parliament by Command of His Majesty. 1918. L.: HM Stationary Office, October, 1918. 264 p.
11. Gupta P. S. Imperialism and the British Labour Movement, 1914-1964. L.: Holmes and Meier Publishers, 1975. 454 p.
12. Harris B. The Origins of the British Welfare State: Society, State and Social Welfare in

England and Wales, 1800–1945. Basingstoke, N. Y.: Palgrave Macmillan, 2004. 402 p.

13. Labour and the New Social Order: a Report on Reconstruction. Revised in Accordance with the Resolutions of the Labour Party Conference, June, 1918. L.: The Labour Party, 1918. 19 p.

14. MacDonald J. R. A Policy for the Labour Party. L.: Parsons, 1920. 218 p.

15. Report of the Seventeenth Annual Conference of the Labour Party. Nottingham and London, 1918. 168 p.

TRANSFORMATION OF THE STRATEGY OF THE LABOUR PARTY IN THE PROGRAM DOCUMENTS OF 1918.

The article attempts to analyze the events that marked an important milestone in the evolution of the Labour Party, which is one of the key elements of the modern political system of Great Britain. The First World War led to a significant change in the balance of British political forces associated with the crisis of the Liberal Party, as well as the organizational and ideological consolidation of the socialist movement. An important basis of this process was the activity of Fabian societies. Scientific interest in this topic is due to the need for further comprehensive research of the evolution of the ideology of social reformism and the specifics of its manifestation in the socio-political practice of individual European states. The analysis of the decisions taken by the governing structures of the Labour Party in 1918 also makes it possible to expand the currently existing ideas in Russian and British historiography about the discussions taking place within the British political elite regarding ways and means of overcoming the complex of socio-economic problems that Britain faced as a result of the First World War. In addition, a comprehensive study of the program documents of the Labour Party of this period contributes to a deeper scientific understanding of the processes that took place within the British political system in the interwar decades.

Keywords: Labour Party, social reformism, World War I, electoral reform.

References

1. Peregudov S.P. (1975). Lejboristskaya partiya v social'no-politicheskoj sisteme Velikobritanii. [The Labour Party in the socio-political system of Great Britain]. Moskva: Nauka. - 412 s.

2. Abstract of British Historical Statistics. (1962). [Abstract of British Historical Statistics] / Ed. by B.R. Mitchell. Cambridge: Cambridge University Press. - 513 p.

3. Adelman P. (1995). The Rise of the Labour Party: 1880–1945. [The Rise of the Labour Party: 1880–1945]. London, New York: Routledge. - 144 p.

4. Before Beveridge: Welfare before the Welfare State. Choice in Welfare. (1999). [Before Beveridge: Welfare before the Welfare State. Choice in Welfare]. L.: Institute of Economic Affairs, Health and Welfare Unit. - 146 p.

5. British Political Facts, 1900-1994. (1994). [British Political Facts, 1900-1994]. L.: St. Martin's Press. - 298 p.

6. Butler D., Butler G. (2011). British Political Facts. [British Political Facts]. Basingstoke: Palgrave Macmillan. - 541 p.

7. Cole G. D. H. (1929). The Next Ten Years in British Social and Economic Policy. [The Next Ten Years in British Social and Economic Policy]. L.: Macmillan. - 506 p.

8. Cole G.D.H. (1948). A History of the Labour Party from 1914. [A History of the Labour Party from 1914]. L.: Routledge and Kegan Paul Ltd. - 517 p.

9. Cook Ch., Stevenson J. (2001). The Longman Handbook of Modern British History. [The Longman Handbook of Modern British History] L.: Harlow. - 506 p.

10. Extracts from Minutes of Proceeding and Papers Laid Before the Conference. Presented to Parliament by Command of His Majesty. (October, 1918). [Extracts from Minutes of Proceeding and Papers Laid Before the Conference. Presented to Parliament by Command of His Majesty]. L.: HM Stationary Office. - 264 p.

11. Gupta P. S. (1975). Imperialism and the British Labour Movement, 1914-1964. [Imperialism and the British Labour Movement, 1914-1964]. L.: Holmes and Meier Publishers. - 454 p.

12. Harris B. (2004). The Origins of the British Welfare State: Society, State and Social Welfare in England and Wales, 1800–1945. [The Origins of the British Welfare State: Society, State and Social Welfare in England and Wales, 1800–1945]. Basingstoke; N. Y.: Palgrave Macmillan. - 402 p.

13. Labour and the New Social Order: a Report on Reconstruction. Revised in Accordance with the Resolutions of the Labour Party Conference, June, 1918. (1918). [Labour and the New Social

Order: a Report on Reconstruction. Revised in Accordance with the Resolutions of the Labour Party Conference, June, 1918]. L.: The Labour Party. - 19 p.

14. MacDonald J. R. (1920). A Policy for the Labour Party. [A Policy for the Labour Party]. L.: Parsons. - 218 p.

15. Report of the Seventeenth Annual Conference of the Labour Party. (1918). [Report of the Seventeenth Annual Conference of the Labour Party]. Nottingham and London. - 168 p.

Об авторе

Бортулев Владимир Егорович – аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: bortulev.vladimir@yandex.ru.

Bortulev Vladimir Egorovich – postgraduate student, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: bortulev.vladimir@yandex.ru.

Власов Н.А., кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

ОТТО ФОН БИСМАРК И ЕГО ВОСПРИЯТИЕ РОССИИ В ГОДЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ МИССИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ В 1850-Х ГГ.

В статье рассматривается проблема знания русского языка и его влияния на восприятие России германским государственным деятелем Отто фон Бисмарка. Будучи в 1859-1862 гг. прусским посланником в Петербурге, Бисмарк изучал русский язык. Степень его владения языком остается, однако, по сегодняшний день дискуссионным сюжетом, а вопрос о том, как знание языка влияло на образ России в мировоззрении «железного канцлера», и вовсе до сих пор не ставился в исследовательской литературе. В ходе исследования были использованы источники как российского, так и германского происхождения, включая воспоминания современников и высказывания самого Бисмарка. В результате исследования делается вывод о том, что знание Бисмарком русского языка ограничивалось сравнительно узкими рамками необходимого для бытового общения и чтения общественно-политической прессы. Представления о том, что это знание объяснялось симпатиями «железного канцлера» к России или порождало такие симпатии, не соответствует действительности. Возможность читать российскую прессу в оригинале и общаться с представителями русского простонародья оказали в целом незначительное влияние на представления Бисмарка о России, которые в общем и целом соответствовали образам и стереотипам, распространенным в Западной Европе середины XIX века.

Ключевые слова: Отто фон Бисмарк, русский язык, образ России, российско-германские отношения, политическая психология.

DOI:10.22281/2413-9912-2023-07-02-53-58

Введение

Практически в каждой отечественной работе, затрагивающей жизнь и деятельность Отто фон Бисмарка, можно найти рассказ о том, что «железный канцлер» владел русским языком. «Слова «ничего» и «авось» прочно закрепились в его лексиконе», - писал, к примеру, его первый отечественный биограф В.В. Чубинский [5, с. 96]. «Русским языком он продолжал пользоваться на протяжении всей своей политической карьеры, - сообщает о Бисмарке российский исследователь Н.В. Павлов. - Русские словечки то и дело проскальзывают в его письмах. Уже став главой прусского правительства, он даже резолюции на официальных документах иногда делал по-русски» [4, с. 257]. Нередко из этого делается явный или подразумеваемый вывод о том, что Бисмарк обладал особым пониманием, знанием и даже симпатией к России. Проблема, однако, заключается в том, что представления «железного канцлера» о России и русском народе при подробном рассмотрении оказываются не особенно отличающимися от стереотипных взглядов, существовавших в Западной Европе того времени [2]. Возникает вопрос о том, в какой степени Бисмарк в действительности мог

пользоваться русскоязычными источниками информации, чтобы составить себе представление о стране, в которой на протяжении трех лет занимал пост прусского посланника.

Проблеме «Бисмарк и русский язык» посвящена небольшая работа немецкого исследователя В. Лефельдта [13]. Автор привлек практически все доступные источники по данной теме, однако воздерживается от окончательных выводов, ограничиваясь изложением фактов. Лефельдт также не пытался проанализировать возможности, которые открывало перед Бисмарком знание русского языка с точки зрения формирования индивидуального образа России. Представленная работа ставит своей целью ответить именно на такие вопросы: в каком объеме «железный канцлер» владел русским языком, насколько активно использовал его и какую дополнительную информацию мог получать благодаря своим языковым навыкам?

Объекты и методы исследования

Основным методом исследования является критический анализ источников, характеризующих уровень владения Бисмарком русским языком и особенности его использования. По большому счету, мы можем говорить о двух основных источниках. Первым

являются воспоминания В. Алексеева, который преподавал Бисмарку русский язык в Петербурге в 1859-1862 гг. [1]. Вторым – тексты самого «железного канцлера», в которых он высказывается по данному вопросу.

При этом нужно подчеркнуть, что важную с точки зрения целей исследования информацию может дать не только наличие, но и отсутствие определенных сведений. Так, до нас не дошло ни одного хотя бы короткого послания, написанного Бисмарком на русском языке. В его корреспонденции и пометках на полях дипломатических донесений действительно встречаются слова на русском языке («осторожно», «не возможно» и особенно любимое им «ничего» [9, S. 590]), но не более. Обращает на себя внимание и практически полное отсутствие свидетельств использования Бисмарком русского языка в мемуарах и воспоминаниях современников.

Результаты и их обсуждение

Согласно воспоминаниям В. Алексеева, обучение Бисмарка происходило очень быстро: уже через четыре месяца он общался со своим учителем исключительно на русском. Автор воспоминаний объясняет это феноменальной памятью прусского посланника [1, с. 451]. Методика обучения была проста: устные беседы и чтение русских текстов (Тургенева и запрещенных цензурой журналов).

Каков же был результат обучения? Алексеев пишет, что к моменту отъезда из Петербурга его ученик «мог уже свободно переводить с русского языка газеты, хотя говорил не бегло, с остановками, как бы ища подходящего слова, но говорил довольно правильно» [1, с. 456]. Здесь надо отметить, что манера делать паузы, подыскивая оптимальное выражение, была характерна для «железного канцлера» в принципе, в том числе для его парламентских выступлений. Этот же автор пересказывает со слов Бисмарка историю о том, как посланник внимательно прислушивался к разговору Александра II с князем Горчаковым и тем привлек внимание императора, поразившегося тому, как хорошо прусский дипломат понимает язык спустя всего четыре месяца обучения [1, с. 453]. К этому сообщению мы, однако, вправе отнестись с определенным недоверием: как сам Бисмарк, так и его учитель могли по понятным соображениям несколько преувеличить

достигнутый успех. Отчасти оно подтверждается мемуарами личного друга и сотрудника «железного канцлера» Р. Койделла, в которых автор сообщает, что лично являлся свидетелем того, как Бисмарк общался с Александром II «частью на русском языке» [12, S. 90]. Однако само употребление слова «частью» указывает нам на то, что о свободном владении языком со стороны прусского посланника речи не было.

Более близкими к истине представляются оценки, которые «железный канцлер» сам давал своим знаниям некоторое время спустя – в особенности в разговорах с теми, кто действительно хорошо владел русским языком. В 1884 г. Бисмарк заявил такому собеседнику: «Мое знание русского наполовину миф; во время пребывания в Петербурге я выучил ровно столько, что мог объясняться с кучерами и слугами, ответить на приветствие, прочесть надписи и вывески» [7, S. 505]. Несколько лет спустя в другой беседе канцлер повторил ту же мысль: слухи о хорошем владении русским языком «не вполне соответствуют истине»: он мог объясниться с кучером, крестьянином или егерем, но поддерживать диалог с императором мог только с определенным трудом [8, S. 239]. В другой беседе он рассказал, что «знает русский настолько, насколько это необходимо на охоте, в стойле и на улице, но с салонной болтовней так толком и не справился» [7, S. 603].

Способность Бисмарка объясняться на бытовом уровне с простыми людьми подтверждается и многочисленными историями из петербургской жизни. Так, однажды, прогуливаясь вдоль Невы, он увидел баржу с дровами и тут же вступил с находившимися на ней крестьянами в переговоры о покупке груза [6, S. 410-411]. Для такого общения было достаточно сравнительно небольшого словарного запаса. Очевидно, собеседники Бисмарка сразу понимали, что перед ними иностранец, и со своей стороны стремились изъясняться более просто и понятно. Что касается «салонной болтовни», то есть общения между носителями языка, то в ней прусский посланник, по собственному признанию, адекватно участвовать не мог. Бисмарк не поясняет, что именно ему мешало: неспособность уследить за беглой устной речью или затруднения с формулировкой своих

мыслей. Из его собственных рассказов следовало, что он понимал фразы, которыми русские обменивались друг с другом. Так, однажды Горчаков, демонстративно написав в присутствии Бисмарка письмо и передав его слуге, тихо сказал последнему на русском, чтобы тот не спешил с доставкой; прусский посланник услышал и понял фразу [7, S. 45-46]. Однако было ли это правилом или исключением, мы не знаем.

Что касается чтения, то основными русскоязычными текстами, с которыми имел дело Бисмарк, являлись газетные статьи. Они были необходимы ему для получения информации, и еще в 1888 г., принимая делегацию российских немцев из Москвы, канцлер показал на лежащий на рабочем столе экземпляр «Нового времени» [7, S. 603]. В одной беседе Бисмарк высоко оценил творчество Тургенева, назвав его «самым одухотворенным из ныне живущих писателей» [7, S. 457]. Однако речь в данном случае может идти о романе «Дворянское гнездо», который посланник читал в рамках учебных занятий, или немецких переводах других произведений писателя. Нет никаких свидетельств того, что Бисмарк читал какую бы то ни было художественную литературу на русском языке за пределами своих уроков с Алексеевым.

После отъезда из Петербурга в 1862 г. и возможность, и необходимость повседневно практиковаться в русском языке исчезла. Как это часто бывает в подобных ситуациях, навык начал утрачиваться. «Из того немногого, что я знал, я уже большую часть снова забыл», - честно признавался Бисмарк в 1884 г. [7, S. 506]. Когда в 1890 г. вскоре после отставки к нему прибыл для интервью корреспондент «Нового времени», экс-канцлер смог сказать лишь несколько простых фраз на русском языке: «Князь раза три заговаривал (отдельными фразами) со мной по-русски, сожалея, впрочем, что почти забывает этот язык, как и английский, но что он еще может читать, вчитываясь в смысл со второй страницы, но что он, впрочем, никогда и не знал русского салонного языка, только отчасти знаком с литературно-журнальным» [3].

Таким образом, можно констатировать, что знание Бисмарком русского языка ограничивалось тем минимумом, который был необходим для повседневного бытового

общения с прислугой, а также способностью читать и понимать материалы общественно-политической прессы. Если учесть, что русским языком он занимался с момента своего первого приезда в Петербург в начале 1859 г. и до отбытия в Париж весной 1862 г. (пусть и с большими перерывами), эти успехи нельзя назвать феноменальными. Говорить о том, что Бисмарк «интересовался культурой России», как это делает В.В. Чубинский [5, с. 96], можно только с существенными оговорками. Так, в 1884 г. собеседник канцлера с удивлением обнаружил, что тот никогда не читал «Горя от ума» и даже не подозревал о существовании немецкого перевода этого произведения Грибоедова [7, S. 506].

При этом стоит упомянуть о том, что Бисмарку нравился русский язык как таковой. «Бисмарк считает русский язык намного изящнее и лучше, чем самих русских» - вспоминал один из его постоянных собеседников доктор Кохен [7, S. 378]. А во время разговора с главой итальянского правительства Криспи в 1888 г. канцлер «удивлялся, что у такого народа, как русский, который во многих вещах еще отстаёт, есть столь прекрасный и богатый язык» [7, S. 626].

Из всего этого можно сделать вывод и касательно той информации, которую Бисмарк мог почерпнуть из русскоязычных источников. Вероятно, общение с представителями «простого народа» способствовало формированию у будущего канцлера соответствующего образа русских крестьян и городских низов. При этом мы можем наблюдать любопытную закономерность: наиболее позитивно Бисмарк отзывался о сельском населении, с которым контактировал лишь эпизодически. Именно крестьяне были, по его мнению, носителями положительных качеств: набожность, верность монарху, готовность довольствоваться малым [8, S. 239]. Очевидно, здесь сыграло роль общее представление Бисмарка о крестьянине как здоровом элементе любого общества, оплоте традиционного порядка.

Гораздо менее комплементарными являются высказывания «железного канцлера» о городских жителях, с которыми он в основном и взаимодействовал в период своего пребывания в Петербурге. Г. фон Вильмовски в своих воспоминаниях писал, что Бисмарк

«был не в восторге от русских, особенно среднестатистического обычного человека; без жесткости и грубости не добиться ничего, и только грубости русские уступают» [15, S. 31]. Обычный русский слуга или кучер, по мнению прусского посланника, отличается наглостью, ленью, склонностью к воровству, пьянству и обману [9, S. 557]. Примечательна история, которую Бисмарк рассказывал различным собеседникам на протяжении многих лет: «Обращению с людьми мне пришлось сперва поучиться. Когда мне впервые повстречались русские сани, груженные сеном и дровами, мой кучер начал зверски ругаться, и сани свернули в сторону. Я привык уступать дорогу груженому транспорту и дал своему кучеру указание впредь в подобных случаях сворачивать самому. В следующий раз мой кучер, действительно, уступил дорогу; и тогда сидевшие на встречных санях обругали его, потому что он недостаточно подвинулся! Кучер мефистофельски ухмыльнулся, и я никогда больше не требовал от него сворачивать» [15, S. 31].

Что касается русских газет, то Бисмарк по крайней мере эпизодически читал их на протяжении длительного времени. Еще в 1893 г. он сообщал американскому собеседнику, что время от времени знакомится с российской прессой [8, S. 353]. Очевидно, что речь при этом шла о довольно узком круге общественно-политических изданий, которые Бисмарк использовал с чисто прикладной целью – получить необходимую информацию о происходящем в России и о состоянии общественного мнения.

В целом он был невысокого мнения о российских газетах, считая, что они частью подконтрольны государству, частью продажны и занимаются тем, что науськивают российское общество на немцев: «трудятся над тем, чтобы отождествить сначала балтийских немцев, а затем и немцев в принципе, на чью работоспособность они взирают со славянским недовольством, с ненавистной системой императора Николая и со всем тем, что настоящий русский патриот должен ненавидеть и к чему питать отвращение» [10, S. 402]. «Совпадающие потребности в польском вопросе и воздействие старой династической солидарности создавали противовес подрывным

устремлениям и основу для общей политики обоих кабинетов. Однако они были ослаблены десятилетним искажением общественного мнения со стороны русской прессы, создавшей и питавшей среди читающей части населения искусственную ненависть ко всему немецкому, с которой династия вынуждена считаться, даже если император хочет дружить с Германией» - писал «железный канцлер» в своих воспоминаниях [11, S. 485].

Если же проанализировать эволюцию взглядов Бисмарка на Россию в 1860-80-е гг., то нетрудно заметить, что российская пресса являлась для Бисмарка скорее источником подтверждений уже сложившимся у него воззрениям. Хотя отрицать ее влияние на эти взгляды полностью нельзя: германский посол в Петербурге Г.Л. фон Швейниц в мемуарах писал, что стремился в своих донесениях в Берлин смягчить то впечатление, которое могли произвести на канцлера статьи российских газет [14, S. 386].

Заключение

Подводя итоги исследования, можно сделать вывод о том, что знание Бисмарком русского языка не было особенно глубоким и ограничивалось тем, что было необходимо прусскому посланнику в Петербурге в чисто утилитарных целях. В основном речь шла о бытовом общении и чтении общественно-политической прессы. Нет никаких данных, которые свидетельствовали бы о желании Бисмарка развивать свои языковые компетенции дальше этого предела, к примеру, использовать их для знакомства с современной российской литературой. Русский язык не играл в жизни «железного канцлера» такой роли, как английский и французский, которыми он владел совершенно свободно и постоянно использовал для самых разных задач, и даже как латынь.

Соответственно, и влияние этих знаний на образ России в мировоззрении Бисмарка следует признать достаточно ограниченным. Они позволили ему несколько уточнить и обогатить этот образ, но не изменить его. Умение читать и изъясняться на русском языке в определенных пределах не изменило отношения Бисмарка к тем, для кого этот язык являлся родным.

Список литературы

1. Алексеев В. Воспоминания бывшего учителя русского языка князя Бисмарка // Исторический вестник. 1894. Том LVIII. С. 448-458.
2. Власов Н.А. Россия глазами Бисмарка. СПб.: Евразия, 2021. 286 с.
3. Изъ Берлина. В замке у князя Бисмарка. Часть II // Новое время. №5091. 3(15) мая 1890.
4. Павлов Н.В. Россия и Германия. Несостоявшийся альянс (история с продолжением). М.: Аспект-Пресс, 2017. 558 с.
5. Чубинский В.В. Бисмарк. Политическая биография. М.: Мысль, 1988. 415 с.
6. Bismarck O.v. Die gesammelten Werke. Bd. 7. Berlin: Verlag für Politik und Wirtschaft, 1924. 528 S.
7. Bismarck O.v. Die gesammelten Werke. Bd. 8. Berlin: Verlag für Politik und Wirtschaft, 1926. 724 S.
8. Bismarck O.v. Die gesammelten Werke. Bd. 9. Berlin: Verlag für Politik und Wirtschaft, 1926. 499 S.
9. Bismarck O.v. Die gesammelten Werke. Bd. 14. Berlin: Verlag für Politik und Wirtschaft, 1933. 1082 S.
10. Bismarck O.v. Gesammelte Werke. Abteilung III. Bd. 4. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2008. 827 S.
11. Bismarck O.v. Werke in Auswahl. Bd. 8. Teil A. Erinnerung und Gedanke. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2001. 745 S.
12. Keudell R.v. Fürst und Fürstin Bismarck. Erinnerungen aus den Jahren 1846 bis 1872. Berlin-Stuttgart: Verlag von W. Spemann, 1901. 497 S.
13. Lehfeldt W. Bismarck und die russische Sprache. Göttingen, 2002. 29 S.
14. Schweinitz H.L.v. Denkwürdigkeiten des Botschafters General v. Schweinitz. Bd. 1. Berlin: Verlag von Reimar Hobbing, 1927. 444 S.
15. Wilmowski G.v. Meine Erinnerungen an Bismarck. Breslau: Verlag von Eduard Trewendt, 1900. 203 S.

OTTO VON BISMARCK AND HIS PERCEPTION OF RUSSIA DURING THE DIPLOMATIC MISSION IN ST. PETERSBURG IN THE 1850S.

The article deals with the problem of knowledge of the Russian language and its influence on the perception of Russia by the German statesman Otto von Bismarck. Acting in 1859-1862 as Prussian envoy in Petersburg, Bismarck studied Russian. The degree of his language proficiency remains, however, to this day a debatable topic, and the question of how knowledge of the language influenced the image of Russia in the worldview of the "Iron Chancellor" has not yet been raised in the research literature at all. The author used Russian and German sources, including the memoirs of contemporaries and the statements of Bismarck himself. The conclusion is that Bismarck's knowledge of the Russian language was limited to a relatively narrow framework necessary for everyday communication and reading the socio-political press. The idea that this knowledge was explained by the sympathies of the "Iron Chancellor" for Russia or gave rise to such sympathies is not true. The ability to read the Russian press and communicate with representatives of the Russian common people had little general effect on Bismarck's ideas about Russia. His image of Russia by and large corresponded to the images and stereotypes common in Western Europe in the middle of the 19th century.

Keywords: Otto von Bismarck, Russian language, image of Russia, Russian-German relations, political psychology.

References

1. Alekseev V. (1984). Vospominaniya byvshogo uchitelya russkogo yazyka knyazy Bismarcka [Memoirs of the former teacher of Prince Bismarck]. *Istoricheskij vestnik [Historical Herald]*, LVIII, 448-458.
2. Vlasov N.A. (2021). Rossiya glazami Bismarcka [Russia in Bismarck's worldview]. Saint-Petersburg: Evraziya.
3. Iz Berlina. V zamke u knyazy Bismarcka [From Berlin. In Prince Bismarck's castle]. Part II. (1890) *Novoe vremya [New Times]*. No. 5091. May 3(15).
4. Pavlov N.V. (2017) Rossiya i Germaniya. Nesostoyavshijsiya al'yans (istoriya s prodolzheniem) [Russia and Germany. Frustrated alliance (to be continued)]. Moscow: Aspekt-Press.
5. Chubinskij V.V. (1988) Bismarck. Politicheskaya biografiya [Bismarck. Political biography].

Moscow: Mysl'.

6. Bismarck O.v. (1924) Die gesammelten Werke. Bd. 7. Berlin: Verlag für Politik und Wirtschaft.
7. Bismarck O.v. (1926) Die gesammelten Werke. Bd. 8. Berlin: Verlag für Politik und Wirtschaft.
8. Bismarck O.v. (1926) Die gesammelten Werke. Bd. 9. Berlin: Verlag für Politik und Wirtschaft.
9. Bismarck O.v. (1933) Die gesammelten Werke. Bd. 14. Berlin: Verlag für Politik und Wirtschaft.
10. Bismarck O.v. (2008) Gesammelte Werke. Abteilung III. Bd. 4. Paderborn: Ferdinand Schöningh.
11. Bismarck O.v. (2001) Werke in Auswahl. Bd. 8. Teil A. Erinnerung und Gedanke. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
12. Keudell R.v. (1901) Fürst und Fürstin Bismarck. Erinnerungen aus den Jahren 1846 bis 1872. Berlin-Stuttgart: Verlag von W. Spemann.
13. Lehfeldt W. (2002) Bismarck und die russische Sprache. Göttingen.
14. Schweinitz H.L.v. (1927) Denkwürdigkeiten des Botschafters General v. Schweinitz. Bd. 1. Berlin: Verlag von Reimar Hobbing.
15. Wilmowski G.v. (1900) Meine Erinnerungen an Bismarck. Breslau: Verlag von Eduard Trewendt.

Об авторе

Власов Николай Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия), E-mail: n.vlasov@spbu.ru

Vlasov Nikolay Anatol'evich – Candidate of History, Associate Professor, Saint-Petersburg State University, E-mail: n.vlasov@spbu.ru

УДК 94(470)"1921"(470.333)

Журавская А.В., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ЧИСТКА РКП (Б) 1921 ГОДА (НА МАТЕРИАЛАХ БРЯНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Статья посвящена исследованию чрезвычайной меры кадровой политики – генеральной чистке рядов РКП (б) в 1921 г. На материалах Брянской губернии показана деятельность комиссии по проверке и очистке личного состава партии. Приводятся причины исключения из партии и данные о социальном составе исключенных, отведенных и выбывших. Обращается внимание на их трудовую деятельность, поведение в обществе и отношение к советской власти. Документы показывают, что многие исключенные из партии не стремились вернуться в партийные ряды. Проявляли желание восстановить утраченный статус, в основном, те, кто занимал ответственные должности (служащие). Вместе с этим отмечалось, что зачастую члены партии некоторое время оставались в неведении относительно своего партийного статуса, что вызывало пассивное и безответственное отношение к работе. Тем не менее, в процессе чистки был осуществлен учет членов губернской организации и найдены оказывающие «разлагающее» влияние члены партии. Введенные в научный оборот архивные материалы и периодическая печать позволяют рассмотреть особенности и результаты проведения чистки партийных рядов в Брянской губернии.

Ключевые слова: советская власть, РКП (б), партийная чистка, кадровая политика, Брянская губерния.

DOI:10.22281/2413-9912-2023-07-02-59-66

Введение

Специфика системы власти в Советской России, главным образом, заключалась в строгом социально-классовом принципе её устройства. Под контролем правящей партии должны были находиться все сферы управления страной. Руководители партии доверяли только рабочему классу, представители которого, по их мнению, обладали необходимыми для коммуниста качествами. В связи с этим много внимания уделялось контролю над членами РКП (б), число которых стремительно увеличивалось [11, с. 78].

В октябре 1917 г. в партии большевиков состояло 23600 членов, а в марте 1921 г. число членов и кандидатов партии выросло до 730000 [13, с.220]. За время гражданской войны РКП (б) стала ядром политической системы в стране и главным социальным лифтом. Вступление в партию давало возможность стремительного продвижения по карьерной лестнице, исключение из партии могло лишить всех профессиональных перспектив. В связи с этим исследование особенностей формирования партийного состава является важным для понимания процесса становления и развития советского общества [15, с.119].

В период обострения социально-политической обстановки в стране возникла опасность утраты большевиками власти,

появилась необходимость в обращении к чрезвычайной мере кадровой политики – чистке рядов РКП (б). Решение о первой чистке 1921 г. было принято на X съезде РКП (б), где ЦК поручалось избавить партию от непролетарских и ненадежных элементов [16, с. 336]. В это время стране, столкнувшейся с кризисом, требовались образованные и надежные специалисты, способные воплотить в жизнь политику советской власти.

В письме ЦК РКП (б) от 27 июля 1921 г. всем партийным организациям о проведении чистки партии требовалось особое внимание обратить на исключение из партии социально чуждых слоев. Отмечалось, что интеллигенция и «полуинтеллигенция» оказавшиеся на службе у советской власти, вносили «большое разложение» в партийные организации. Вместе с этим в ходе чистки РКП (б) тщательной проверке подлежали бывшие представители других партий, особенно меньшевики. Кроме того, планировалось «отсеять все кулацко-собственнические и мещанские элементы крестьян и уездных обывателей» [14, с.439-441].

Отдельные аспекты чистки 1921 г. нашли отражение в отечественной историографии. Исследователи рассматривали проблемы проведения кадровой политики советской власти, изучали процесс формирования новой правящей элиты и улучшения

партийной дисциплины [5,11,12]. Ученые выяснили, что нередко исключали из партии интеллигенцию и других инициативных членов партии. В масштабах страны анализировали итоги чистки, отмечали её особую роль в насаждении идеологии партии. [6,15]. В значительно меньшей степени изучены процессы осуществления чистки партии на местах. Брянские краеведы специально не рассматривали партийные чистки. В связи с этим данное исследование представляется определенным вкладом не только в копилку исторического краеведения, но и в российскую политическую историю в целом.

В рамках данной статьи освещается специфика проведения чистки РКП (б) в 1921 г. в российской провинции, а именно в Брянской губернии, а также демонстрируются проблемы, с которыми столкнулись партийные активисты, реализуя политику центрального руководства.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования является кадровая политика большевистского руководства в период перехода от военного коммунизма к НЭПу.

Исследование основывается на делопроизводственной документации, которая показывает работу региональных органов власти. Вместе с тем проанализированы протоколы собраний общественных организаций и учреждений. Рассмотрены отчеты, сводки и другие материалы по проверке и чистке рядов РКП (б).

В статье применяется историко-типологический метод, позволивший рассмотреть специфику первой партийной чистки в Брянской губернии и выявить особенности её проведения. Историко-сравнительный метод помог проанализировать итоги партийной чистки в 1921 г.

Результаты и их обсуждение

Согласно списку, опубликованному Брянским губернским комитетом ВКП (б) из партии за 1920-1921 гг. было исключено 443 члена и кандидата [2, л. 49]. Однако комиссия по проверке и очистке личного состава партии действовала только с 15 августа 1921 г. В статье «По вопросу о чистке партии» опубликованной в газете «Известия» от 21 августа 1921 г. губернский комитет сообщал, что, председателем комиссии был назначен

Лаврентьев – «рабочий петроградских заводов», состоящий в партии с 1915 г. В состав комиссии входили: Погодичев (член партии с 1904 г., рабочий Людиновского завода); Крапивницкий (член партии с 1918 г., рабочий «Брянского арсенала»). Найти подлежащих исключению губернский комитет призывал «не путем просмотра анкет и материалов, имеющихся в парторганизациях, а путём проверки их деятельности в самой жизни». Вместе с тем требовалось, не обращая внимания на личную неприязнь или дружбу, докладывать всю известную отрицательную информацию обо всех знакомых членах партии комиссии по чистке РКП (б). Комиссии, в свою очередь, должны были принимать письменные и устные заявления [7].

В другой статье газеты «Известия» от 27 августа 1921 г. особое внимание уделялось беспартийным массам, с помощью которых партия должна была пересмотреть свой состав. Отмечалось, что беспартийные способны «совсем пройти мимо работы, партии, но остановиться и долго неодобрительно раздумывать над поступками отдельных её членов». Поэтому им предлагалось «честно и открыто бороться за чистую правду». Другим мотивом для них была – помощь в борьбе партии «от нечистоплотной человеческой мути» для того, чтобы жизнь как можно раньше изменилась к лучшему [8].

Отношение беспартийных граждан к чистке партийных рядов подчеркивалась на открытом собрании ячейки РКП (б) завода «Брянский арсенал», где один из участников призывал рабочих проявить содействие проверочной комиссии. На это ему ответили: «Чего нам соваться, пусть коммунисты сами почистят себя, а мы посмотрим» – сообщалось в одной из публикаций газеты «Известия» от 30 августа 1921 г. В связи с этим особое внимание обращалось на случаи, когда из-за халатности или преступности коммуниста одежда и обувь, предназначенная для семей рабочих, попадала на рынок. И подчеркивалось, что на место взяточников, лишенных партийного билета, должны прийти преданные делу люди. Поэтому беспартийных рабочих призывали «вспомнить о тех злоупотреблениях, которые замечались за коммунистами и сообщить о них в проверочную комиссию» [9].

Согласно сводке Брянской губернской организации от 1-ого декабря 1921 г. (по материалам губпркомиссии) состав организации до чистки партии: члены партии (3792), кандидаты (1298). Исключено губпркомиссией: члены партии (1179), кандидаты (459). Состав организации после чистки партии: членов партии (2613), кандидатов (839) [3, л. 38].

В целом состояние губернской организации до чистки было неудовлетворительное. Не проводилось укрепление партдисциплины, приобщение беспартийных граждан. Не было правильного учета членов губернской организации и ячеек, отмечалось в статье «Чистка в нашей губернии», опубликованной в журнале «Коммунист» в январе 1922 г. [10, с.18].

Там же сопоставлялись «цифры в отношении количества ячеек и членов и кандидатов, имевшихся в организационном отделе к моменту начала чистки, с цифрами, полученными после учета и обследования проверочными комиссиями» [10, с.19]. Количество ячеек по сведениям организационного отдела составляло 220, а по сведениям комиссий – 228. Количество членов и кандидатов по сведениям орг. отдела – 4844. По сведениям комиссий – 5211. Однако, согласно данным, приведенным в статье, точно были известны списки членов и количество ячеек только в Жиздринской, Трубчевской, Володарской и Фокинской организации. «Но если в последних было известно количество ячеек, то неизвестно количество членов по ячейкам, за исключением Трубчевской уездной организации, где разница между сведениями орготдела и проверочной комиссии в одном члене» [10, с.19].

В отчете об очистке личного состава Брянской губернской организации в 1921 – 1922 гг. общее число членов и кандидатов, исключенных из партии, составляло 1260 человек [3, л.18]. В качестве причин исключения из партии приводились: взяточничество (искл. 84 человек); вымогательство и шантаж (искл. 8 человек); злоупотребление властью (искл. 50 человек); уклонение от военной повинности (искл. 35 человек); уклонение от трудовой повинности (искл. 14 человек); карьеризм, «шкурничество» (искл. 242 человек); пьянство, бесчинство (искл. 37 человек); буржуазный образ жизни (искл. 14 человек); исполнение религиозных обрядов

(искл. 86 человек); национализм, шовинизм (искл. 5 человек). За нарушение партийной дисциплины было исключено 623 человек (47,1%) [3, л.38].

Согласно данным правительственного отчета Брянской губпркомиссии социальный состав исключенных, выбывших и отведенных членов и кандидатов партии в 1921 – 1922 гг. выглядел таким образом: рабочие (333); крестьяне (524); служащие (341); прочие (349) [3, л.5]. Всего – 1547 человек.

В статье, опубликованной в журнале «Коммунист» за январь 1922 г., подтверждается и дополняется приведенная выше статистика. Показан процент восстановленных в партии за время чистки в регионе: «Из числа 1260 – количества членов и кандидатов исключенных, отведенных и выбывших восстановлено в правах по реабилитации – 76 человек. К числу 1260 следует прибавить еще 420 членов и кандидатов, исключенных кроме губернской проверочной комиссии. Соответственно этому увеличивается и число восстановленных по реабилитации, которое равнялось к 1-му декабря – 133 человек. Так что число исключенных будет равняться 1547, что в отношении к количеству до чистки равняется – 29,69%» [10, с.19].

Из этого видно, что социальный состав исключенных из партии в Брянской губернии был крайне неоднородный. Различались и причины исключения из партии. Например, комиссар III-ого района железнодорожной милиции Александр Фролов был исключен из партии за религиозные предрассудки. Помимо этого мужчина обвинялся в карьеризме и уклонении от мобилизации на фронт. Халатное отношение к партобязанностям стало причиной исключения из партии Александра Перкова, отмечалось в протоколе заседания Брянской губернской комиссии по пересмотру, проверке и очистке РКП (б) от 1-ого октября 1921 г. [1, л.12].

Информационный отчет за ноябрь 1922 г. сообщал о трудовой деятельности исключенных из рядов РКП (б) Фокинской организации. В октябре 1921 г. комиссией по проверке и чистке партии из 274 человек было направлено к станку 6 человек, переведено в кандидаты и исключено из партии 88 человек [4, л.13]. Исключенные из РКП (б) разделились по характеру своей работы таким образом: исполнявших

техническую работу – 56 человек; трудящихся у станков – 12 человек [4, л.13].

Помимо этого известно, что выбывшие из РКП (б) представляли собой две группы. К первой группе относились те, кому разрешалось остаться на административной, советской, хозяйственной работе. Ко второй группе относились те, кто подлежал увольнению. Тем не менее, «в целом исключенные из партии как для политической, так и экономической жизни района ничего не представляют», – сообщалось в информационном отчете об исключенных из Фокинской организации от 1921 г. [4, л.12].

В октябре 1921 г. комиссией по проверке и чистке партии все исключенные были отстранены от ответственных должностей. Они занимались технической работой транспорта (4 человека); работали «в мастерских мехарт. завода (1 человек)»; домашним хозяйством (1 человек) [4, л.13]. Снова в ряды партии райком принял только одного из рабочих, причислив его к 3-категории и назначив поручителей с 5-ти летнем стажем. Остальные не изъявляли желания повторно вступить в партию. Однако они добросовестно выполняли свою работу и проявляли содействие в деятельности парторганизаций. Случаи возвращения в ряды других партий тоже отсутствовали, сообщалось в информационном отчете об исключенных из рядов РКП (б) Фокинской организации [4, л.13].

В отчете заведующего информационным отделом Трубчевского укома за сентябрь 1922 г. приведены результаты наблюдения за исключенными членами и кандидатами РКП (б). Отмечалось, что некоторые из них занимались ведением своего хозяйства, другие стремились восстановить прежний партийный статус. Например, исключенный из рядов РКП (б) гражданин Никольский несколько раз пытался вернуть утраченный статус, но интересовался «лишь солидным и притом обеспечивающим некоторую служебную самостоятельность местом» [4, л.9]. Выбывший из партии из-за вступления в церковный брак, И. С. Чернов «стыдится, но не прочь восстановить своё прежнее партийное положение как обеспечивающее доверие». З. Л. Щербакова была исключена из партии, «как балласт». Ячейка военно-административных органов указывала, что «барыня

искала уважения в политическом мире, но обожгла руки... Обижена, в партию вступать не хочет» [4, л.9].

В целом, согласно сводке Брянского губернского комитета РКП (б) от 22 октября 1922 г. небольшое число исключенных из партии осталось на ответственных должностях. В основном это были «низшие служащие». Отмечалось, что они вели себя скромно и редко были замечены в антисоветской агитации. Однако находись и «вредные элементы», как правило, в профсоюзах и других выборных органах. Они отстранялись от занимаемой должности [4, л.10].

Но чаще всего «разлагающее» влияние оказывала «другая категория исключенных – занимающиеся домашним хозяйством или работающие у станка». Выяснилось, что активное участие в подготовке забастовки на Радицком заводе принимали исключенные из партии, эсеры и меньшевики. Вместе с тем отмечалось негативное влияние исключенных из партии и на других заводах губернии. Парткомы на общих собраниях разоблачали их «вредную деятельность» и «шкурные интересы». Отмечалось, что органы ГПУ обращали внимание на исключенных из партии, только когда их деятельность приобретала явно контрреволюционный характер, как на Радицком заводе, указывалось в сводке Брянского губернского комитета РКП (б) от 22 октября 1922 г. [4, л.10].

Вместе с тем в данном документе сообщалось о том, что исключенные из партии редко стремились вернуться в партийные ряды. Проявляли желание восстановить утраченный статус в основном те, кто занимал ответственные должности (служащие). Крестьяне и рабочие подобного стремления не выказывали. Известно, что в числе исключенных из партии был заведующий губернским коммуналделом, а также другие лица, занимающие ответственные посты. Они были временно оставлены на своих должностях, т.к. их было некому заменить. Некоторые служащие и рабочие, исключенные из партии, переходили на службу к предпринимателям и мелким торговцам [4, л.10].

В отчете по Трубчевской организации за октябрь 1922 г. сообщалось о поведении исключенных из РКП (б). Это были, в основном, крестьяне, которые не стремились

вернуться в партийные ряды, а их поведение не угрожало советской власти и «вложено в узкие рамки обывательщины» [4, л.15].

Подобное мнение об исключенных из партии выражалось и в информационном отчете РКП (б) за декабрь 1922 г. Однако в данном документе отмечалось, что в Фокинском районе исключенные из партии в 1921 г. активно посещали открытые партсобрания в ячейках и районные [4, л.17].

Помимо этого, в отчете обращалось внимание на то, что в районе «исключенных и выбывших из РКП (б), занимающих ответственные посты нет». Отмечался «переход исключенных из партии на частно-хозяйственную работу, крестьян – индивидуальную, сельско-хозяйственную, мещан – торговую, ремесленников и предпринимателей к самостоятельной работе по своей специальности». Согласно отчету, выбывшие из партии вели обывательский образ жизни, не оказывали «разлагающего» влияния на окружающих, восстановить утраченный статус чаще всего стремились служащие [4, л.17].

Заключение

«Согласно материалам переписи, к началу чистки в 95 губернских, областных и республиканских партийных организациях состояло 684,3 тыс. человек, 576,7 тыс. из которых были действительными членами и 107,6 тыс. – кандидатами в члены партии. После окончания чистки в РКП(б) осталось 514,6 тыс. человек, 401,8 тыс. из которых являлись членами и 112,8 тыс. – кандидатами, т. е. в совокупности выбыло 166,7 тыс. человек, или 24,5 % от численности прежнего состава. Если же брать убыль только действительных членов партии, то она была еще выше – 30,3 %» [15, с.141, 146].

В статье «Чистка в нашей губернии», опубликованной в журнале «Коммунист» в январе 1922 г., отмечалось, что по Брянской губернии проверочной комиссией было исключено: По городу Брянску – 300 членов и кандидатов (27,13%); по Фокинскому району – 77 членов и кандидатов (33,56%); по Володарскому району – 97 членов и кандидатов (20,80%); по Бежицкому уезду – 533 членов и кандидатов (38,96%); по Карачевскому уезду – 320 (34,82%) членов и кандидатов; по Севскому уезду – 122 (26,92%) членов и кандидатов; по Трубчевскому уезду – 105 (27,13%)

членов и кандидатов; по Жиздринскому уезду – 125 (20,80%) членов и кандидатов. Всего – 1680 (32,24%) членов и кандидатов [10, с.19].

В целом результаты генеральной чистки РКП(б) 1921 г. все проверочные комиссии и ЦК РКП (б) оценили положительно. В письме ЦК РКП (б) от 27 июля 1921 г. всем партийным организациям о проведении чистки партии отмечалось, что «чистка улучшила социальный состав партии, укрепила дисциплину в ее рядах, повысила авторитет среди беспартийных трудящихся масс, способствовала росту идейной и организационной сплоченности партии, усилению ее руководящей роли в социалистическом строительстве» [14, с. 438].

По итогам проведенной чистки рядов партии проверочные комиссии сформулировали новые задачи по укреплению рядов РКП (б). На XI съезде РКП (б) от 27 марта – 2 апреля 1922 г. прозвучали «практические предложения по организационным вопросам партстроительства как дополнения к резолюции об укреплении партии в связи с её чисткой». Обращалось внимание на то, что «чистка обнаружила чрезвычайно низкий, в среднем, уровень политической подготовки членов партии. Отсюда вытекает задача систематического поднятия уровня политически-марксистского образования массы членов партии» [17, с.526].

Исключение из партии интеллигенции и служащих привело к снижению уровня образования партийной элиты. Освобожденные вакансии квалифицированных специалистов занимали рядовые большевики [15, с.146].

Кроме того, на VI губернской партийной конференции, проходившей 7-14 декабря 1921 г. указывалось, что нередко коммунисты Брянской губернии не сразу узнавали о том остаются ли они в рядах партии. Данное обстоятельство вызывало пассивность, вялость и безответственность трудящихся [10, с.4].

Архивные документы показали, что большинство выбывших из правящей партии составляли крестьяне и рабочие. Зачастую они состояли в рядах партии формально, поэтому без сожаления утратили свой статус.

Восстановиться в рядах партии, чаще всего, стремились служащие. Они, будучи квалифицированными специалистами, вместе с билетом члена партии нередко

лишались возможности карьерного роста.

Тем не менее, в процессе чистки 1921 г. в Брянской губернии появились новые организации, было найдено много «мертвых душ», осуществлен учет членов губернской организации и проведена проверка всех

организационных единений [10, с.18]. Вместе с тем чистка помогла обнаружить оказывающих «разлагающее» влияние коммунистов и способствовала формированию более однородного, предсказуемого состава партии.

Список литературы

1. ГАБО. (Государственный архив Брянской области). Ф.19. О.1. Д.22. Протоколы Брянской губернской комиссии по проверке и чистке членов и кандидатов РКП (б) Фокинской районной парторганизации. Л.12.
2. ГАБО. Ф.1.О.1.Д.175. Список членов и кандидатов РКП (б) исключенных из партии при проведении перерегистрации и чистке. Л. 49.
3. ГАБО. Ф.1.О.1.Д.344. Протоколы заседаний губернской комиссии, отчеты, сводки и другие материалы по проверке и чистке рядов РКП (б). Списки ответработников исключенных и выбывших из партии. Л. 5, 18,38.
4. ГАБО. Ф.1.О.1.Д.662. Информационные отчеты Трубчевского, Жиздринского укомов и Фокинской организации РКП (б) об исключенных и выбывших из партийных организаций во время проверки и чистки партии. Л. 9,10,12,13,15,17.
5. Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы. 1917–1920 гг. – М., 1998. 257 с.
6. Дмитренко С.Л. Борьба КПСС за единство своих рядов. Октябрь 1917-1937. М., 1976. 320 с.
7. Известия.1921. № 174 (734). 21 августа.
8. Известия. 1921. №178 (738). 27 августа.
9. Известия.1921. №179 (739). 30 августа.
10. Коммунист. 1922. №6-7. 1 января.
11. Никулин В.В. Политическая доктрина и состав правящей партии. Регулирование социального состава РКП (б)– ВКП(б) в 1920-е годы: цели, специфика, итоги // Genesis: исторические исследования. 2017. №1. С.78-97.
12. Павлюченков С. А. «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М., 2008. 463 с.
13. Пайпс Р. Создание однопартийного государства в советской России (1917-1918 гг.) // Полис. Политические исследования. 1991. №1. С.215-223.
14. Письмо ЦК РКП (б) всем партийным организациям о проведении чистки партии. 27 июля 1921 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп. и исп. Т. 2. М.1983. С.438-441.
15. Шишкин В. И., Пивоваров Н. Ю. Генеральная чистка РКП (б) 1921 года как инструмент социального регулирования в советской России // Вестник Новосибирского государственного университета. 2015. №8. С.118-150.
16. X съезд РКП (б) 8-16 марта 1921 г. //КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп. и исп. Т. 2. М.1983. С. 336.
17. XI съезд РКП (б) 27 марта – 2 апреля 1922 г. //КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп. и исп. Т. 2. М.1983. С.526.

GENERAL PURGE OF THE RCP (B) IN 1921 (ON THE MATERIALS OF THE BRYANSK PROVINCE)

The article is devoted to the study of extraordinary personnel policy measure - the general purges in 1921. On the materials of Bryansk province the activity of the commission for checking and purging the Party personnel is shown. The reasons for exclusion from the party and data on the social structure of the excluded, withdrawn and dropped out are given. Attention is paid to their labor activity, behavior in society and attitude to the Soviet power. The documents show that many expelled from the Party did not seek to return to the Party ranks. Mostly those who held responsible positions (employees) showed a desire to restore their lost status. At the same time, it was noted that party members often remained unaware of their party status for some time, which caused a passive and irresponsible attitude to work. Nevertheless, in

the course of the purge, an inventory of members of the provincial organization was carried out and the party members with "corrupting" influence in the region were found. The introduced into the scientific turnover archival materials and periodicals make it possible to consider the peculiarities and results of the purge of the party ranks in Bryansk province.
Key words: Soviet power, RCP (b), party purge, personnel policy, Bryansk province.

References

1. Gosudarstvenny`j arxiv Bryanskoj oblasti [State Archive of the Bryansk Region]. F. 19. Op. 1. D. 22. Protokoly` Bryanskoj gubernskoj komissii po proverke i chistke chlenov i kandidatov RKP (b) Fokinskoj rajonnoj partorganizacii. [Protocols of the Bryansk Provincial Commission for the inspection and purging of members and candidates of the RCP (b) Fokinsky district party organization.] L.12.
2. Gosudarstvenny`j arxiv Bryanskoj oblasti [State Archive of the Bryansk Region]. F. 1. Op. 1. D. 175. Spisok chlenov i kandidatov RKP (b) isklyuchenny`x iz partii pri provedenii pereregistracii i chistke. [List of RCP (b) members and candidates excluded from the party during re-registration and purges.] L. 49
3. Gosudarstvenny`j arxiv Bryanskoj oblasti [State Archive of the Bryansk Region]. F. 1. Op. 1. D. 666. Protokoly` zasedanij gubernskoj komissii, otchety`, svodki i drugie materialy` po proverke i chistke ryadov RKP (b). Spiski otvetrabotnikov isklyuchenny`x i vy`by`vshix iz partii. [Minutes of meetings of the provincial commission, reports, summaries and other materials on the inspection and purging of the ranks of the RCP (b). Lists of workers excluded and dropped out of the party.] L. 5, 18, 38.
4. Gosudarstvenny`j arxiv Bryanskoj oblasti [State Archive of the Bryansk Region]. F. 1. Op. 1. D. 1284. Informacionny`e otchety` Trubchevskogo, Zhizdrinskogo ukomov i Fokinskoj organizacii RKP (b) ob isklyuchenny`x i vy`by`vshix iz partijny`x organizacij vo vremya proverki i chistki partii. [Information reports from the Trubchevsky and Gizdrinsky district committees and the Fokinsky organization of the RCP (b) on those expelled and dropped out of party organizations during the Party's inspection and purge.] L. 9,10,12,13,15,17.
5. Gimpel`son E.G. (1998). Sovetskie upravleny. [Soviet Managers. 1917-1920.] Moskva, 1998. 257s.
6. Dmitrenko S.L. (1976). Bor`ba KPSS za edinstvo svoix radov. Oktyabr` 1917-1937. [The struggle of the Communist Party of the Soviet Union for the unity of its races. October 1917-1937.] Moskva, 1976. 320 s.
7. Izvestiya. [Izvestia]. 1921. № 174 (734). August, 21.
8. Izvestiya. [Izvestia]. 1921. №178 (738). August, 27.
9. Izvestiya. [Izvestia]. 1921. №179 (739). August, 30.
10. Kommunist. [The Communist]. 1922. №6-7. January, 1.
11. Nikulin V.V. (2017). Politicheskaya doktrina i sostav pravyashhej partii. Regulirovanie social`nogo sostava RKP (b)– VKP(b) v 1920-e gody` : celi, specifika, itogi [The Political Doctrine and the Composition of the Ruling Party. The regulation of the social composition of the RCP (b)-VKP(b) in the 1920s: objectives, specificity, results] // Genesis: istoricheskie issledovaniya. 2017. №1. 78-97.
12. Pavlyuchenkov S. A. (2008). «Orden mechenoscev»: Partiya i vlast` posle revolyucii. 1917–1929 gg. [The Order of the Swordsmen: Party and Power after the Revolution. 1917-1929.] Moskva, 2008. 463 s.
13. Pajps R. Sozdanie odnopartijnogo gosudarstva v sovetskoj Rossii (1917-1918 gg.) [Creation of a One-Party State in Soviet Russia (1917-1918).] // Polis. Politicheskie issledovaniya. 1991. №1. 215-223.
14. Pis`mo CzK RKP (b) vsem partijny`m organizacijam o provedenii chistki partii. 27 iyulya 1921 g. [Letter of the Central Committee of the RCP (b) to all party organizations about the purge of the party. 27 July 1921] // KPSS v rezolyuciyax i resheniyax s`ezdov, konferencij i plenumov CzK. 9-e izd., dop. i isp. [CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee] T. 2. Moskva.1983. S.438-441.
15. Shishkin V. I., Pivovarov N. Yu. (2015). General`naya chistka RKP (b) 1921 goda kak instrument social`nogo regulirovaniya v sovetskoj Rossii [The 1921 General Purge of the RCP (b) as an instrument of social regulation in Soviet Russia] // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. №8. S.118-150.

16. X s`ezd RKP (b) 8-16 marta 1921 g. [X Congress of the RCP (b) March 8-16, 1921] //KPSS v rezolyuciyaх i resheniyaх s`ezdov, konferencij i plenumov CzK. 9-e izd., dop. i isp. [CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee.] T. 2. Moskva.1983. S. 336.

17. XI s`ezd RKP (b) 27 marta – 2 aprelya 1922 g. [XI Congress of the RCP (b) March 27 - April 2, 1922] //KPSS v rezolyuciyaх i resheniyaх s`ezdov, konferencij i plenumov CzK. 9-e izd., dop. i isp. [CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee.]T. 2. Moskva. 1983. S.526.

Об авторе

Журавская Анастасия Викторовна – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, E-mail nastyia.zhuravskaya.95@mail.ru

Zhuravskaia Anastasia Victorovna – post-graduate student of the Department of national history. Petrovsky Bryansk State University, E-mail nastyia.zhuravskaya.95@mail.ru

Закиров А.В., кандидат исторических наук, директор, АНО «Научно-исследовательский центр «Институт мировой политики и экономики» (Россия)

ФБР ПРОТИВ АФРОАМЕРИКАНЦЕВ (НА ОСНОВЕ ДОКУМЕНТОВ О ПРОГРАММЕ COINTELPRO)

Сегодня мы становимся свидетелями того, как различные спецслужбы США занимаются шпионской деятельностью по всему миру. Однако самым ухищренным методам преследования за всю историю подверглись граждане США. В статье на примере программы ФБР COINTELPRO (осуществлялась с 1956 по 1971 годы), направленной против активистов движения афроамериканцев за гражданские права, рассматривается деятельность ФБР по защите социально-политических устоев американского общества, которые нельзя назвать иначе, как сегрегационными и расистскими. Автор показал, как правительство США воздействовало через программу ФБР COINTELPRO на ключевые фигуры движения за гражданские права в США, таких как Мартин Лютер Кинг-младший, Малколм Икс и активистов партии «Чёрные пантеры». Рассматриваются последствия программы, включая ограничение гражданских свобод, доверия к правительству и институциональное нарушение прав афроамериканцев. Проводится взаимосвязь между последним явлением и более ранними явлениями дискриминации прав «цветного населения» США, такими как аболиционизм и сегрегация. Статья анализирует влияние программы ФБР COINTELPRO на современное время, включая её отражение на современные правовые нормы, контрразведывательные меры и общественное мнение о правительственном надзоре. Исследование программы ФБР COINTELPRO имеет важное значение для понимания сложных отношений между правительством и гражданским обществом.

Ключевые слова: ФБР COINTELPRO, движение афроамериканцев за гражданские права, Малколм Икс, М.Л. Кинг, Х.П. Ньютон, партия «Чёрные пантеры».

DOI:10.22281/2413-9912-2023-07-02-67-78

Введение

COINTELPRO (Counter Intelligence Program) представляла собой серию тайных и незаконных проектов, активно осуществляемых Федеральным бюро расследований США (ФБР), направленных на наблюдение, проникновение, дискредитацию и разрушение внутренних американских политических организаций и политических диссидентов [9; 37]. Хотя тайные операции использовались на протяжении всей истории ФБР, официально программа COINTELPRO осуществлялась с 1956 по 1971 годы. Предполагается, что многие из тактик, используемых в COINTELPRO, продолжают использоваться и сегодня (среди них: дискредитация целей посредством психологической войны; очернение отдельных лиц и групп с использованием поддельных документов и путем распространения ложных сообщений в СМИ; преследование; незаконное лишение свободы; незаконное насилие; убийство) [18; 22; 33]. Согласно отчету Специального комитета Сената США по изучению правительственных операций в отношении разведывательной деятельности (под руководством сенатора от штата Айдахо Ф. Черча), ФБР

провело более 2000 операций COINTELPRO до того, как программа была официально прекращена в апреле 1971 г., после публичного разоблачения. Мотивацией ФБР была «защита национальной безопасности, предотвращение насилия и поддержание существующего социального и политического порядка» [25-30].

Централизованные операции в рамках COINTELPRO официально начались в августе 1956 г. с программы, разработанной для «усиления фракционности, создания беспорядков и привлечения к сотрудничеству осведомителей» внутри Коммунистической партии США (CPUSA).

8 мая 1958 г. директор ФБР Э. Гувер якобы проинформировал чиновников администрации Д. Эйзенхауэра о действии программы по противодействию коммунистической партии под названием COINTELPRO. Исключив распространение о программе за пределами бюро, Гувер мог добровольно предоставить любую информацию, которую он считал уместной. Письма Гувера от 8 мая 1958 г., в которых генеральный прокурор У. Роджерс и специальный помощник президента Р. Катлер сообщили, что в августе 1956 г. ФБР

инициировало программу COINTELPRO, предназначенную для содействия разрушению CPUSA. Были перечислены конкретные действия ФБР, в том числе использование информаторов для провоцирования «ожесточенных дебатов» и анонимных рассылок для обеспечения «разочарования и дезертирства» и увеличения «фракционности» среди членов партии. Однако Гувер не полностью проинформировал Белый дом Эйзенхауэра о других, более сомнительных действиях программы COINTELPRO [28, p. 281; 29, p. 65; 30, p. 819-820].

Объекты и методы исследования

8 ноября 1958 г. Гувер в тридцатишестистраничной брошюре проинформировал кабинет Эйзенхауэра о семи программах ФБР, описанных, как «часть контрразведывательных операций ФБР». Первые шесть программ касались непосредственно шпионажа, а седьмая – COINTELPRO ФБР [34, p. 195].

После бойкота автобусов в Монтгомери (штат Алабама) в 1955 г. активистами движения афроамериканцев за гражданские права, которое угрожало нарушить расовые отношения юга и трансформировать национальную политику, отражая консервативную озабоченность, директор ФБР Э. Гувер весной 1956 г. направил в Белый дом серию докладов, в которых утверждалось, что в движении участвуют коммунисты. Президент Эйзенхауэр попросив Гувера проинформировать кабинет министров о расовой ситуации на Юге. Гувер сделал это, подчеркнув роль коммунистов в лоббировании продвижения законодательства о гражданских правах Национальной ассоциацией содействия прогрессу цветного населения (НААСР). В 1957 г. ФБР подготовило и распространило среди военных разведывательных агентств 137-страничный доклад о коммунистическом влиянии и стратегии в отношении НААСР [10; 28, p. 180; 29, p. 450-451; 30, p. 473].

Докладная записка главы ФБР Э. Гувера от октября 1956 г. переквалифицировала продолжающуюся слежку ФБР за лидерами движения афроамериканцев за гражданские права, включив деятельность движения в программу COINTELPRO, под предлогом того, что туда проникли коммунисты [34, p. 198]. В 1956 г. Гувер направил открытое письмо с осуждением доктора Т.Р.М. Говарда, борца за гражданские права, хирурга и предпринимателя из

Миссисипи, который критиковал бездействие ФБР в раскрытии недавних убийств Дж.У. Ли, Э. Тилля и другие афроамериканцев на Юге [1, pp. 148, 154–159].

Начиная с 1950-х годов и до дня убийства 21 февраля 1965 г., под действием программы COINTELPRO находился один из самых значимых лидеров афроамериканского национализма – Малколм Икс. ФБР приложило много усилий, чтобы вбить клин между ним и лидером организации «Нация Ислама» Э. Мухаммедом, используя инфильтрацию, распространение слухов и «разжигание острых дебатов внутри организации». Отчёт COINTELPRO на Малколма Икса составил более 10 000 страниц. Основной целью COINTELPRO была «изоляция чернокожих от международного сообщества». В результате и Малколм Икс, и М.Л. Кинг-мл. были убиты, когда начали привлекать к проблеме сегрегации афроамериканцев международную аудиторию. С июля по ноябрь 1964 г. Малколм Икс посетил ряд стран Африки, встречаясь с африканскими и мусульманскими интеллектуалами и политическими деятелями. Однако 21 февраля 1965 г. он был убит, а агенты ФБР продолжали активно разжигать фракционность внутри «Нации ислама».

Когда в 1957 г. была основана афроамериканская организация по защите гражданских прав Конференция христианских лидеров Юга (SCLC), она сразу попала под действие COINTELPRO. Особое внимание уделялось активности Б. Растина, С. Левисону, а также М.Л. Кинга-мл. [34, p. 200], которого Гувер выделил в качестве главной цели для COINTELPRO после осуществлённого движением афроамериканцев за гражданские права в 1963 г. марша на Вашингтон с лозунгом «За рабочие места и свободу». 21 апреля 1964 г., через несколько дней после объявления о присуждении М.Л. Кингу-мл. Нобелевской премии мира, ФБР анонимно отправило ему по почте «Предсмертное письмо» в попытке убедить его совершить самоубийство [6].

Результаты и их обсуждение

С декабря 1963 г. после выступления с речью «У меня есть мечта» [12] до своей смерти в 1968 г. М.Л. Кинг-мл. был целью COINTELPRO, чтобы «нейтрализовать» его как эффективного лидера движения за гражданские права. По словам человека,

ответственного за «войну» ФБР против д-ра Кинга: «Никакие методы не были запрещены. Мы использовали [аналогичные] методы против советских агентов. [Те же методы] были применены против любой организации, на которую мы были нацелены. Мы не дифференцировали. Это грубый, жесткий бизнес» [35].

Программа ФБР по уничтожению д-ра Кинга как лидера движения за гражданские права повлекла за собой попытки дискредитировать его церквями, университетами и прессой. Были предприняты меры, чтобы убедить Национальный совет церквей, Всемирный баптистский альянс и ведущих протестантских священников прекратить финансовую поддержку SCLC, изолировать Кинга и отстранить его от роли, которую он сейчас занимает в деятельности по защите гражданских прав» [16].

Когда ФБР узнало, что Кинг намерен посетить Папу Римского, был послан агент, чтобы убедить кардинала Франциска Спеллмана предупредить Папу о «вероятных проблемах, которые могут возникнуть у Папы, если он предоставит Кингу аудиенцию» [15].

ФБР пыталось повлиять на университеты, чтобы не давать почетные степени д-ру Кингу, предотвращать публикации его статей, найти «дружественные» новостные источники, которые печатали бы неблагоприятные статьи.

Кампания ФБР по дискредитации и уничтожению Кинга была отмечена крайней личной мстительностью директора ФБР Д. Гувера за реализацию марша на Вашингтон в августе 1963 г. и его речи «У меня есть мечта». В 1970 г. Гувер сказал журналистам, что д-р Кинг был «последним в мире, кто когда-либо должен был получить» Нобелевскую премию мира [24].

В одном особенно спорном инциденте 1965 г. белая правозащитница В. Люццо была убита членами Ку-клукс-клана, которые увидели ее с чернокожим мужчиной. Одним из убийц был Г.Т. Роу, признанный информатором ФБР, замешанный в жестоких преступлениях эпохи гражданских прав 1960-х годов, включая нападения на пассажиров автобусных акций «Всадники свободы» и взрыв 1963 г. в баптистской церкви в Бирмингеме (штат Алабама) [13]. ФБР распространило слухи о

том, что Люццо была членом Коммунистической партии и бросила своих детей ради сексуальных отношений с афроамериканцами, участвовавшими в движении за гражданские права [8; 31]. Записи ФБР показывают, что Гувер лично передал эти инсинуации президенту Джонсону [23].

В 1964 г. активизировались расследования ФБР в отношении движения афроамериканцев за гражданские права и организаций чернокожих националистов. После вспышки первых городских расовых беспорядков летом 1964 г. президент Джонсон поручил ФБР расследовать их происхождение и масштабы. По мере того, как организации по защите гражданских прав становились все более активными и воинственными, а расовые беспорядки повторялись в 1965 г. в других городских центрах, ФБР активизировало расследования «общих расовых вопросов». Затем расследования ФБР были сосредоточены на «черных националистических группах», «организациях ненавистнического типа со склонностью к насилию и гражданским беспорядкам» и «воинственно-черных лидерах и личностях», активно планирующих демонстрации, митинги или марши. В то же время, в июне 1964 г. в Отделе внутренней разведки был создан «специальный отдел» для надзора за «активизацией расследования коммунистического влияния в расовых вопросах» [29, pp. 108, 179, 475-483; 30, p. 68].

Когда эти расследования ФБР не смогли подтвердить ни коммунистического влияния на движение афроамериканцев за гражданские права, ни нарушений федеральных законов со стороны «воинствующих чернокожих лидеров», 25 августа 1967 г. Гувер приказал двадцати трем специальным агентам создать ещё одну группу COINTELPRO – «Black Nationalist Hate». Опять же, цель COINTELPRO была явно политической: «разоблачать, разрушать, вводить в заблуждение, дискредитировать или иным образом нейтрализовать деятельность черных националистических, ненавистнических организаций и группировок, их руководства, представителей, членов и сторонников, а также противостоять их склонности к насилию и гражданским беспорядкам». Гувер поручил агентам расследовать деятельность этих организаций на «постоянной основе»; использовать

«все возможности для контрразведки» [29, р. 20-21; 30, р. 383-385].

После убийств Малколма Икса и М.Л. Кинга-мл. Гувер продолжал говорить о «восхождении нового черного Мессии». Объявив партию «Черная пантера» самой большой угрозой безопасности США, агентам COINTELPRO было приказано «уничтожать, дезорганизовывать и нейтрализовывать их».

29 февраля 1968 г. обеспокоенный «огромным ростом активности черных националистов» чиновник ФБР Дж. Мур рекомендовал распространить программу COINTELPRO на все сорок одно полевое отделение ФБР (а не только на двадцать три офиса, проводивших тогда программу). Такое расширение было необходимо «для того, чтобы предотвратить коалицию воинствующих черных националистических групп, предотвратить появление лидера, который мог бы объединить и активизировать рост этих групп среди американской молодежи». 4 марта 1968 г. Гувер согласился с этой рекомендацией. Он поручил специальным агентам разработать процедуры и каждые девяносто дней представлять письмо о ходе работы. Директор ФБР еще раз подчеркнул: «Каждая операция должна быть спроектирована так, чтобы не было возможности поставить Бюро в неловкое положение. Кроме того, Бюро будет всячески рассматривать ваши предложения» [30, р. 386-392].

Черные организации, которые ранее не занимали видное место в деятельности по защите гражданских прав или только недавно были организованы, не были конкретно упомянуты в письмах-разрешениях от 25 августа 1967 г. или 4 марта 1968 г. Однако лица, уже включенные в список ключевых чернокожих экстремистов ФБР (в который входили и лидеры партии «Черные пантеры»), стали мишенью. 25 ноября 1968 г. Гувер, обеспокоенный резким ростом и привлекательностью партии «Черные пантеры», приказал осуществлять «творческие и жесткие разведывательные меры, направленные на нанесение ущерба» партии «Черные пантеры», а 30 января 1969 г. направил дополнительные полевые офисы ФБР для расширения действий этой цели [29, pp. 22, 187-188, 528-531].

По словам адвоката Б. Глика в осуществлении деятельности программы

COINTELPRO ФБР использовало пять основных методов [7]:

1. Проникновение. Агенты и информаторы не просто шпионили за политическими активистами, их основной целью было дискредитировать, сорвать и очернить политические акции. Само их присутствие подрывало доверие и отпугивало потенциальных сторонников. ФБР и полиция воспользовались этим страхом, чтобы очернить настоящих активистов как агентов.

2. Психологическая война. ФБР и полиция использовали множество «грязных приемов» для подрыва движений: распространяли ложные материалы в СМИ, публиковали поддельные листовки и другие материалы от имени целевых групп; подделывали переписку, рассылали анонимные письма и совершали анонимные телефонные звонки; распространяли дезинформацию о собраниях и мероприятиях, создавали псевдодвиженческие группы, управляемые правительственными агентами, и манипулировали родителями, работодателями, домовладельцами, школьными чиновниками и др., чтобы создавать проблемы активистам; использовали ношение недобросовестной одежды для создания подозрений в отношении активистов-мишеней, иногда со смертельным исходом.

3. Преследование через правовую систему. ФБР и полиция злоупотребляли правовой системой, чтобы преследовать диссидентов и выставлять их преступниками. Служители закона давали ложные показания и представляли сфабрикованные доказательства в качестве предлога для ложных арестов и незаконного заключения. Они дискриминационно применяли налоговые законы и другие правительственные постановления, использовали скрытую слежку, следственные допросы и повестки в суд в попытке запугать активистов и заставить замолчать их сторонников.

4. Незаконная сила. ФБР вступило в сговор с местными полицейскими управлениями, чтобы угрожать диссидентам, проводить незаконные взломы с целью обыска домов диссидентов, совершать акты вандализма, нападения, избиения и убийства с целью запугать или устранить диссидентов.

5. Подрыв общественного мнения. Одним из основных способов, с помощью которых ФБР преследовало организации, было

оспаривание их репутации в сообществе и лишение их платформы для получения легитимности. Гувер специально разработал программы, препятствующие лидерам распространять свою философию публично или через СМИ. ФБР создавало и контролировало СМИ, предназначенные для подрыва организаций афроамериканцев. Например, бюро курировало создание документальных фильмов, представлявших партию «Черные пантеры» агрессивной, и газет, распространявших дезинформацию о членах партии.

Совершенно независимо от этих усилий ФБР по дискредитации организаций по защите гражданских прав чернокожих, Министерство юстиции собирало дополнительную информацию о черных организациях и лидерах, которые могли вступить в сговор с целью «планирования, поощрения или обострения беспорядков». Эта усиленная следственная работа была официально санкционирована 14 сентября 1967 г. генеральным прокурором Р. Кларком и была основана на конкретных уставных полномочиях. Чтобы усовершенствовать эти усилия и эффективно использовать полученные разведанные, генеральный прокурор 18 декабря 1967 г. специально создал в рамках Министерства юстиции подразделение межотдельской разведки, несущее ограниченную ответственность «за рассмотрение и сведение к быстро извлекаемой форме всей информации, которая может поступить в этот Департамент, касающейся организаций и отдельных лиц по всей стране, которые могут играть определенную роль, целенаправленно или нет, либо в подстрекательстве или распространении гражданских беспорядков, либо в их предотвращении или пресечении» [28, р. 83-84; 29, р. 487-501; 30, р. 528-534].

ФБР также вступило в сговор с полицейскими управлениями многих городов США (Сан-Диего, Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Окленд, Филадельфия, Чикаго) с целью поощрения повторных рейдов на дома членов партии «Черные пантеры» часто с незначительными доказательствами нарушений федеральных законов, законов штата или местных законов вообще или без них. В результате таких действий полицейскими были убиты многие члены партии «Черные пантеры». Ярким примером является убийство

председателя чикагского отделения партии Ф. Хэмптон 4 декабря 1969 г. Санкционировало ли ФБР его убийство или нет, остается недоказанным. Однако перед гибелью Хэмптона многолетний информатор ФБР У. О'Нил поделился поэтажными планами своей квартиры с агентами COINTELPRO, затем он дал Хэмптону дозу секобарбитала, которая лишила Хэмптона сознания во время полицейского рейда на его дом [3, р. 141].

Предполагается, что для устранения лидеров афроамериканских движений ФБР сотрудничало с местными полицейскими управлениями, нацеливаясь на конкретных людей, обвиняя их в преступлениях, которых они не совершали, скрывая оправдательные доказательства и ложно заключая их в тюрьму [3, р. 145]. Лидер партии «Черные пантеры» Э. Пратт, был осужден в 1972 г. за убийство К. Олсен в 1968 г. на 27 лет, прежде чем Верховный суд Калифорнии отменил его обвинительный приговор в убийстве, в конечном счете освободив его из-за того, что обвинение утаило оправдательные доказательства его невиновности. Выступая в суде, агент ФБР показал, что, по его мнению, Пратта подставили, поскольку и ФБР, и полицейское управление Лос-Анджелеса знали, что его не было в этом районе в момент совершения убийства [5].

Одной из наиболее успешных специализированных операций COINTELPRO являлась кампания, направленная на раздувание конфликта между филиалом партии «Чёрные пантеры» в Лос-Анджелесе и местной чёрной националистической организацией «Мы» («Organisation Us») Р. Каренги. С 1968 по 1970 года активисты обеих групп были вовлечены в длинную серию насильственных инцидентов, происходивших на почве конкуренции за политическое и идеологическое влияние в местной общине [29, р. 185-223].

ФБР так же предотвратило попытку чикагского отделения партии «Чёрные пантеры» наладить взаимодействие с уличной бандой «Blackstone Rangers». Используя ту же тактику, что и их коллеги из Лос-Анджелеса, чикагские федералы спровоцировали в 1969 г. вооружённое противостояние между партийцами и бандитами, поначалу довольно позитивно настроенными к программе и деятельности партии [29, р. 185-223].

Таким образом, правительственные усилия увенчались полным успехом. Партия «Чёрные пантеры» не смогла противостоять столь сложной и дорогостоящей кампании ФБР. К примеру, с 1967 по 1972 годы бюро содержало более семи с половиной тысяч информаторов в чёрных кварталах, действовавших исключительно против партии и других афроамериканских политических активистов. В конечном счёте поставленные программой COINTELPRO цели были достигнуты – партия «Чёрные пантеры» была сначала деморализована, а затем и нейтрализована [29, р. 185-223].

Заключение (выводы)

Как упоминалось в самом начале, 8 марта 1971 г. активистская антивоенная группа (Гражданская комиссия по расследованию ФБР) ворвалась в офис резидента агентства ФБР «Медиа» (штат Пенсильвания) и украла около тысячи документов ФБР. В последующие недели эта группа выборочно публиковала тщательно проверенные документы членам Конгресса, отдельным журналистам и организациям, идентифицированным в украденных документах как ставшие мишенью ФБР. Что еще более важно, один из четырнадцати документов ФБР, опубликованных в «Washington Post», был озаглавлен COINTELPRO «New Left». В этом документе от 16 сентября 1970 г. рекомендовалось активизировать допросы ФБР диссидентов, чтобы это «усилило паранойю, эндемичную в этих кругах, и послужило бы дальнейшему пониманию того, что за каждым почтовым ящиком стоит агент ФБР» [17; 32, р. 281]. Публикация этих документов угрожала поставить под угрозу продолжение деятельности COINTELPRO: если будут украдены дополнительные документы, раскрывающие масштабы и политический характер деятельности ФБР COINTELPRO, целостность и авторитет ФБР и его директора могут быть серьезно подорваны. (Гувер достиг обязательного пенсионного возраста в 1965 году, но указом президента Л. Джонсона ему было разрешено продолжить работу в качестве директора ФБР.)

Хотя документы СМИ подтверждали политическую предвзятость расследований ФБР и намекали на существование COINTELPRO (документ от 16 сентября 1970

года), ни администрация президента Р. Никсона, ни генеральный прокурор Д. Митчелл не выступали за расследование практики бюро и ее законности. Наоборот, 23 марта 1971 г. генеральный прокурор Митчелл предупредил, что публикация этих документов (которые, как подтвердили другие источники Министерства юстиции, были украдены перед пресс-службой ФБР) может поставить под угрозу национальную безопасность и жизни некоторых федеральных агентов. Прежде чем сделать это заявление, Митчелл признался, что рассматривал возможность получения судебного приказа, ограничивающего публикацию. Однако, на следующий день чиновники Министерства юстиции приняли наступление и заявили, что опубликованные к тому времени четырнадцать документов были среди тысячи, украденных из офиса ФБР, а те, кто несет ответственность за эту акцию, тщательно отобрали документы для публикации, чтобы создать необоснованное впечатление о незаконности и безответственности ФБР. «На самом деле, – л подтвердил один из чиновников Министерства юстиции, – полное изучение украденных документов показывает, что ФБР проявило сдержанность, а не чрезмерное усердие» [17; 36, pp. 136-140, 484-492].

Хотя администрация Никсона и руководство Конгресса, возможно, пренебрежительно относились к расследованию данной практики ФБР, публикация документов СМИ ускорила два внутренних решения ФБР. Во-первых, в течение четырех месяцев после инцидента директор ФБР Гувер приказал закрыть 103 резидентских агентства ФБР, а правила, регулирующие секретность документов, были ужесточены. Во-вторых, программа COINTELPRO была официально прекращена 28 апреля 1971 г.

В 1976 г. Специальный комитет Сената США заявила, что только в июле 1969 года из 295 специальных операций ФБР, проведенных против «чёрных националистов», 233 были направлены на партию «Чёрные пантеры». Операции эти имели разнообразнейший характер – начиная от использования провокаторов, прослушивания офисов и незаконных арестов, заканчивая рассылкой провокационных писем с целью дискредитации партии и её лидеров, а также для нагнетания

внутреннего напряжения [29, р. 185 -223].

Расследование в отношении необработанных файлов в конечном итоге выявило крайне вводящий в заблуждение характер этих резюме ФБР, когда он сравнил одно резюме ФБР с утвержденным проектом ФБР COINTELPRO. В резюме ФБР сообщалось: «Было рекомендовано отправить анонимное письмо лидеру «Blackstone Rangers», черной экстремистской организации в Чикаго. Мы надеемся, что письмо вобьёт клин между «Blackstone Rangers» и партией «Черные пантеры». Анонимное письмо указывает на то, что партия «Черные пантеры» в Чикаго обвинила лидера «Blackstone Rangers» в блокировании их социальных программ. На самом деле, предлагаемый проект был более амбициозным и гораздо менее случайным. В рекомендации подчеркивалось, что «Blackstone Rangers» склонны к «насильственной деятельности, крикам и тому подобному» и, соответственно, анонимное письмо должно быть отправлено лидеру «Blackstone Rangers», в котором говорится, что «Пантеры обвиняют вас в блокировании их программ, за что вас должно постигнуть наказание». Это анонимное письмо «может усилить степень враждебности между двумя группами» и «привести к репрессиям против руководства [партии «Черные пантеры»]». Кроме того, критикуя «отдельные случаи» за практику, «отвратительную в свободном обществе» и «небольшое количество случаев», когда программы «включали то, что мы сегодня считаем ненадлежащей деятельностью», в докладе комитета Петерсена, тем не менее, утверждалось, что большинство программ «были законными» и «проводились в рамках надлежащих правоохранительных процедур»: «Информирование других государственных органов о гражданских и уголовных нарушениях в отношении членов группы; проведение собеседований с такими членами группы; распространение общедоступных исходных материалов о таких лицах и группах среди представителей средств массовой информации; поощрение информаторов к тому, чтобы они выступали против применения насилия такими группами; и высказывание замечаний широкой общественности о деятельности, политике и целях таких групп на основе свидетельских показаний на

слушаниях в законодательных органах и в других официальных докладах» [4, 26, р. 3533; 27, pp. 9-16, 20-23, 44-47].

Признавая, что некоторые предложения ФБР COINTELPRO нарушают закон, комитет Петерсена, тем не менее, рекомендовал воздержаться от уголовного расследования: «Любое решение о том, следует ли осуществлять судебное преследование, должно также учитывать ряд других важных факторов, влияющих на рассматриваемые события. Этими факторами являются: во-первых, исторический контекст, в котором была задумана и осуществлена программа COINTELPRO в ответ на требования общественности и даже Конгресса о действиях по нейтрализации деятельности самопровозглашенных революционных и склонных к насилию экстремистских групп, которые представляли угрозу миру и спокойствию наших городов в середине и конце шестидесятых годов; во-вторых, тот факт, что каждая из программ COINTELPRO была лично одобрена и поддержана покойным директором ФБР; в-третьих, тот факт, что вмешательство в права, закрепленные в Первой поправке, в результате отдельных осуществленных программных действий было несущественным» [4; 26, р. 3533; 27, pp. 9-16, 20-23, 44-47].

Вместо судебного преследования генеральный прокурор должен публично опубликовать доклад комитета. Генеральный прокурор Саксбе выполнил эту рекомендацию, 20 ноября 1974 г. в ходе свидетельских показаний в подкомитете Палаты представителей по гражданским и конституционным правам был опубликован полный отчет. Комитет Петерсена также рекомендовал выпустить директиву, запрещающую ФБР создание любой контрразведывательной программы, такой как COINTELPRO, без предварительного ведома и одобрения [генерального прокурора]. В частности, эта директива должна безошибочно прояснить, что ФБР не должно предпринимать никаких деструктивных действий в связи с его следственными обязанностями с участием национальных организаций, за исключением тех, которые санкционированы верховенством закона, процедурой или судебной признанной и принятой полицейской практикой, и которые не нарушают закон штата или федеральное законодательство [4;

26, p. 3533; 27, pp. 9-16, 20-23, 44-47].

Генеральный прокурор Саксбе не издавал такой директивы. Однако, в ноябре 1975 г. его преемник, генеральный прокурор Э. Леви, учредил ведомственный комитет для разработки новых «руководящих принципов» ФБР, этот комитет предложил серию руководящих принципов «превентивных действий». В соответствии с одним из них ФБР было уполномочено принимать «ненасильственные чрезвычайные меры», чтобы «препятствовать или предотвращать» применение силы или насилия после конкретного вывода генерального прокурора о том, что существует «вероятная причина полагать, что насилие неизбежно и не может быть предотвращено арестом». Из-за оппозиции Конгресса и из-за признания того, что это предложение не предотвратило бы повторение деятельности типа COINTELPRO, генеральный прокурор Леви был в конечном итоге вынужден отказаться от этого предложения, когда официально выпустил руководящие принципы Министерства юстиции 10 марта 1976 г. [28, p. 316-320; 29, p. 76; 30, p. 316-320].

Усилия Министерства юстиции по минимизации деятельности COINTELPRO - будь то заявления о том, что нарушения прав Первой поправки были «несущественными» или что большинство проектов были законными - не точно отражали их направленность и характер. Во-первых, многие из видов деятельности, перечисленных в докладе комитета Петерсена как «полностью надлежащие правоохранительные процедуры», вряд ли заслуживают такой характеристики. Во-вторых, цели ФБР по утечке уничтожительной информации в СМИ о целевых лицах или организациях были чисто политическими. В-третьих, даже при передаче местным и государственным властям информации о планируемых или фактических нарушениях местных и государственных законов ФБР получило эту информацию без предварительного расследования. В-четвертых, многие контакты бюро с государственными должностными лицами либо представляли собой притеснения, либо были направлены на то, чтобы лишить целевых лиц государственной занятости.

Деятельность COINTELPRO включала в себя отправку анонимных, оскорбительных и ложных писем для распада браков, для

сеяния внутренних разногласий внутри организаций или для информирования государственных и частных работодателей о политической деятельности и организационной принадлежности радикальных лиц. Другие виды деятельности COINTELPRO включали в себя усилия по провоцированию насилия, предотвращению избрания радикалов на государственные должности, недопущению выступлений или проведению собраний диссидентов и недопущению публикации и распространения своих взглядов лицами или организациями, против которых они направлены. Кроме того, собственный обзор Министерством юстиции файлов COINTELPRO ФБР привел к тому, что генеральный прокурор Э. Леви объявил 1 апреля 1976 г. о решении департамента отправить письма с уведомлением лицам, которые могли пострадать или которые оставались в неведении, что они ранее были целью деятельности программы ФБР COINTELPRO. К июлю 1977 г. было направлено 282 таких письма-уведомления [2; 25, p. 235-236].

Деятельность ФБР в рамках программы COINTELPRO подтвердила сознательные политические действия ФБР по подрыву политических движений. Более того, должностные лица ФБР в одностороннем порядке инициировали различные расследования по программе COINTELPRO без предварительного ведома и согласия ответственных лидеров либо в Конгрессе, либо в высшей ветви власти. Кроме того, были тщательно разработанные процедуры для обеспечения того, чтобы генеральный прокурор, Конгресс и общественность знали об этой деятельности. Следует также подчеркнуть, что эта программа была формально прекращена только когда секретность COINTELPRO была скомпрометирована в 1971 г. Характер деятельности, осуществляемой в рамках COINTELPRO, стремление обеспечить секретность и далеко идущие злоупотребления властью подтверждают, в какой степени ФБР стало законом само по себе, успешно исключило значимый внешний надзор и основывало расследования на политических соображениях.

В 1980 г. основатель партии «Черные пантеры» Х.П. Ньютон получил степень доктора философии по направлению «Социальная философия» в Университете Калифорнии

в Санта-Круз, защитив докторскую диссертацию, по которой была опубликована монография «Войны против Пантер: Исследование репрессий в Америке» [21], посвящённая жертвам программы COINTELPRO.

В 1982 г. Ньютон был обвинен в хищении \$ 600,000 государственной помощи, направленной на поддержку Оклендской общинной школы. В результате обвинений в хищении он распустил партию «Чёрные пантеры». В марте 1989 г. обвинения в хищении денежных средств были с него сняты [29, р. 154]. Однако 22 августа 1989 г. он был убит во время прогулки по окрестностям Западного Окленда от рук 24-летнего члена «Чёрной партизанской семьи» (BGF) и наркоторговца Т. Робинсона [29, р. 206]. Убийство произошло в районе, где реализовывались

социальные программы партии, которые помогали нуждающимся афроамериканцам.

В 2014 г. журналистка Б. Медсгер опубликовала книгу «Кража со взломом: раскрытие секретной информации ФБР Дж. Эдгара Гувера» [14], в которой были раскрыты личности пяти из восьми участников события 8 марта 1971 г., а также был снят документальный фильм под названием «1971» (2014, реж. Д. Гамильтон).

Примечателен тот факт, что кража документов ФБР по программе COINTELPRO была совершена в день боксёрского поединка века Джо Фрейзера и Мухаммеда Али, который также был мишенью COINTELPRO из-за своей причастности к афроамериканской националистической организации «Нация ислама» и антивоенному движению.

Список литературы

1. Beito D.T.; Beito L.R. Black Maverick: T. R. M. Howard's Fight for Civil Rights and Economic Power. Urbana: University of Illinois Press. 2009.
2. Blackstock N. Cointelpro: The FBI's Secret War on Political Freedom. Pathfinder Press. 1988.
3. Churchill W., Vander W.J. The COINTELPRO Papers: Documents from the FBI's Secret Wars Against Domestic Dissent. Boston: South End Press. 1990.
4. Deputy Assistant Attorney General Kevin Maroney's April 8, 1974.
5. Former Black Panther freed after 27 years in jail // CNN.10.07.1999. URL: <http://edition.cnn.com/US/9706/10/pratt.release/> (дата обращения: 15.04.2023).
6. Gage B. What an Uncensored Letter to M. L. K. Reveals // The New York Times. 11 November 2014.
7. Glick B. War at Home: Covert Action Against U.S. Activists and What We Can Do About It. South End Press. 1989.
8. Houston K. The Detroit housewife who moved a nation toward racial justice // The Detroit News, Rearview Mirror. URL: <http://www.detroitnews.com/history/viola/viola.htm> (дата обращения: 15.04.2023).
9. Jalon A.M. A break-in to end all break-ins // The Los Angeles Times. 8 March 2006.
10. John E. Aspects of Federal Civil Rights Enforcement: The Justice Department and the FBI, 1939-1964 // Perspectives in American History. V.1971. P. 643-647.
11. Kansas City Star. Aug. 13, 1975.
12. King M.L.Jr. I have a dream. URL: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/mlkihavedream.htm> (дата обращения: 01.12.2022).
13. May G. The Informant: The FBI, the Ku Klux Klan, and the Murder of Viola Liuzzo. New Haven: Yale University Press. 2005.
14. Medsger B. The Burglary: The Discovery of J. Edgar Hoover's Secret F.B.I. 2014.
15. Memorandum from Frederick Baumgardner to William Sullivan. Aug. 31, 1964.
16. Memorandum from William Sullivan to Alan Belmont. Dec. 16, 1964.
17. Milwaukee Journal. March 24, 1971; March 25, 1971; Apr. 15, 1971; April 16, 1971; April 4, 1975; Dec. 11, 1975; Feb. 17, 1976; Feb. 18, 1976; Feb. 28, 1976; March 12, 1976; April 9, 1976; Nov. 22, 1977; Nov. 23, 1977; Nov. 24, 1977; Nov. 26, 1977.
18. Murder of Fred Hampton // It's About Time – Black Panther Party Legacy & Alumni. URL:

http://www.itsabouttimebpp.com/Chapter_History/pdf/Chicago/Murder_of_Fred_Hampton_1969.pdf (дата обращения: 15.04.2023).

19. New York Times. March 14, 1976; Dec. 10, 1976.
20. Newton H.P. To Die for the People. New York, 2009.
21. Newton H.P. War Against The Panthers: A Study Of Repression In America. - Harlem River Press, 2000.
22. Orr M. The Failure of Neoliberal Globalization and the End of Empire // Berberoglu B. Globalization in the 21st Century: Labor, Capital, and the State on a World Scale. Springer, 2010. P. 182.
23. Stanton M. From Selma to Sorrow: The Life and Death of Viola Liuzzo. University of Georgia Press. 2000.
24. Time magazine. Dec. 14, 1970.
25. U.S. House Committee on Governmental Operations, Subcommittee on Governmental Information and Individual Rights. Hearings on Justice Department Internal Investigations Policies. N. 95. 1977.
26. U.S. House Committee on Internal Security, Hearings on Domestic Intelligence Operations for Internal Security Purposes. N. 93. 1974.
27. U.S. House, Committee on the Judiciary, Subcommittee on Civil and Constitutional Rights, Hearings on FBI Counterintelligence Programs. N. 93. 1974.
28. U.S. Senate. Select Committee to Study Governmental Operations With Respect to Intelligence Activities, Final Report, Intelligence Activities and the Rights of Americans. Book II. N. 94. 1976.
29. U.S. Senate. Select Committee to Study Governmental Operations With Respect to Intelligence Activities, Final Report, Supplementary Detailed Staff Reports on Intelligence Activities and the Rights of Americans. Book III. N. 94. 1976.
30. U.S. Senate. Select Committee to Study Governmental Operations With Respect to Intelligence Activities, Hearings on Intelligence Activities. Book I. N. 94. 1975.
31. Uncommon Courage: The Viola Liuzzo Story. URL: <https://web.archive.org/web/20060223045502/http://www.plantingseedsmidia.com/violaliuzzo.html> (дата обращения: 15.04.2023)
32. Ungar S. FBI. 1976.
33. Walby K., Monaghan J. Private Eyes and Public Order: Policing and Surveillance in the Suppression of Animal Rights Activists in Canada // Bezanson K, Webber M. Rethinking Society in the 21st Century. Toronto: Canadian Scholars, 2016. P. 148.
34. Weiner T. Enemies: A History of the FBI. New York: Random House. 2012.
35. William Sullivan testimony. Nov. 1, 1975.
36. Wise D. The American police state: The government against the people Hardcover. 1976.
37. Wolf P. COINTELPRO: The Untold American Story// World Conference Against Racism. Durbin, 1 September 2001. P. 11.

FBI VS. AFRICAN AMERICANS (BASED ON COINTELPRO PROGRAM DOCUMENTS)

Today we are witnessing how various US intelligence agencies are engaged in espionage activities around the world. However, US citizens have been subjected to the most sophisticated methods of persecution in history. Using the example of the FBI's COINTELPRO program (carried out from 1956 to 1971), directed against activists of the African-American civil rights movement, the article examines the FBI's activities to protect the socio-political foundations of American society, which cannot be called anything but segregational and racist. The author showed how the US government influenced key figures of the civil rights movement in the USA, such as Martin Luther King Jr., Malcolm X and activists of the Black Panthers party through the FBI COINTELPRO program. The consequences of the program are considered, including restrictions on civil liberties, trust in the government and institutional violation of the rights of African Americans. The relationship between the latter phenomenon and earlier phenomena of discrimination against the rights of the "Colored People" of the United States, such as abolitionism and segregation, is carried out. The article analyzes the impact of the FBI's COINTELPRO program on modern times, including its reflection on modern legal norms, counterintelligence measures and public opinion about government surveillance. The study of the FBI's COINTELPRO program is important for understanding the complex relationship between government and civil society.

Keywords: FBI COINTELPRO, the African American Civil Rights Movement, Malcolm X, M.L. King, H.P. Newton, the Black Panthers Party.

References

1. Beito D.T., Beito L.R. (2009). *Black Maverick: T. R. M. Howard's Fight for Civil Rights and Economic Power*. Urbana: University of Illinois Press.
2. Blackstock N. (1988). *Cointelpro: The FBI's Secret War on Political Freedom*. Pathfinder Press.
3. Churchill W., Vander W.J. (1990). *The COINTELPRO Papers: Documents from the FBI's Secret Wars Against Domestic Dissent*. Boston: South End Press.
4. Deputy Assistant Attorney General Kevin Maroney's (1974). April 8, 1974.
5. Former Black Panther freed after 27 years in jail (1999). // CNN.10.07.1999. URL: <http://edition.cnn.com/US/9706/10/pratt.release/> (accessed: 15.04.2023)
6. Gage B. (2014). What an Uncensored Letter to M. L. K. Reveals // *The New York Times*. 11 November 2014.
7. Glick B. (1989). *War at Home: Covert Action Against U.S. Activists and What We Can Do About It*. South End Press.
8. Houston K. (1965). The Detroit housewife who moved a nation toward racial justice // *The Detroit News, Rearview Mirror*. URL: <http://www.detroitnews.com/history/viola/viola.htm> (accessed: 15.04.2023)
9. Jalon A.M. (2006). A break-in to end all break-ins // *The Los Angeles Times*. 8 March 2006.
10. John E. (1971). *Aspects of Federal Civil Rights Enforcement: The Justice Department and the FBI, 1939-1964 // Perspectives in American History*. V.1971. P. 643-647.
11. *Kansas City Star*. (1975). Aug. 13, 1975.
12. King M.L.Jr. (1963). I have a dream. URL: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/mlkihadream.htm>. (accessed: 01.12.2022)
13. May G. (2005). *The Informant: The FBI, the Ku Klux Klan, and the Murder of Viola Liuzzo*. New Haven: Yale University Press.
14. Medsger B. (2014). *The Burglary: The Discovery of J. Edgar Hoover's Secret F.B.I.*
15. Memorandum from Frederick Baumgardner to William Sullivan. (1964). Aug. 31, 1964.
16. Memorandum from William Sullivan to Alan Belmont. (1964). Dec. 16, 1964.
17. *Milwaukee Journal*. March 24, 1971; March 25, 1971; Apr. 15, 1971; April 16, 1971; April 4, 1975; Dec. 11, 1975; Feb. 17, 1976; Feb. 18, 1976; Feb. 28, 1976; March 12, 1976; April 9, 1976; Nov. 22, 1977; Nov. 23, 1977; Nov. 24, 1977; Nov. 26, 1977.
18. *Murder of Fred Hampton (1969) // It's About Time – Black Panther Party Legacy & Alumni*. URL: http://www.itsabouttimebpp.com/Chapter_History/pdf/Chicago/Murder_of_Fred_Hampton_1969.pdf (accessed: 15.04.2023)
19. *New York Times* (1976). March 14, 1976; Dec. 10, 1976.
20. Newton H.P. (2009). *To Die for the People*. New York.
21. Newton H.P. (2000). *War Against The Panthers: A Study Of Repression In America*. - Harlem River Press.
22. Orr M. (2010). *The Failure of Neoliberal Globalization and the End of Empire // Berberoglu B. Globalization in the 21st Century: Labor, Capital, and the State on a World Scale*. Springer. P. 182.
23. Stanton M. 2000. *From Selma to Sorrow: The Life and Death of Viola Liuzzo*. University of Georgia Press.
24. *Time magazine*. (1970). Dec. 14.
25. U.S. House Committee on Governmental Operations, Subcommittee on Governmental Information and Individual Rights. *Hearings on Justice Department Internal Investigations Policies*. (1977). N. 95.
26. U.S. House Committee on Internal Security, *Hearings on Domestic Intelligence Operations for Internal Security Purposes*. (1974). N. 93.
27. U.S. House, Committee on the Judiciary, Subcommittee on Civil and Constitutional Rights, *Hearings on FBI Counterintelligence Programs*. (1974). N. 93.
28. U.S. Senate. Select Committee to Study Governmental Operations With Respect to

Intelligence Activities, Final Report, Intelligence Activities and the Rights of Americans. (1976). Book II. N. 94.

29. U.S. Senate. Select Committee to Study Governmental Operations With Respect to Intelligence Activities, Final Report, Supplementary Detailed Staff Reports on Intelligence Activities and the Rights of Americans. (1976). Book III. N. 94.

30. U.S. Senate. Select Committee to Study Governmental Operations With Respect to Intelligence Activities, Hearings on Intelligence Activities. (1975). Book I. N. 94.

31. Uncommon Courage: The Viola Liuzzo Story. (2003). URL: <https://web.archive.org/web/20060223045502/http://www.plantingseedsmedia.com/violaliuzzo.html> (accessed: 15.04.2023)

32. Ungar S. (1976). FBI.

33. Walby K., Monaghan J. (2016). Private Eyes and Public Order: Policing and Surveillance in the Suppression of Animal Rights Activists in Canada // Bezanson K, Webber M. Rethinking Society in the 21st Century. Toronto: Canadian Scholars. P. 148.

34. Weiner T. (2012). Enemies: A History of the FBI. New York: Random House.

35. William Sullivan testimony. (1975). Nov. 1.

36. Wise D. (1976). The American police state: The government against the people Hardcover.

37. Wolf P. (2001). COINTELPRO: The Untold American Story// World Conference Against Racism. Durbin, 1 September. P. 11.

Об авторе

Закиров Алмаз Васильевич – кандидат исторических наук, директор Автономной некоммерческой организации «Научно-исследовательский центр «Институт мировой политики и экономики»» (Россия), E-mail: almazakiro@yandex.ru

Zakirov Almaz Vasilovich – Candidate of Historical Sciences, Director of the Autonomous non-profit organization Research Center «Institute of World Politics and Economics» (Russia), E-mail: almazakiro@yandex.ru

Колмаков М.А., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

БОРЬБА ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА ВЕЛИКОБРИТАНИИ РОБЕРТА УОЛПОЛА С ОППОЗИЦИЕЙ В 20-Е ГОДЫ XVIII ВЕКА

Роберт Уолпол впервые был избран в парламент в 1701 г. В начале политической карьеры работал во многих парламентских комитетах. В 1721 г. Уолпол становится первым премьер-министром Великобритании. В течение оставшейся части правления Георга I влияние Уолпола на высшие эшелоны власти постоянно увеличивалось. В это время закладываются принципы взаимодействия Уолпола с британской короной, парламентом и правительством в рамках внутривластной борьбы. Политик постепенно закрепляет свою власть на правительственном уровне, вырабатывая новую внутреннюю модель государственного устройства, которая заключалась в укреплении власти группировки вигов через систему политического контроля над оппозицией в парламенте и министерстве. Основная цель внутренней политики Уолпола состояла в том, чтобы члены парламента и министры работали в интересах Ганноверской династии, тем самым распределяя финансы между своими оппонентами по группировке вигов. В таких реалиях политическая власть оппозиции постепенно уменьшалась, а влияние Уолпола на короля, парламента и министерства постепенно возрастала. В итоге Уолпол сохранил парламента и министерство на своей стороне, поддерживая Ганноверскую династию, в том числе благодаря введению низких экспортных пошлин и сокращению государственного долга. Деятельность Роберта Уолпола являлась отражением внутренней политики Великобритании в 20-е годы XVIII века, которая показывала тенденции и настроения, существовавшие в стране.

Ключевые слова: Роберт Уолпол, Георг I, парламента, правительство, премьер-министр, виги, тори.

DOI:10.22281/2413-9912-2023-07-02-79-90

Введение

В статье раскрыты проблемы политической борьбы между первым премьер-министром Великобритании и оппозицией в 20-е годы XVIII века. В первые годы правления Роберта Уолпола было очень важно подавить всех своих политических конкурентов. Данная статья представляет собой попытку разобраться в способах и методах, которые использовал Уолпол, чтобы укрепить свою власть.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования является общественно-политическая жизнь Великобритании в 20-е годы XVIII века. Теоретико-методологическая основа исследования обусловлена тематикой и проблематикой данной статьи. Соблюдены принципы историзма, объективности и систематичности. Применительно к конкретно-исторической теме, какой, несомненно, является проблема политической борьбы, в контексте исторического анализа рассматривается роль Роберта Уолпола в общественно-политической жизни Англии в 20-е годы XVIII века, для этого использовались методы исследования, к числу которых относятся проблемно-хронологический и сравнительно-исторический.

Результаты и их обсуждения

В течение первых лет премьерства Уолпол смог использовать политический кризис «Компании Южных морей» для укрепления покровительства над министрами в правительстве. Первая сессия нового парламента открылась 9 октября 1722 г. – на 3 месяца раньше, чем обычно было при Уолполе, в связи с тем, что благодаря информации, предоставленной герцогом Орлеанским, регентом Франции, обострились слухи о «заговоре Аттербери».

Целью «заговора Аттербери» являлось возвращение династии Стюартов на британский престол. Участники заговора планировали восстание в каждом графстве при поддержке ирландских и испанских войск. В том числе заговор предусматривал убийство короля и премьер-министра. В ответ Уолпол с присущей ему энергией, по словам одного неизвестного памфлетиста, «принял активное участие в раскрытии этой тёмной тайны» [9, p. 554]. Его политическое спокойствие по отношению к мятежникам проявилась в том, что против епископа Аттербери он выдвинул билль о наказаниях и взысканиях, а не использовал смертную казнь. В результате палата общин проголосовала по биллю о наказаниях и взысканиях в отношении самого

Аттербери, но практически 90 % членов парламента от тори проголосовали против его принятия. Тори понимали, что вслед за биллем последует судебное разбирательство, которое доставит им много неприятностей. Хотя премьер-министр, виг Уолпол принял решения не преследовать тори, которые, как ему было известно, участвовали в заговоре, сами тори были деморализованы и в большинстве своем временно не принимали участия в работе парламента. А сам Уолпол свидетельствовал против епископа Аттербери в палате лордов, где состоялась памятная «дуэль умов». По мнению современников, «Уолпол был гораздо сильнее епископа на каждом шагу» [9, р. 554]. После рассмотрения вопроса в парламенте дело Аттербери решено было перенаправить в суд.

Судебный процесс протекал нелегко из-за нехватки в большинстве случаев правовых доказательств, чтобы наказать преступников по закону. По ходу судебного заседания необходимо было огласить против заговорщиков такое наказание, которое обезопасило бы правительство от подобных инцидентов в будущем. Но прямых улик об участии Аттербери в антиправительственном заговоре не было. Обвинение строилось главным образом на интерпретации его перехваченной корреспонденции. В итоге суд вынес решение заключить Аттербери в Тауэр с последующей высылкой из Англии. Приговор суда вызвал возмущение тори, а также протест со стороны Свифта и Поупа, которые были друзьями Аттербери. Впрочем, законопроект о наказании за преступление, не караемое смертной казнью по отношению Аттербери и его агентам, был принят большинством в 264 голоса, при этом 102 члена палаты общин проголосовали против.

Но все доводы в деле против Аттербери были только на руку Уолполу. Он четко и целенаправленно шел к данному исходу дела, попутно проводя в жизнь другую свою идею, к воплощению которой стремился на всём протяжении слушания дела Аттербери. Таким образом Уолпол хотел объединить силы вигов против тори на фоне якобитского заговора против короля. И у премьер-министра получилось реализовать свой план. Доказательством противостояния двух группировок в процессе слушания дела Аттербери служат слова

парламентария Онслоу, который говорил, что «виги почти повсеместно при помощи суда добились наибольшего количественного дисбаланса в палате общин» [17, р. 513].

Дело Аттербери значительно укрепило позиции Уолпола в парламенте. В министерстве заговор помог ему завоевать поддержку таких важных фигур, как герцог Ньюкасл, который ранее был сторонником Чарльза Спенсера. В итоге антиякобитская истерия Уолпола сплотила вигов и помогла восстановить репутацию Уолпола как защитника принципов вигской политики и ганноверской преемственности.

В феврале 1721 г. после провала «Компании Южных морей» была обнародована новость о реорганизации министерства. На смену старому правительству Стэнхопа и Чарльза Спенсера пришли новые лидеры Великобритании в лице Уолпола и Тауншенда [24, р. 210-245]. Первый стал председателем правительства, а Тауншенд выступил в роли заместителя, занимая должность северного секретаря. Но положение Уолпола отнюдь не было спокойным. На тот момент большую угрозу для премьер-министра всё ещё представлял престарелый граф Чарльз Спенсер и молодой виг лорд Картерет.

Будущему успеху к министерскому долготетию Уолпола способствовала не только его финансовая политика. Во многом это было связано с его навыками парламентского управления и контролем за правительственными должностями. Как заметил герцог Портлендский в 1725 г., «Уолпол никогда ничего не делает просто так» [8, р. 523]. А Французский меморандум 1736 г. утверждал, что, пока Уолпол контролирует политиков, он будет пользоваться надежным парламентским большинством, и что, пока у него есть большинство, он сохранит свой контроль над министрами» [8, р. 523]. Согласно меморандуму, оппозиции будет очень трудно разорвать этот круг.

Чтобы взять контроль и покровительство над правительством и парламентом в начале 20-х гг. XVIII в., Уолполу необходимо было первым делом убрать Спенсера с политической арены. Открытое политическое соперничество Уолпола и Спенсера началось в 1722 г. после старта избирательной кампании в парламент. Между политическими

соперниками соотношение сил постоянно менялось. Однако 31 марта, когда были подведены промежуточные итоги выборов во всех английских городках, кроме тех, что входили в состав графства Корнуолл, герцог Ньюкасл писал Чарльзу Спенсеру: «Все выборы, в которых я был заинтересован, как на севере, так и на юге, за исключением графств Сассекс и Ноттингем, теперь окончены... Из 28 членов от графства Сассекс только 3 представителя тори там победили...» [20, р. 221]. Герцог Ньюкасл продолжил: «Прошу Чарльза Спенсера ознакомить короля с успехом нашей службы... Я смогу неделю или десять дней подождать короля в резиденции на Пикадилли, чтобы сообщить радостные новости...» [20, р. 221]. Переписка свидетельствует, что Чарльз Спенсер был заинтересован в безоговорочной победе вигов и всеми имеющимися политическими способами пытался заручиться поддержкой короля, показав, что именно он является лидером вигов, а не Уолпол. Но Спенсер не учёл результаты выборов в Шотландии. Там шла ожесточённая борьба между местными депутатами и людьми Уолпола. Объективно герцог Ньюкасл в письме преувеличивал успех подопечных Спенсера.

Столкнувшись с настоящим натиском требований о преимуществах покровительства на местах, Уолпол всеми силами бросился выполнять намеченный план. Он хорошо разбирался в управлении ресурсами для поддержки своих сторонников (пенсии – как денежные выплаты) [1, с. 50], имевшимися в его распоряжении. Как глава казначейства, он был в курсе основных тенденций политической борьбы, хотя были сферы, особенно армия, церковь и Шотландия, где его влияние было ограничено из-за роли других покровителей – таких, как граф Илай, который зависел от короля. Но и данное обстоятельство не означало, что Уолпол не имел влияния в этих областях. Его отношение с графом Илаем строилось вокруг борьбы против политических сил герцога Роксбурга.

В Шотландии борьба шла не между вигами и тори, а между двумя противоборствующими фракциями вигов. Одну возглавлял герцог Аргайл и его брат, лорд Илай, а второй руководил герцог Роксбург. Стоит сказать, что герцог Аргайл и граф Илай являлись

давними экономическими партнёрами Уолпола. В конечном счёте политический союз между Уолполем и графом Илаем не сулил успеха группировке герцога Роксбурга в Шотландии. Один из представителей якобитов описывал ход выборов в Шотландии: «Очень многие из друзей короля [т.е. претендента на трон] будут представлять свои кандидатуры от имени палаты общин, и правда в том, что мы не предавали этому значение, будучи уверенным, что лишь малая часть или вообще никто из них не будет избран, но они были избраны, причем успех был грандиозным» [16, р. 308].

В итоге всеобщие выборы закончились обретением 379 мест вигами и 178 тори, что на 38 больше, чем в выборах 1715 г. 154 участника, а это на 35 больше, чем в 1715 г., подали рекордное количества судебных исков – 99, только 24 из которых были приняты на рассмотрение. Судебной коллегии пришлось рассмотреть 24 апелляции, и 9 представителей тори заменили на вигов. Таким образом, в новую палату общин вошло 389 вигов и 169 тори при минимально возможном большинстве в 220 депутатов [5, р. 31]. Это был грандиозный успех для Уолпола и его соратников. Он доказал королю, принцу и всем своим оппонентам, что власть в стране будет принадлежать только вигам. А Георгу I ничего не оставалось делать, кроме как продемонстрировать свою готовность всецело подчинить интересы ганноверской династии интересам Уолпола.

После неудачи на выборах давний соперник Уолпола граф Чарльз Спенсер потерял место в министерстве. В апреле 1722 г. он попытался убрать противника с помощью своих сторонников вигов в палате общин. Тем самым Чарльз Спенсер хотел закрепить свои позиции в парламенте, сместив депутатов вигов, которые поддержали Уолпола на посту премьер-министра. Но сделать это у Спенсера не получилось.

Далее Чарльз Спенсер пытался найти общий язык с оппозиционно настроенными тори для того, чтобы они перешли на сторону вигов. Но план Спенсера по воссоединению с тори провалился. В надежде избавиться от Уолпола он предложил королю пожизненно назначить того на должность главного почтмейстера – таким образом Уолпол потерял бы

место в парламенте и, соответственно, в министерстве. На это предложение король ответил престарелому и больному графу Спенсеру: «Я больше никогда не расстанусь с Уолполом...» [9, р. 63]. А меньше чем через три недели, 19 апреля, Чарльз Спенсер умер, наконец оставив Уолпола хозяином в кабинете министров и парламенте.

После окончания первой парламентской сессии Джордж Бейлли, единственный член казначейства Чарльза Спенсера, который сохранил свое место после прихода Уолпола, 10 июля 1723 г. писал: «У Уолпола, несомненно, есть скрытые враги, которые завидуют ему и будут готовы при случае объединиться с другими против него, но, закрыв глаза на детали, он остается хозяином положения: он извлек уроки из всего, что произошло с ним в прошлом, его рекомендуют на самое высокооплачиваемое посты, а также на множество более мелких, которые зависят от доходов. Это делает его положение настолько непоколебимым, что ему нечего опасаться, кроме как если угроза будет исходить от подавляющего преимущества вигов в парламенте, так как невозможно удовлетворить интересы всех их, и недовольные могут присоединиться к тори, которые малочисленны в палате общин» [13, р. 63]. Бейлли в своём послании напомнил о совместной борьбе недовольных вигов против планов Уолпола в правительстве. Вскоре идея автора обрела конкретные контуры.

В это время начала зарождаться новая оппозиция в правительстве. В её центре стоял лорд Джон Картерет, которого Чарльз Спенсер предложил в качестве преемника Джеймса Краггса-младшего 5 марта 1721 г. Картерет, в свою очередь, последовал примеру покойного Чарльза Спенсера, тоже интриговал с немецкими родственниками короля. Интриги нужны были, чтобы заполучить доверие короля Георга. К тому же Картерет смог заручиться поддержкой оппозиции в палате общин в лице Дэниела Палтни и сэра Джона Барнарда, главных противников Уолпола в финансовых вопросах.

В июне 1722 г. при дворе короля распространились сплетни, что Картерет становится фаворитом Георга I. Один из парламентариев заметил, что «в настоящее время Картерет имеет все шансы претендовать на пост

премьер-министра» [18, р. 328]. К тому же Картерет прекрасно владел немецким языком. Его способность вести переговоры по-немецки с королем только злила Уолпола и заставляла ненавидеть его. Естественно, что для Уолпола это был сигнал для решительных действий против Картерета.

Случай для политической атаки Уолпола на Картерета представился летом 1723 г. На тот момент Тауншенд и Картерет – два министра – сопровождали короля в Ганновер, предоставив Уолполу безраздельно властвовать в Англии. В ту пору политическая жизнь была настолько спокойной для Уолпола, что 30 августа 1723 г. тот хвастался Тауншенду, «что за день он может с лёгкостью получить 3 фунта 12 шиллингов и 6 пенсов» [23, р. 188]. К тому времени в Ганноверском суде шла тяжба между Тауншендом, поддерживаемым герцогиней Кендал, и Картеретом в союзе с фавориткой Георга I Шарлоттой фон Платен и ганноверскими министрами Бернсторфом и Ботмаром. На повестке дня стоял вопрос выплаты крупных денежных сумм Шарлоте фон Платен, полученных от «Компании Южных морей». Судебный процесс завершился неудачей для Тауншенда. Картерет, используя своё влияние на Георга I, через Шарлотту фон Платен решает заменить дипломата в Париже 12 октября 1723 г. В результате на смену Горацио Уолполу пришел человек Картерета – сэр Люк Шауб, давний противник внешней политики Уолпола. Картерет тем временем искал сторонников в парламенте и планировал коалицию с тори с целью сместить Уолпола. Об этой интриге Уолполу в июле 1723 г. сообщил Болингброк, который получил прощение годом ранее. Болингброк предложил Уолполу принять его помощь в формировании коалиции против Картерета. Но Уолпол не стал приглашать Болингброка из-за связей с якобитами. Когда Чарльз Спенсер делал аналогичное предложение в 1719 г., один из современников вспоминает, что «г-н Уолпол принял решение стоять до конца или пасть с вигами» [7, р. 38]. И в этот раз он твердо отверг предложение Болингброка. Именно в этот период он обнаружил, что Палтни состоит в тайной переписке с Картеретом, и с этого момента больше никогда не доверял ему как политику.

Успех Уолпола в этой политической

схватке за доверие короля выразился в увольнении Картерета с должности министра и его назначении на пост лорд-лейтенанта Ирландии 3 апреля 1724 г. Должность Картерета Уолпол предоставил герцогу Ньюкасла, «когда понял, как хлопотно держать в этом кабинете ненадёжного человека» [7, р. 38]. Именно с этого момента можно вести отсчет решительным действиям Уолпола по выдавлению политических конкурентов из правительства. Естественным следствием этого было то, что ряды вигов постоянно пополнялись людьми Уолпола.

В следующем месяце Уолпол поздравил с точным прогнозом финансового обогащения Георга I и с процветанием условий государственного кредита: «Я думаю, что на следующий год у нас будут займы под 3 процента». В 1721 г. епископ Гибсон заявил, что «до тех пор, пока наши великие люди продолжают договариваться между собой, все будет идти очень хорошо». Однако этому не суждено было сбыться. Уолполу пришлось упорно бороться в 1723-1725 гг., чтобы отстранить от власти своих противников в министерстве: Кадогана, Картерета, Макклсфилда и Роксбурга. В конце 1723 г. Картерет возлагал большие надежды на то, что Кадоган и Роксбург смогут сформировать коалицию, но на практике устранение соперников на посту министра не принесло стабильное правление Уолполу [7, р. 38].

10 июня 1723 г. король наградил Уолпола за службу, даровав его старшему сыну, пэру Роберту, титул лорда Уолпола Уолпольского. Сам министр отказался от такой чести. Это прецедент является главным свидетельством того, что средоточием важнейших политических сил власти Уолпол считал палату общин, через которую можно контролировать короля за счёт взвешенной политики покровительства над депутатами.

Так, многие встречи Уолпола с королем касались вопросов покровительства, и большая часть его сохранившейся переписки была посвящена этой проблеме [8, р. 58]. Широкий характер влияния Уолпола, роль парламентской поддержки и сложные перестановки, к которым привели решения о покровительстве, иллюстрируются письмом от 1726 г. от Ричарда Аранделла своему другу, 3-му графу Берлингтону, в интересах

которого он заседал в палате общин в качестве члена парламента от Кнаресборо с 1720 г. до своей смерти в 1758 г. В 1726 г. должность генерального инспектора стала вакантной. Ричард Аранделл пишет: «сэр Роберт Уолпол рекомендовал меня королю, который согласился дать мне работу. Были приложены огромные усилия, чтобы сделать Кента инспектором, хотя и безрезультатно, и он (сэр Роберт) вчера сказал мне, что он был обязан Рипли отменить рекомендацию герцога Девонширского и вывести Говарда из состава инспекции, что он поговорил с королем, чтобы назначить Кента на работу Рипли, что было согласовано» [8, р. 58].

После того, как Уолпол стал покровителем вигов на парламентских выборах, он начал разрабатывать экономические реформы для стабилизации финансового положения в стране. В тронной речи прозвучали предложения Уолпола обновить экономику Великобритании. Он рекомендовал снять экспортные пошлины со 106 изделий британского производства, а импортные пошлины — с 38 изделий из сырья [23, р. 188]. Премьер-министр также освободил колонии от экспортных пошлин на морские припасы, надеясь стимулировать поставки для военно-морского флота и тем самым сделать страну независимой от политической ситуации в Балтии.

Именно в это время Уолпол изменил традиционное отношение государственных деятелей к импорту. Импортные товары следовало рассматривать как сырье для производства, а не как навязчивую иностранную продукцию. По его мнению, стимулирование импорта будет способствовать экспорту, который до этого времени занимал исключительно монопольное положение. Вполне вероятно, что советником Уолпола в этом вопросе был Артур Мур, который был настоящим автором торгового договора Бонлингброка с Францией в 1713 г. [23, р. 188].

В последующем Уолполу нужно было решать экономические проблемы в Ирландии и Шотландии, чтобы установить контроль над местными чиновниками. В то время изгнанный из министерства Картерет прибыл в Ирландию 23 октября 1724 г. в разгар волнений, вызванных «вудовским полупенсом», чтобы поддержать Георга I. А проблема была в следующем: право чеканить монеты Чарльз

Спенсер даровал герцогине Кендала, которая продала его Вуду. Уолпол возражал против этого права, но, как первый лорд казначейства, вынужден был выполнить приказ короля от 23 августа 1722 г., разрешающий «Уильяму Вуду из Вулверхэмптона основать в Бристоле или рядом с ним свое ведомство для реализации патента, дающего ему исключительное право и полномочия чеканить медные фартинги и полупенсы для использования в Ирландии» [17, р. 79]. Стоимость выпускаемых монет не должна была превышать 108 000 фунтов стерлингов. В Ирландии стало зреть недовольство: мало того, что были обойдены права местного парламента, так еще ввозимая монета оказалась очень плохого качества. Ирландский парламент направил ноту протеста в Лондон, но получил ответ, что вся операция проведена в соответствии с законом, а представленная Вудом монета имеет великолепное качество. Уолпол начал усердно расследовать причины протестов. В письме к Тауншенду от 12 октября 1723 г. он подробно описал, что они совершенно безосновательны и подкрепил свое мнение вердиктом опытного политика [23, р. 189]. Уолпол выступал в данной ситуации за решительные меры. 24 сентября и 3 октября 1723 г. он написал гневные письма Графтону, предшественнику Картерета на посту лорда-лейтенанта, обвиняя его в слабой позиции в отношении противников патента в ирландском парламенте [23, р. 189]. Уолпол, возможно, безосновательно подозревал Картерета в подстрекательстве Бродрика, подбившего ирландскую группировку к сопротивлению английскому правительству. Но Картерет, назначенный на пост лорд-лейтенанта в качестве «изысканной мести», должен был властной рукой довести дело до конца. Говорят, что Вуд нескромно хвастался, что «мистер Уолпол заткнет им глотки этой медью» [10, р. 78].

Однако Уолпол пошел на уступки и порекомендовал королю импортировать в Ирландию монет на 40 000 ф. ст. вместо 100 000 ф. ст. В ответ Хью Бултер 19 января 1724 г. предупредил министерство, что противники не согласятся даже на сокращение до 20 000 ф. ст. И он был прав. 4 августа появилось второе «письмо суконщика», называющего уступку Уолпола столь же дикой, сколь и первоначальное право чеканки монет. Джонатан Свифт, а это именно он был под псевдонимом

суконщика, доказывал, что новая неполноценная монета вытеснит из обращения все золото и серебро и станет единственной обращающейся в Ирландии монетой. Свифт утверждал, что надо всем дружно отказаться от приема новой монеты, чтобы страна не погибла. Свифт писал о своих мерах: «Что касается меня лично, то я уже решил, что делать: у меня в лавке есть немалый запас ирландских сукон и шелков, и вместо того, чтобы принимать вудовскую дрянную медь, я намереваюсь предложить моим соседям, мясникам, пекарям, пивоварам и другим товар за товар. А то небольшое количество золота и серебра, что я имею, я буду беречь как кровь сердца моего до лучших времен или до минуты, когда ничего не останется, как подышать с голода...» [2, с. 237].

Уолпол не стал дожидаться очередных беспорядков в Ирландии, понимая, что ему ничего не остается, кроме как полностью отозвать патент, и написал об этом в Ньюкасл 1 сентября 1724 г. Но Тауншенд и король по-прежнему выступали за решительные меры. Картерет, чье личное мнение, как известно, было в пользу патента, отправился в Ирландию, решив вернуть королевскую благосклонность своим рвением в обеспечении соблюдения требования короны. Но к декабрю Картерет согласился с мнением Уолпола, и в мае 1725 г. король, по совету Уолпола, аннулировал патент. Это была чистая победа Уолпола, которая повысила авторитет премьер-министра в Ирландии.

Проблемы возникли, пусть и иного рода, и в Шотландии. Там в 1725 г. начались беспорядки. Причиной стали события февраля 1724 г., когда английские сквайры в парламенте выразили недовольство из-за уклонения шотландцев от своей доли налога на солод. Уолпол, опасаясь пробудить в Шотландии скрытое недовольство, сначала сопротивлялся предложению обеспечить взимание налога. Но в декабре 1724 г. было принято решение вместо налога на солод установить в Шотландии пошлину на пиво в размере шести пенсов. А в июле 1725 г. большая дороговизна пошлин на пиво побудила заключить соглашение между пивоварами Эдинбурга и Глазго о прекращении пивоварения. В результате соглашение, как ожидалось, приведет к новым беспорядкам на

улице и недовольству среди простых шотландцев [21, р. 274].

Уолпол имел основания полагать, что беспорядки раздувал в политических целях герцог Роксбург, представитель фракции Картерета и министр Шотландии, который был убежден, что они добьются отставки премьер-министра Великобритании. 25 августа 1725 г. герцог был снят со своего поста. Взамен Уолпол сделал своего доверенного друга, графа Айлея, позже – лорда хранителя печати Шотландии главой этой страны от лица правительства. В соответствии с инструкциями Уолпола и будучи его представителем в Шотландии, граф взимал налог и подавлял союз пивоваров.

Решив политические проблемы с Картеретом, Уолпол столкнулся с новой оппозицией в Лондоне в апреле 1725 г., когда Уильям Палтни, не получив должность государственного секретаря, «поставил себя во главе оппонентов королевского двора и не планировал ничего, кроме разорения сэра Роберта Уолпола, на которого он возложил весь груз ответственности за непростительный поступок, когда Уолпол назначил герцога Ньюкасла на тот пост, на который он претендовал» [11, р. 496]. Палтни мечтал о должности секретаря южной части Великобритании, но Уолпол выбрал на это место своего друга герцога Ньюкасла. В результате Палтни оказался за бортом политической жизни страны и сильно озлобился на Уолпола.

Случай для политического реванша представился Палтни в сентябре 1725 г., когда ганноверский союз, заключенный между Англией и Францией в противовес австро-испанскому союзу, подписанному ранее в этом же году, поставил Европу на грань всеобщей войны. 29 ноября 1725 г. Уолпол сообщал Тауншенду в Ганновер, что «Палтнисты», то есть Уильям и его двоюродный брат Дэниэл, который разделял его оппозиционные настроения, возлагали большие надежды на те сложности, которые, как они сами себя уверяли, возникнут на поприще внешней политики, особенно в связи с ганноверским союзом. Уолпол писал Тауншенду: «Меня так и подмывало открыть некоторые из писем... . Сделав это, я обнаружил в них все то, что и предполагал» [6, р. 194]. В письме было сказано, что Палтни хочет вместе с графом Стахрембергом

помешать планам ганноверского союза. Целью они ставили подрыв политического авторитета Уолпола перед короной. Но задумки Палтни осуществить не удалось.

После неприятного прецедента с Палтни и в последующем Уолпол проявил на время безразличие к внешней политике. Французский резидент в Великобритании де Палм писал своему императору 13 декабря 1726 г.: «Сэр Роберт Уолпол не вмешивается в международные дела, но получает о них общие отчеты, предоставляя все остальное лорду Тауншенду» [9, р. 504]. Взамен Уолпол безраздельно завладел внутренней политикой. В это время он зарекомендовал себя первым великим министром торговли со времен Томаса Кромвеля.

Далее сессия парламента в 1725 г. запомнилась импичментом, вынесенным лорд-канцлеру графу Макклсфилду по обвинению в коррупции. В правительстве ходили сплетни, что Уолпол завидовал личному влиянию канцлера на короля и немецких министров. Уолпол сам предпринял решительные меры, назначив комитет тайного совета для расследования слухов против Макклсфилда, а друг Уолпола, сэр Джордж Оксенден, перенес импичмент в палату общин. С другой стороны, Уильям Палтни, находящийся в открытой оппозиции, и сэр Уильям Уиндем, лидер тори, защищали канцлера до последнего. В итоге лорд Макклсфилда обвинили в организации продажи судебных должностей и приказали выплатить штраф. Но после смерти Георга I Уолпол отказался переводить Макклсфилду деньги из казны в счет погашения штрафа в размере 30 000 фунтов стерлингов, которые обещал ему король. В результате Макклсфилду пришлось покинуть свою должность.

Принц Георг начал недолюбливать Уолпола из-за переговоров о примирении в королевской семье, которые тот вел в 1720 г. К 1726 г. ни для кого было не секретом, что принц «относится к Уолполу очень отстраненно и холодно, мягко говоря, и проявляет свою неприязнь при каждом удобном случае» [3, р. 175]. Из-за неожиданной смерти Георга I во время поездки в Ганновер 11 июня 1727 г. мнение нового короля приобрело исключительное политическое значение. 14 июня Уолпол сам принес эту новость королю и королеве в

Ричмонде и получил краткую инструкцию: «Отправляйтесь в Чизвик и следуйте указаниям сэра Спенсера Комптона» [14, р. 191].

Это не было неожиданностью: все были уверены, что место Уолпола займет Комптон, спикер палаты общин и по совместительству казначей принца. Уолпол придерживался того же мнения, признавшись Артуру Онслоу, что он будет доволен любым местом при дворе, «даже под началом казначея» [15, р. 66]. Однако в тот же день Комптон обратился к Уолполу за помощью в составлении нового обращения короля к тайному совету, а на следующий день Георг II обсуждал с Уолполом гражданский лист. Уолпол в этот момент воспользовался возможностью убедить короля убрать Комптона. И уже 15 июня французский посол сообщил, что прежнее министерство останется на своем посту, и в течение трех недель Комптон, признавая, что доверие к нему упало, «прекратил постоянное присутствие» [15, р. 67] у короля.

Заключение

Почему Уолпол выстоял, несмотря на то, что все ожидали его замены? Во-первых, Уолпол в 1727 г. нельзя было заменить на заведомо слабого Комптона. Во-вторых, в оппозиции не было на тот момент лидера, способного эффективно управлять [12, р. 82]. В-третьих, принц Уэльский поддерживал связи со двором до середины 1720-х гг., в частности, посредством герцога Девонширского, друга Уолпола и лорда-председателя совета, которого принимали в Лестер-хаус. Друзья принца тоже не были обделены вниманием – граф Скарборо, например, получил орден Подвязки. Однако гораздо большее значение имела дружба Уолпола с королевой Каролиной. В отличие от многих политиков, включая Комптона, он никогда не обхаживал новую королевскую фаворитку Генриетту Говард, понимая, что она не пользуется политическим влиянием. Как он однажды грубовато выразился, Комптон «поставил не на ту лошадь... а я – на ту» [4, р. 156]. Конечно, Уолпол и ряд современников считали его власть свидетельством влияния Каролины в начале правления нового короля. Лорд Харви также подчеркнул роль Уолпола в получении одобрения парламента на гражданский лист для Георга II в размере 800 000 фунтов стерлингов в год (на 100 000 больше, чем было у отца) плюс 100 000 на

королеву. Это «непомерное увеличение» [15, р. 169] было, конечно, приятно королю, но не стоит придавать ему слишком большое значение. Реальное значение нового гражданского листа состояло в том, что он своевременно показал Георгу непревзойденную способность Уолпола заручиться поддержкой палаты общин в интересах короля. А это лишь еще раз подтвердило мнение о Уолполе, которое он слышал от королевы.

Уолпол сохранил свое положение, но в некотором отношении оно ослабло по сравнению с последними годами правления Георга I. Важные посты занимали люди, на которых он мало влиял. Так, Скарборо стал королевским шталмейстером, а Август Шульц заменил виконта Мальпаса, своего зятя, на должности королевского камергера. Еще один верный соратник Уолпола, сэр Уильям Йондж, был снят с должности главного инспектора казначейства. Но самое главное, что Комптон удержал свой пост казначея и получил звание пэра лорда Уилмингтона, сохранив место в министерстве. Неизменная благосклонность к нему короля проявилась в том, что он стал лордом-председателем совета в 1730 г. Даже в церкви влияние Уолпола было ограничено упорным желанием королевы назначить сторонника высокой церкви и бывшего тори Томаса Шерлока в епископство Бангора. Сам Уолпол, похоже, чувствовал себя уязвимым. В конце 1727 г. он жаловался, что, несмотря на «большое доверие» короля, его «атаковали» те, кто были разочарованы в начале нового правления.

Притом в разгар дворцовых интриг давний соратник Уолпола, Тауншенд, желал ослабить позиции Уолпола. Тауншенд хотел вместо герцога Ньюкасла поставить на пост министра своего сподвижника Честерфилда, чтобы укрепить свои позиции во внешней политике. Но в 1726 г. граф Честерфилд стал главным союзником Картерета в палате лордов. И наоборот, Уолпол считал смерть герцога Девонширского в 1729 г. возможностью вытеснить Тауншенда, сделав его лордом-председателем. Главным недостатком позиции Тауншенда было отсутствие у него влияния при дворе. Отношения Уолпола с Георгом II постепенно улучшались, и король не был готов отправить его в отставку. Но самое главное, что ось Каролина – Уолпол была

нерушима, давая Уолполу огромное преимущество перед своим соперником. Победа Уолпола над Тауншендом не была такой уж предсказуемой. В первые годы нового правления ходили различные слухи о восстановлении министерства. Но длительный период министерской нестабильности наконец закончился отставкой Тауншенда 16 мая 1730 г. Она свидетельствовала о том, что Тауншенд проиграл в ходе этой «борьбы за власть», как её называл епископ Гибсон [19].

До 1727 г. лорд Тауншенд разделял вместе с Уолполом как его влияние, так и непопулярность. Но смерть Георга I и восшествие на престол нового короля привели к тому, что Уолпол остался один под пристальным вниманием со стороны общества. С помощью ловкого манипулирования Георгом II и особенно королевой Каролиной Уолпол к 1730 г. оттеснил от власти всех своих соперников, включая Тауншенда. В результате Уолпол вскоре оказался один на таких высотах, которых не достигал никто со времен Дэнби в 70-х годах XVII в. Гегемония Уолпола с неизбежностью вызвала в отношении его личности дружный журналистский огонь со стороны Граб-стрит. Его называли «Великаном», «Английским колоссом», «Человеком-горой». Кроме того, Уолпола изображали как истинного представителя политики обмана: «Норфолкский ловкач», «Раешник-савояр», «Палинур-волшебник», «Мерлин-колдун», «Хозяин закулисья» и т. п. Его мастерство в управлении раздражительным и непредсказуемым Георгом II, а также установленный им контроль над неуправляемым ранее парламентом объявлялись в бесчисленных памфлетах и листках.

Многие современники, однако, по-разному толковали положение Уолпола. Его долгое пребывание в должности министра короля оказалось поразительной демонстрацией его политического превосходства, и именно с этого момента, возможно, начинается настоящая перемена в общепринятом представлении об Уолполе. Его описание как «великого человека» может быть найдено уже в 1725 г. [25], но эта фраза стала общепринятой только после восхождения Георга II на престол. В июле 1727 г. издание *The Craftsman* придумало слово «Робинократия» для описания режима Уолпола [22].

С другой стороны, на тот момент используемые Уолполом механизмы управления отнюдь не отличались новизной. По крайней мере, со времен Карла II они применялись сменяющимися друг друга министрами для создания и поддержки значительной придворной группировки в палате общин.

За эти годы Уолполу удалось многого добиться. Как в парламенте, так и в правительстве он неуклонно создавал сплоченную команду своих сторонников, входящих в группировку вигов. Ему удалось навсегда покончить с какой-либо возможностью как прихода к власти тори, так и возвращения низложенных Стюартов на английский престол. Весь свой административный талант он использовал для перестройки устаревшей финансовой системы. При его активной поддержке налоги были сокращены, стала развиваться торговля. В области внешней политики Уолпол завершил длительный конфликт с Испанией.

Более удивительной выглядит комбинация талантов, позволившая Уолполу с таким же мастерством управлять членами парламента. Его решение остаться в палате общин после назначения на должность первого министра в данном отношении оказалось в определенной степени решающим. Если ранее министры традиционно перемещались в палату лордов, то Уолпол счел необходимым остаться в нижней палате, в конечном счёте контролируя финансовые рычаги управления. С того времени истинной основой успеха Уолпола стало считаться использование финансов страны в парламенте и правительстве.

Уолпол за первые годы нахождения у власти смог стабилизировать финансовую систему страны после войн начала XVIII вв. и кризиса «Компании Южных морей». С другой стороны, становление системы сильного правительства и вигского парламента под влиянием Уолпола, ставшего первым премьер-министром, натолкнулось на сопротивление общества и последовательные обвинения в противозаконном покровительстве политических сил.

Усиление влияния в правительстве и парламенте созданной Уолполом для управления политической системы неизбежно привели к формированию новых политических конкурентов. Кроме того, огромное желание

правительства Уолпола добиться работоспособного большинства в палате общин давало сильный стимул для появления оппозиции. Этим объясняется появление Уолпола в роли премьер-министра, способного перекинуть

мост через давнюю пропасть между монархией и палатой общин, минуя политических соперников, и ознаменовавшего новую систему взаимодействия между исполнительной и законодательной властями.

Список литературы

1. Колмаков М.А. Феномен коррупции 1720-1740 годов в высших эшелонах власти Великобритании // Вестник БГУ. Вып. 31. Брянск, 2017. С. 50.
2. Левидов М. Ю. Путешествие в некоторые отдаленные страны мысли и чувства Джонатана Свифта, сначала исследователя, а потом война в нескольких сражениях. М.: Книга, 1986. С. 237.
3. A Foreign View of England in 1725-1729: The Letters of Monsieur César de Saussure to His Family. L., 1902. P. 175.
4. Black J. George II: Puppet of the Politicians? Liverpool: Liverpool University Press, 2007, 320 p.
5. Black J. Walpole in Power. London: The History Press, 2001, 224 p.
6. Black J. Politics and Foreign Policy in the Age of George I, 1714–1727. London: Routledge, 2014, 298 p.
7. Carlisle MSS. P. 38.
8. Cobbett W. Parliamentary History of England. Vol. 7. London: Bagshaw, 1817, 664 p.
9. Coxe W. Memoirs of the Life and Administration of Sir Robert Walpole, Earl of Orford. Original Correspondence. Vol. 1. London: Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown, 1816, 359 p.
10. Craik G. Sketches of the History of Literature and Learning in England. With Specimens of the Principal Writers. Volumes 5. London: C. Knight & co. 1845, 234 p.
11. Edinburgh Review, or Critical Journal. Vol. 88. Edinburg. P. 496.
12. Flaten D. D. King George II and the Politicians: the Struggle for political Power. Dissertation Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy in the Department of History at Fordham University. New York: ETD Collection for Fordham University. 1999. 284 p.
13. Jones R. The Hanoverians: a century of growth, 1714-1815. L., 1972 P. 63.
14. Lord Hervey's memoirs of George the second. // The Eclectic Review – Vol. 24. London: Puffin., 1848. P. 191-200.
15. Plumb J. England in the eighteenth century (1714-1815). V. 7. L., Pelican, Penguin Books, 1950. P. 224.
16. Rait R. The parliaments of Scotland. Glasgow: Maclehose, Jackson and Co. 1924, 546 p.
17. Report of the Royal Commission on Historical Manuscripts. Vol. 14, Part 9. L., 1895 P. 513.
18. Sessional papers // Letters June 1710 to May 1729. Portland MSS, 7.328. Vol. 36, Part 2. L., P. 328.
19. St Andrews University Library, Gibson MS 5315.
20. Sunderland (Blenheim) // The History of Parliament: the House of Commons 1715-1754. The Second Whig Opposition, 1722-42. Vol 2. Cambridge University Press. 1970, 216 p.
21. Smith W. A Smaller History of England – From the Earliest Times to the Year 1862. New York: Sheldon and Company, 1870, 372 p.
22. The Craftsman. 1727. 2.78.
23. The Dictionary of National Biography/ Robert Walpole. Oxford, 1989. P. 188.
24. Thomas Harley to the Earl of Oxford // The Manuscripts of His Grace the Duke of Portland: Preserved at Welbeck Abbey. Vol 5. Norwich. 1899. P. 210-245.
25. Various Collections, 8. 390.

BRITISH PRIME MINISTER FIGHT ROBERT WALPOLE WITH THE OPPOSITION IN THE 20S OF THE XVIII CENTURY.

Robert Walpole was first elected to Parliament in 1701. At the beginning of his political career he worked in many parliamentary committees. In 1721 Walpole becomes the first Prime Minister of Great Britain. During the remainder of George I's reign, Walpole's influence steadily increased in the upper echelons of power. At this time, the principles of Walpole's interaction with the British crown, parliament and government were laid as part of the internal political struggle. The politician gradually consolidates his power at the government level, developing a new internal model of the state structure, which consisted in strengthening the power of the Whig group through a system of political control over the opposition in parliament and the ministry. The main goal of Walpole's domestic policy was to have MPs and ministers work in the interests of the Hanoverian dynasty, thereby distributing finances among their opponents in the Whig faction. In such realities, the political power of the opposition gradually decreased, and Walpole's influence over the king, parliament and ministries gradually increased. As a result, Walpole kept Parliament and the ministry on his side by supporting the Hanoverian dynasty, including through the introduction of low export duties and a reduction in the public debt. The activity of Robert Walpole was a reflection of the domestic policy of Great Britain in the 20s of the XVIII century, which showed the trends and moods that existed in the country.

Keywords: Robert Walpole, George I, parliament, government, prime minister, whigs, Tories.

References

1. Kolmakov M.A. (2017). Fenomen korrupcii 1720-1740 godov v visshih eshelonah vlasti Velikobritanii // Vestnik BGU. Bryansk. S. 45-52.
2. Levidov M. Y. (1986). Puteshestvie v nekotore otdalennie strani misli i chuvstva Djonatana Svifta snachala issledovatelya a potom voina v neskolkih srajeniyah. Moskva: Kniga. S. 287.
3. A Foreign View of England in 1725-1729. (1902). The Letters of Monsieur César de Saussure to His Family. P. 175.
4. Black J. (2007). George II: Puppet of the Politicians? Liverpool: Liverpool University Press. P. 320.
5. Black J. (2001). Walpole in Power. London: The History Press. P. 224.
6. Black J. (2014). Politics and Foreign Policy in the Age of George I, 1714–1727. London: Routledge. P. 298.
7. Carlisle MSS. P. 38.
8. Cobbett W. (1817). Parliamentary History of England. Vol. 7. L.: Bagshaw. P. 664.
9. Coxe W. (1816) Memoirs of the Life and Administration of Sir Robert Walpole, Earl of Orford. Original Correspondence. Vol. 1. L.: Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown. P. 359.
10. Craik G. (1845) Sketches of the History of Literature and Learning in England. With Specimens of the Principal Writers. Volumes 5. London: C. Knight & co. P. 234.
11. Edinburgh Review, or Critical Journal. (1846) Vol. 88. Edinburg. P. 496.
12. Flaten D. D. (1999). King George II and the Politicians: the Struggle for political Power. Dissertation Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy in the Department of History at Fordham University. New York: ETD Collection for Fordham University. P. 284.
13. Jones R. (1972). The Hanoverians: a century of growth, 1714-1815. L., P. 63.
14. Lord Hervey's memoirs of George the second. (1848). // The Eclectic Review – Vol. 24. London: Puffin. P. 191-200.
15. Plumb J. (1950). England in the eighteen century (1714-1815). V. 7. L., Pelican, Penguin Books, P. 224.
16. Rait R. (1924). The parliaments of Scotland. Glasgow: Maclehose, Jackson and Co. P. 546.
17. Report of the Royal Commission on Historical Manuscripts. (1895). Vol. 14, Part 9. L., P. 513.
18. Sessional papers (1724) // Letters June 1710 to May 1729. Portland MSS, 7.328. Vol. 36, Part 2. L., P. 328.
19. St Andrews University Library, Gibson MS 5315.
20. Sunderland (Blenheim). (1970). // The History of Parliament: the House of Commons 1715-1754. The Second Whig Opposition, 1722-42. Vol 2. Cambridge University Press. P. 216.
21. Smith W. (1870). A Smaller History of England – From the Earliest Times to the Year 1862.

New York: Sheldon and Company. P. 372.

22. *The Craftsman* (1727). 1727. 2.78.

23. *The Dictionary of National Biography* (1989). / Robert Walpole. Oxford. P. 188.

24. *Thomas Harley to the Earl of Oxford*. (1899). // *The Manuscripts of His Grace the Duke of Portland: Preserved at Welbeck Abbey*. Vol 5. Norwich. P. 210-245.

25. *Various Collections*, 8. 390.

Об авторе

Колмаков Михаил Александрович – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: kolpak.89@mail.ru

Kolmakov Mikhail Aleksandrovich – a postgraduate student of Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: kolpak.89@mail.ru

УДК 94(47)(470.56)

Кудланов К.Б., кандидат исторических наук, председатель молодежной секции Курского отделения РОИА (Россия)

Голубков Р.О., член Курского исторического родословного общества (Россия)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТРАЕКТОРИЙ ОДНОДВОРЧЕСКОГО ЗАСЕЛЕНИЯ ПУТИВЛЬСКОГО И ОРЛОВСКОГО УЕЗДОВ

Исследование базируется на анализе неопубликованных ранее источников РГАДА, и других нарративных источников. В статье с сер. XVI в. сопоставляются места выхода заселенцев в два служилых города, являвшихся частью Тульской оборонительной системы: Орёл и Путивль. Авторы, распределяя места выхода всех служилых сословий Путивля и Орла по траекториям заселения, установили между ними схожести и различия. Главное отличие состояло в том, что эти два уезда располагались на разных речных системах (Орёл на Окской, а Путивль – на притоках р. Десны). Это отличие накладывало свои особенности на 4 общих черты между этими уездами, которые выявили авторы. Сходство состояло, во-первых, в преобладании северного великороссийского переселенческого потока. Правда, в Орёл он протекал из городов Тульской оборонительной черты, а в Путивль – из замосковских мест. Во-вторых, в сильной окрестной траектории заселения. Только в Орёл она стекалась из передовых городов Тульской оборонительной системы, а в Путивль – из северских городов. В-третьих, в наличии местного населения, потомков вятичей в Орле, и северян – в Путивле. Однако, учитывая, что последний город не прекращал своего существования, концентрация местного населения в пределах его уезда была сильнее. Главная же схожесть изучаемых уездов состояла в методах заселения, ведь и в Путивле, и в Орле присутствовали все 3 категории служилых переселенцев: сходцы, сведенцы и местное население. В итоге авторы заключают, что в Путивльском и Орловском у. северная и местная траектории заселения являлись основными, при абсолютном доминировании первой, а остальные – вспомогательными. Таким образом, незначительное различие геолокации изучаемых уездов, не отменяло сходство общих методов и черт заселения этих местностей с сер. XVI века.

Ключевые слова: служилые люди, однодворцы, траектория, переселенцы, Путивль, Орёл, уезд, Центральное Черноземье

DOI:10.22281/2413-9912-2023-07-02-91-101

Введение

Для всей истории Центрального Черноземья (далее – ЦЧ) является важным установление мест оттока её колонизационного процесса с выявлением её закономерностей и эволюции. Это и является целью данной статьи. Для её достижения мы сопоставим географии заселения двух уездов. Из древних городов, не прекращавших своего существования в Золотоордынский период, мы выбрали Путивль, а из подобных, но прекращавших, – Орёл. Оба упомянутые уезда являлись частью Тульской оборонительной системы. Известно, что до 1571 г. по траектории Новгород-Северский – Путивль – Рыльск – Кромы – Орёл – Данков проходила, наблюдавшая за крымскими татарами, линия разъездов сторожей, соединяющаяся уже с крепостью Большой засечной черты – Рязском.

Принадлежность Путивльского и Орловского уездов к оборонительной системе обуславливает наличие в этой местности зна-

чительного слоя служилых людей. Их масштабное заселение протекало с сер. XVI по XVII вв., особенно до создания Белгородской черты. Этим и обуславливаются выбранные временные рамки исследования, за которые иногда мы будем выходить.

Методы

Статья базируется на принципах макро- и микроисторического анализа. Макроистория показала эффективность при выявлении общих траекторий движения служилого населения в разные временные отрезки; сужая охват исследования, микроанализ позволил включить микрообъекты (конкретные уезды и селения) в широкий исторический контекст. Сравнительно-исторические методы мы использовали для сопоставления географии заселения рассматриваемой нами территории. Статистический метод наблюдения позволил выявить роль тех или иных мест выхода в географии заселения изучаемых нами уездов. Картографический метод

исследования позволил сопоставить территориально-административное деление XVI – XVII вв. с XIX в. в изучаемой нами местности. Соединение общих и уникальных явлений позволило выявить особенности заселенческих траекторий служилых людей в изучаемые нами уезды. Проблемно-хронологический метод был использован в порядке рассмотрения уездов. Историко-типологический метод позволил рассмотреть место географии заселения Орловского и Путивльского уездов в ретроспективе всей географии заселения ЦЧ. Наблюдение над источниками и их анализ позволил нам привлечь к исследованию важную архивную информацию.

Обратим внимание ещё на некоторые методологические тонкости, применённые нами в данном исследовании. Во-первых, когда мы упоминаем какой-либо служилый город, то автоматически имеем в виду и его уезд. Это вызвано тем, что детей боярских испомещали в уезде, и редко – в самом городе. Иногда некоторые группы служилых людей по прибору тоже испомещали в уезде. Во-вторых, нужно учитывать ещё и то, что от всей семьи, в основном, служил один человек, а остальные домашние обеспечивали ему тыл. Таким образом, когда мы упоминаем о служилом переселенце, то можно его сопоставлять с душой, одним человеком и даже с его семьёй. Кстати, по мнению специалистов, средняя служилая семья в XVII в. состояла из 4,5 душ обоёго пола [17, с. 303]. Однако, данную методологию сопоставления мы употребляем исключительно в рамках этой статьи.

Результаты и их обсуждение

Перед началом подробного рассмотрения озвученной темы определимся с понятийным аппаратом исследования. Итак, общеизвестный термин «география» – обозначающий некую площадь, в ходе работы над статьёй мы будем часто употреблять в совокупности с переселенческими направлениями. Термин «География заселения» – означает площадь, откуда шёл переселенческий поток в изучаемую местность. Разница между расселением и заселением состоит, на наш взгляд, в дистанции, которую преодолел переселенец для водворения на новое место. Первое отождествляется с «местной траекторией», а второе – с «внешней...». Термин переселенческая «траектория» означает вектор

движения, определяющий откуда двигались переселенцы. В ходе исследования мы будем употреблять его со всеми направлениями (север, юг, запад, восток). Термин «местная траектория» мы употребляем для обозначения расселения из окрестной местности. Забегая вперёд отметим, что наличием местного населения в ЦЧ с сер. XVI до сер. XVII вв. не отличались многие местности ЦЧ, особенно его безлюдные части центральная и южная [12, с. 124; 21, с. 162; 14, с. 55; 11, с. 64].

Начиная с Путивльского у., отметим, что география его заселения подразделялась на местную траекторию и внешнюю. Относительно местной специалист по освоению ЦЧ, профессор ВГУ, д.и.н. В.П. Загоровский предполагал, что в районе Путивльского у. была возможна не просто ранняя колонизация, но и непрерывная жизнь русского населения в течение веков. В подтверждение сказанному устав сторожевой службы 1571 г. говорит о «путивльских севрюках», т.е. жителях Северной земли [5, с. 55–57]. Кстати, исследователь старообрядчества, профессор РОСИ, д.и.н. А.В. Апанасенок замечает, что эти потомки летописных северян, отличались независимыми нравами [1, с. 54]. До принятия устава их использовали для станичной службы, но после его утверждения они были заменены детьми боярскими и казаками [2, с. 87].

Относительно внешней траектории заселения этого уезда, исследователь четвертного землевладения, Н.А. Благовещенский в своём труде писал: «казаки пришли в г. Путивль с Дона очень рано» [3, с. 420]. Известно, что ещё в 1571 г. предписывалось набрать в казачью службу в г. Путивле 100 конных казаков для сторожевой и станичной службы [6, с. 134]. На наш взгляд, их верстали из местных севрюков, которые до предписания исполняли ту же службу, только в качестве наёмников. Ещё их могли верстать из казаков, о выходе которых в Поле со всех окраин сообщал путивльский воевода ещё в 1546 году [5, с. 53]. Возможно, эти казаки были именно донскими, т.к. нам известен частный случай верстания из тех мест. Так, в 1584 г. один крымский новокрещённый татарин, в качестве донского казака, прибыл в Путивль. На Дону он жил 15 лет и по его словам: «крымских людей граблывал и на крымских людей воевать с казаками хаживал». В

Путивле он женился. В 1589 г. он просил Государя убрать подати с его двора и служить царскую службу вместе с путивльскими белодворцами [10, с. 553]. Может, последние тоже ранее вышли с Дона, ведь точно известно, что подобное воинское формирование присутствовало в Путивле в 1613 году.

В РГАДА мы обнаружили дело: «Разборная книга донских казаков в г. Путивле 1628 г.» [18, л. 1–88об.]. Из источника нельзя с точностью понять, почему казачество в г. Путивле называлось именно донским. Его состав был совершенно разнообразен и походил скорее на простых вольных людей. Более подробные предположения на этот счёт мы напишем в конце анализа данного источника. В целом же обнаруженный документ неоспоримо важен, особенно для генеалогии и выявления географии заселения. Его уникальность состоит в полноте, т.к. из всех 132 вёрстанных в г. Путивле с 1613 по 1628 год только у 3 в источнике не отражены места их выхода. Остальные особенности документа будут разбираться по ходу аналитической работы над ним. Эти итоги мы отразили в таблице, размещённой в Приложении. Теперь перейдём к её рассмотрению.

Итак, начнём с периодов вербовки. Так, из всех 130 душ, прибранных в донские казаки г. Путивля, 55 чел. верстали в 1613 г., причём 53 из них пришли из-под Москвы. Многие зачисленные в донские казаки в 1614 – 1628 гг. прибыли на чьё-то убылое место, а у прибывших в 1613 г. такой записи нет. Возможно, эти выходцы из подмосковных мест были участниками событий 1612 года. Ведь общеизвестным фактом является активное участие казаков и служилых людей южных городов в коллизиях Смутного времени. Тем более известно, что среди всех вёрстанных имелось 3 выходца из литовского плена. Если распределить доборы по пятилеткам, то получается, что с 1614 по 1617 гг. верстали 28 казаков, с 1617 по 1622 гг. – 34, с 1623 по 1628 гг. – 13. Вместе с первой партией пришедших всего в первую пятилетку насчитывалось 83 чел., что составляет 63, 8 % от всех вёрстанных за 15 лет. Распределив количество верстаний по различным годам получим, что по 1 душе верстали в 1618 и 1623 гг., по 2 – в 1624, 1625 и 1626 гг., 3 – в 1614 г., 4 – в 1621 г., 5 – в 1622 г., по 6 – в 1616 и 1625 гг., 7 – в

1617 г., 11 – в 1620 г., 12 – в 1615 г., а 13 – 1619 году. В целом же мы видим значительные доборы и кадровые изменения в составе донских казаков г. Путивля за эти 15 лет. Основная часть кадровых рокировок происходила в первые две пятилетки, в последнюю же их состав был более стабилен.

Донское казачество г. Путивля формировалось из широкого круга сословий. Социальное положение известных нам 51 чел. распределяется так. К служилым людям относилось 20 чел. из которых: 5 детей боярских, 5 сыновей жилых казаков и 2 донских, 4 стрельца, 2 пушкарских сына и по 1 сыну сторожа и служки. На долю остальных пришлось 13 представителей свободных сословий и 14 крестьян. К свободным относились: 8 сыновей гулящих людей, 3 сына посадских людей и 2 поповских сына. Среди обязанных сословий мы видим 4 дворцовых и 10 обычных крестьян. Среди всех вёрстанных имелось 4 десятника. Примечательно, что 2 из них относились к бывшим крестьянам Смоленского и Новгород-Северского у., один – из путивльских стрельцов, а социальное положение последнего – неизвестно.

Отметим еще и то, что при наборе донских казаков в г. Путивле прослеживался принцип землячества. Например, из всех 35 вёрстанных в 1615, 1619 и 1620 гг. мы встретили 5 земляческих групп пришедших в одно и то же время. По 6 чел. сошло из-под Москвы и Путивля, 4 – из Смоленска, а также по 3 – из-под Чернигова и Путивля. Другим примером является первоначальное верстание в 1613 г. 53 выходцев из-под Москвы, которые, возможно, и пришли в г. Путивль одной группой. Кстати, аналогичный процесс мы наблюдаем позже в 1641 г., когда в Яблоновскую крепость «на вечное житьё» из г. Тулы единовременно переводилось 184 донских и яицких атаманов, есаулов и казаков [18, с. 143–144]. Единичные приходы тоже прослеживались.

В географии вербовки донского казачества в г. Путивле доминировало северное направление. Итак, из замосковных городов в 1613 – 1628 гг. пришло 56, 8 % от всех вёрстанных донских казаков в г. Путивле (75 душ). В их число входили: по 1 душе из Переяславля-Залесского Ярославльской губ. и Юрьева-Польского Владимирской губ.; 2

души из Новгородской губ. (по 1 из-под Новгорода Великого и Нового Торжка); 3 души из Тверской губ. (по 1 из-под Твери¹, Торжка и Зубцова); 7 душ из-под Смоленска той же губ.; 61 душа из Московской губ. (по 1 из-под Каширы и Клина, 3 чел. из-под Серпухова и 56 душ присланные на службу из-под Москвы. Примечательно, но всего один из присланных москвичей указал, что он был оттуда родом.

Из северных местностей ЦЧ, т.е. ареала системы Большой засечной черты (кроме западной части Курской губ.), прибрали в службу 13, 6 % от всех вёрстаных донских казаков или 18 человек. Из них: 1 душа из Белева Тульской губ.; 8 душ из Орловской губ. (по 1 чел. из Карачева, Орла, Болхова, Почепца, а также по 2 души из Камарицкой волости и из-под Мценска); 9 душ из Калужской губ. (3 из-под Козельска, 2 из-под Калуги и по 1 чел. из Воротынска, Кременска, Малого Ярославца и из-под Медыни). Таким образом, вся северная траектория насчитывала 93 души или 70, 4 % от всех вёрстаных донских казаков.

Местных, т.е. из Курской губ. верстали 21 чел. (19 из Путивля и 2 из-под Рыльска). Примечательно, что в числе означенных путивльцев 3 пришли из-под Москвы, 2 из Брянска и 1 из-под Калуги). Другими словами, 1/3 от всех путивльцев часть своей жизни прожила в других местах, а остальные – всегда жили в Курском крае. В числе путивльцев было 3 сына жилых казаков и 2 – донских. Всего же в ареале системы служилых городов Большой засечной черты было вёрстано 29, 5 % от всех прибранных в службу или 39 душ.

Западная траектория прихода составляла 9, 8 % (13 душ). В их число входили: 1 казак из Литвы, 5 душ из-под Новгород-Северского той же губ., 7 душ из Черниговской губ. (6 из-под Чернигова² и 2 из Стародуба). Возможно, эти выходцы были подвинуты с запада политическими обстоятельствами отхода означенных земель к Речи Посполитой. Южная траектория была представлена всего одним казаком, вышедшим с Дона. Почему именно казачество в г. Путивле называлось донским – неизвестно. Однозначно, что выходцы с Дона там были (3

души), как были и потомки тех самых белодворцев – казаков, служивших в Путивле (3 души). Возможно, в их честь и было названо донское казачество г. Путивля. Ведь мы знаем распространённую практику называть населённые пункты по местам выхода активного меньшинства из общины новосёлов. Возможен аналогичный процесс и с этим воинским формированием. Возможно и то, что тот первоначальный костяк пришедший из-под Москвы в 1613 г. изначально в последнюю вышел с Дона. Ведь у всех этих 54 чел. не указано место их рождения.

Относительно географии заселения остальных сословий отметим следующее. Ещё до 1571 г. в Путивле имелись свои дети боярские, возглавлявшие сторожи путивльских севрюков, с которыми они ходили на службу [5, с. 128]. После 1571 г. их численность ещё увеличилась, когда путивльскому воеводе предписывали поверстать, поместными и денежными окладами, новых детей боярских [5, с. 134]. Проводя анализ путивльских фамилий Н.А. Благовещенский в своём большинстве этимологически их отнёс к великорусским. Однако, с поправкой, что обычных однодворческих фамилий встречающихся в Курской губ. там было крайне мало. По его словам туда мало шли из Орловской и Рязанской губ., и там было своё население, подновлённое из Чернигова и Новгорода-Северского [3, с. 424]. Этот вывод в принципе подтверждается вышеупомянутым анализом географии набора донских казаков в г. Путивле. После 1630 г. черниговских детей боярских из отданного Речи Посполитой Новгород-Северского у., где они были временно помещены, двинули в Путивльский, а частью в Кромский, Карачевский и Рыльский уезды [15, с. 121]. В 1647 г. их хотели свести в новый город Бобрик, но после различных прений было решено их всех испоместить в Путивле [20, с. 200].

Восточная траектория заселения уезда прослеживается из следующего частного случая. Так, в промежутке между 1646 и 1667 гг. И. Голубок со всеми своими детьми бежал от своего помещика Путилова из с. Муратово Свяжского у., после чего записался на солдатскую службу в г. Путивле [19, л. 770].

¹ Указано что он вернулся из литовского плена.

² Один черниговский стрелец из литовского плена.

Наличие восточной траектории заселения подтверждает Н.А. Благовещенский, обнаруживший в Путивльском у., как бы татарские фамилии в названиях деревень Алеевой, Бунякиной и Эмадыкиной. По его мнению, все эти селения могли первоначально быть заняты служилыми татарами. При этом тот же автор сомневался в наличии польского элемента в уезде, т.к. там он обнаружил только два названия хуторов (Бабтенков и Чемигов), кое-как напоминающих нечто польское [3, с. 425]. Имелась в Путивльском у. и местная траектория, правда, в масштабных объёмах она прослеживается только в конце XVIII в. и то, она была вызвана перепланировкой города. Тогда всех городских однодворцев расселили по хуторам [13, с. 11], которые административно были объединены в одну Пригородную слободу [4, л. 84].

Подводя итог географии заселения Путивльского у. необходимо отметить, что, доминирующей там была северная траектория. Она была представлена следующими городами: Переяславль-Залесским Ярославльской губ., Юрьевым-Польским Владимирской губ., Новгородской губ. (Новгородом Великим и Новым Торжком), Тверской губ. (Тверью, Торжком и Зубцовым), Смоленском той же губ. и Московской губ. (Каширой, Клином, Серпуховым и Москвой). Ближняя северная траектория протекала из: Белева Тульской губ., а также Орловской губ. (Карачева, Орла, Болхова, Почепца, Брянска, Камарицкой волости и Мценска), Калужской губ. (Козельска, Калуги, Медыни, Воротынска, Кременска и Малого Ярославца).

Западная траектория была представлена выходцами из Новгорода-Северского той же губ., а также Черниговской губ. (Чернигова и Стародуба), литовскими казаками и малым числом польских выходцев. Южная траектория протекала из Дона и даже из Крыма, а восточная – выходцами из Свяжского у. Казанской губ. и другими местами обитания казанских татар. Местная же траектория распространялась из Путивля и Рыльска. В численном соотношении общая траектория заселения Путивльского у. подразделялась на группы: основной была северная; местная и западная являлись вспомогательными, а восточная и южная траектории являлись редким исключением.

Перейдём к следующему уезду. Согласно сведениям краеведа В.М. Неделина, в первое время после своего основания, в 1566 г., г. Орёл заселялся служилыми людьми из будущей Тульской губ. (Белева, Новосиля, Крапивны), и Рязанской губ. (Пронска) [9]. Учитывая распространённую практику давать фамилию новоприбранным людям по их местам выхода, крупный известный этнограф, Д.К. Зеленин нашёл в Орле немало сведений из окской речной системы: Калужская губ. (Калугины), Московская губ. (Серпуховитиновы [8, с. 158]) и т.д. Таким образом, в заселении г. Орла, с уездом, доминировала традиционная северная траектория. Косвенным подтверждением этому служит заметно большая освоенность северного Каменского стана по сравнению с другими [9].

Для заселения города и уезда привлекалось, в том числе, и местное население будущей Орловской губернии. Д.К. Зеленин предполагал, что строители города Орла представители Болховской и Мценской сотен были там временными жителями [8, с. 158]. Хотя В.М. Неделин впоследствии писал, что они остались там в качестве постоянных обитателей, приводя в пример д. Мецнянкину [9]. Ещё Д.К. Зеленин заявлял, что множество орлян являлись выходцами из юго-восточных местностей будущего ливенского уезда [8, с. 158]. Часть переселенцев прибывала в Орёл с западной стороны, возможно, не только изпод Карачева [7, с. 79]. Итак, мы частично рассмотрели первоначальное возобновление г. Орла, но было ещё и повторное.

Итак, г. Орёл, где в нач. XVII в. размещался передовой полк, к 1613 г. был разрушен [17, с. 66]. Возобновление Орла не заставило себя долго ждать и произошло в 1636 – 1637 годах. Оно было важно потому, что здесь крымские татары обычно перебрасывались за верхнее течение Оки в заочские уезды [17, с. 295]. Можно предположить, что во время повторного заселения г. Орла, туда традиционно сводились служилые люди из более северных служилых городов. Оттуда же возвращались бывшие обитатели г. Орла, временно размещавшиеся, например, в г. Мценске [16, с. 66]. Возможно, повторно г. Орёл заселялся освобождёнными пленными. Ведь известно, что, в 1634 г. недалеко от Орловского городища было освобождено 650

человек полона [17, с. 435]. Не исключено, к тому же наличие местного служилого населения в этом уезде, не прекращавшего там жить на протяжении временного запустения города.

Подведём итог географии заселения Орловского уезда. А начнём с неупомянутых нами мест выхода, наблюдающихся только на примере отдельных фамилий. Западную траекторию заселения мы видим по фамилиям выселенцев «из северских городов»: Путивльцев и Стародубцев [8, с. 158]. Фамилия Литвинов, указывает на выходцев из местностей, пребывавшей тогда под властью Литвы [9]. О польском же элементе говорят фамилии: Фаустов, Лотынин, Карлов. Фамилия Рязанцевы свидетельствует о восточной траектории заселения г. Орла. Имелись там ещё выходцы из Пронска той же губернии. Фамилии же татарского происхождения: Татаренковы, Кунаковы, Орнаутовы [8, с. 158], – только подтверждают наличие восточной траектории заселения. Была, наконец в незначительном количестве и южная траектория – донские атаманы [8]. Местная траектория была представлена служилыми людьми из Болхова, Мценска, Ливенского у., Карачева и выходцами из Орловского же у., особенно после повторного его освоения. Основная северная траектория протекала из Серпухова Московской губ., Калуги той же губ., а также Белева, Новосилия и Крапивны Тульской губернии. Таким образом, процесс формирования Орловского у. был многолик, а траектории его заселения делились на 3 группы. Северная и местная траектории являлись основными, а остальные – вспомогательными.

Заключение

Теперь сопоставим особенности однодворческой траектории заселения двух описанных нами уездов ЦЧ. Главное их отличие состояло в том, что они располагались на разных речных системах (Орёл на Окской, а Путивль – на притоках р. Десны). Это географическое различие между изучаемыми нами уездами накладывало свои особенности на четыре их общих черты. Первая состояла в

преобладании северного великороссийского переселенческого потока, а вторая – в крепкой окрестной траектории заселения. Особенность г. Орла состояла в его центральном положении между западом и востоком Тульской черты. Из-за этого излишки служилого населения, нуждающиеся в поместьях, всегда могли найти себе место в Орловском уезде. Поэтому там имелась как Рязанская северо-восточная траектория заселения, так и северо-западная Тульская. Правда последняя доминировала. По этой же причине немало переселенцев приходило из окрестных же уездов. Особенность же г. Путивля состояла в притоке туда служилых людей из замосковских мест. На наш взгляд, это явление вызвано, в том числе последствиями Смутного времени. Этими же последствиями обуславливалась и усиленная окрестная траектория заселения этого уезда, после отдачи нескольких городов в состав Речи Посполитой. Третья общая черта состояла в наличии местного населения, потомков вятичей в Орле, и северян – в Путивле. Учитывая, что последний город не прекращал своего существования, концентрация местного населения в пределах его уезда была сильнее. Кстати, этой особенностью отличались далеко не все местности ЦЧ, особенно его центральные и южные части. Четвёртая же главная схожесть изучаемых уездов состояла в методах заселения. Ведь и в Путивле, и в Орле присутствовали все 3 категории служилых переселенцев: сходцы, сведенцы и местное население.

Подводя итог статьи, отметим, что в Путивльском и Орловском у. северная и местная траектории заселения являлись основными, при абсолютном доминировании первой, а остальные – вспомогательными. В Орёл приходили, в основном, из Окской речной системы, а в Путивль – либо из притоков р. Десны, либо из замосковских городов. Однако, неодинаковая геолокация изучаемых уездов и происходящее от этого влияние от различных исторических процессов, не отменяло сходства их общих методов и черт при заселении этих местностей с сер. XVI века.

Список литературы

1. Апанасенок А.В. Религиозный традиционализм в провинциальной России: история старообрядческих сообществ Центрального Черноземья в XVII – начале XX века. Курск, 2014. 397 с.
2. Беляев И. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М.: Университетская тип-я, 1846. 155 с.
3. Благовещенский Н.А. Четвертное право. М.: Тип-я Тов. Кушнерев и Ко, 1899. 538 с.
4. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 184. Оп. 2. Д. 208.
5. Загоровский В.П. Белгородская черта: дис. ... док. ист. наук. Воронеж, 1969. Т. 1. 287 с.
6. Загоровский В.П. Белгородская черта: дис. ... докт. ист. наук. Т. 2. Воронеж, 1969. 250 с.
7. Захаров А.Л. «Служилые люди» и дворянство на территории Орловской губернии в конце XVI – нач. XVIII вв. (заселение и освоение региона): дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2009. 246 с.
8. Зеленин Д.К. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением заднебных согласных с связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб.: Тип-я А.В. Орлова, 1913. 544 с.
9. Карта Орловского уезда – URL: Dor-zhur.livejournal.com (дата обращения: 15.05.2022).
10. Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций. Т.1. М.: АСТ. Мн.: Харвест, 2002. 592 с.
11. Кудланов К.Б., Голубков Р.О. Траектория заселения служилыми людьми притоков Псла после возведения Белгородской черты // Факты и символы. 2022. Т. 33, № 4. С. 58–67.
12. Кудланов К.Б. География заселения служилыми людьми уездов, расположенных на Белгородской черте // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 13, № 3. С. 103–125.
13. Кудланов К.Б. Расселение однодворцев от их городских очагов на территории Центрального Черноземья в XVII – XIX вв. // Региональные историко-культурные исследования. Сборник статей. Т. 2. Курск: Инвестсфера, 2022. С. 9–16.
14. Кудланов К.Б. Сопоставление географии однодворческого заселения отдельных тыловых уездов от Белгородской черты // Учёные записки Орловского государственного университета. 2022. Т. 96. № 3. С. 51–56.
15. Миклашевский И.Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. 1. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII века. М.: Тип-я Д.И. Иноземцева, 1894. 310 с.
16. Неделин В.М. Древние города земли Орловской. XII – XVIII века. История. Архитектура. Жизнь и быт. Орел: Вешние воды, 2012. 544 с.
17. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.-Л.: Из-во Акад. Наук СССР. 1948. 452 с.
18. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА) Ф. 210. Оп. 4. Д. 40.
19. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 65.
20. Сухотин Л.В. Первые месяцы царствования Михаила Федоровича: (Столбцы Печатного приказа). М.: Имп. Общество истории и древностей российских при Московском ун-те, 1915. 238 с.
21. Чекед Р.С., Кудланов К.Б. Расселение однодворцев в уезды, расположенные южнее Белгородской черты // Вестник Брянского государственного университета. 2022. Т. 53. № 3. С. 154–164.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE TRAJECTORIES OF ONE-COURTYARD PEOPLE SETTLEMENT IN PUTIVL AND OREL COUNTIES

The study is based on the analysis of previously unpublished sources of RGADA, and other narrative sources. In the article researchers from the middle of XVI-th century compared the places of exit of settlers at two service cities that were situated on the Tula defensive system: Oryol and Putivl. In the course of the study, the authors, distributing the exit points of all the service military classes of Putivl and Orel along the trajectories of settlement, established similarities and differences between them. The main difference was that these two counties were located on different river systems (Orel on the Okskaya river system, and Putivl – on the tributaries of the Desna River). This difference imposed its own characteristics on 4 common features between these counties, which the authors identified. The similarity consisted, firstly, in the predominance of the northern Great Russian migration flow. True, it flowed to Oryol from the cities of the Tula defensive

line, and to Putivl – from places outside of Moscow. Secondly, in a strong neighborhood trajectory of settlement. Only in Orel it flowed from the advanced cities of the Tula defensive system, and in Putivl – from the northern cities. Thirdly, in the presence of the local population, the descendants of the vyatichi in Orel, and the sevryuki in Putivl. However, given that the last city did not cease to exist, the concentration of the local population within its county was stronger. The main similarity of the studied counties consisted in the methods of settlement, because both in Putivl and in Orel there were all 3 categories of service migrants: unauthorized migrants, resettled people in military service and the local population. As a result, the authors conclude that in Putivl and Orel districts the northern and local trajectories of settlement were the main ones, with the absolute dominance of the first, and the rest were auxiliary. Thus, the slight difference in the geolocation of the studied counties did not cancel the similarity of the general methods and features of the settlement of these areas from the middle of XVI century.

Keywords: military service people, warriors, one-courtyard people, smallholders, trajectory, settlers, county, Central Chernozem region.

References

1. Apanasenok, A. V. (2014). *Religioznyy traditsionalizm v provintsial'noy Rossii: istoriya staroobryadcheskikh soobshchestv Tsentral'nogo Chernozem'ya v XVII – nachale XX veka* [Text] [Religious Traditionalism in Provincial Russia: A History Old Believer Communities of the Central Chernozem Region in the XVII-th – early XX century [Text]]. Kursk: Regional open social institute Press. 397 p.
2. Belyaev, I. (1846). *O storozhevoj, stanichnoj i polevoj sluzhbe na pol'skoj ukraine Moskovskogo gosudarstva do czarya Alekseya Mixajlovicha* [About guard, stanitsa and field service in the polish ukraine of the Muscovite state before the tsar Alexei Mikhailovich]. Moscow: University Press. 155 p.
3. Blagoveshhenskij, N. A. (1899). *Chetvertnoe parvo* [Quarter right]. Moscow: Tov. Kushnerev i Ko Print. 538 p.
4. State Archive of the Kursk Region (hereinafter – GAKO). F. 184. Op. 2. D. 208.
5. Zagorovskij, V. P. (1969). *Belgorodskaya cherta* [Belgorod line]: dis. ... doctor of historical Sciences. Vol. 1. Voronezh. 287 p.
6. Zagorovskij, V. P. (1969). *Belgorodskaya cherta* [Belgorod line]: dis. ... doctor of historical Sciences. Vol. 2. Voronezh. 250 p.
7. Zaxarov, A. L. (2009). «Sluzhily'e lyudi» i dvoryanstvo na territorii Orlovskoj gubernii v konce XVI – nach. XVIII vv. (zaselenie i osvoenie regiona) [«Service military people» and the nobility on the territory of the Oryol province at the end of the XVI – beginning XVIII-th century (settlement and development of the region)]: dis. ... candidate of historical sciences. Orel. 246 p.
8. Zelenin, D. K. (1913). *Velikoruskie govory` s neorganicheskim i neperexodny`m smyagcheniem zadnenedny`x soglasny`x s svyazi s techeniyami pozdnejshej velikoruskoj kolonizacii* [Great Russian dialects with inorganic and intransitive mitigation of back-palatal consonants in connection with the currents of the later russian colonization]. St. Petersburg: Print. A.V. Orlova. 544 p.
9. *Karta Orlovskogo uezda* [Map of Orlovsky county]. Retrieved 15 of may, 2022 from <http://Dor-zhur.livejournal.com>
10. Klyuchevskij, V. O. (2002). *Russkaya istoriya: Polny`j kurs lekcij* [Russian History: A complete course of lectures]. Vol. 1. Moscow: AST. Minsk: Xarvest Publ.. 592 p.
11. Kudlanov K. B., Golubkov R. O. (2022). *Trayektoriya zaseleniya sluzhilyimi lyud'mi pritokov Psla posle vozvedeniya Belgorodskoy cherty* [The trajectory of the settlement of the tributaries of the Psel river by military service people after the construction of the Belgorod line] // *Fakty i simvoly* [Facts and symbols]. Vol. 33, No. 4. pp. 58–67.
12. Kudlanov K. B. (2022). *Geografiya zaseleniya sluzhilyimi lyud'mi uyezdov, raspolozhennykh na Belgorodskoy cherte* [The geography of settlement by military service people of counties located on the Belgorod line] // *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i parvo* [Bulletin of the South-Western State University. Series: History and law]. Vol. 13, No. 3. pp. 103–125.
13. Kudlanov, K. B. (2022). *Rasselenie odnodvorcev ot ix gorodskix ochagov na territorii Central'nogo Chernozem'ya v XVII – XIX vv.* [Settlement of smallholders from their urban centers on the territory of the Central Chernozem region in the XVII-th – XIX-th centuries] // *Regional'ny'e*

istoriko-kul'turny`e issledovaniya. Sbornik statej [Regional historical and cultural studies. Collection of articles]. Vol. 2. Kursk: Investsfera Publ.. pp. 9–16.

14. Kudlanov K. B. (2022). Sopostavleniye geografii odnodvorcheskogo zaseleniya otdel'nykh tylovykh uyezdov ot Belgorodskoy cherty [Comparison of the geography settlement of one-courtyard people at individual rear counties from the belgorod line] // *Uchonyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific notes of the Oryol State University].* Vol. 96. No. 3. pp. 51–56.

15. Nedelin, V. M. (2012). Drevnie goroda zemli Orlovskoj. XII – XVIII veka. Istoriya. Arhitektura. Zhizn` i byt [Ancient cities of the Oryol land. XII – XVIII centuries. Story. Architecture. Life and mode of life.]. Orel: Veshnie vody` Publ.. 544 p.

16. Novosel'skij, A. A. (1948). Bor`ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoj polovine XVII veka [The struggle of the Muscovite state with the Tatars in the first half of the XVII century]. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences USSR Press. 452 p.

17. Miklashevskij, I. N. (1894). K istorii xozyajstvennogo by`ta Moskovskogo gosudarstva. Ch. 1. Zaselenie i sel'skoe xozyajstvo yuzhnoj okrainy` XVII veka [To the history of the economic life of the Moscow state. Part 1. Settlement and agriculture in the southern outskirts of the XVII century]. Moscow: Print. D.I. Inozemceva. 310 p.

18. Russian State Archive of Ancient Acts (hereinafter – RGADA). F. 210. Op. 4. D. 40.

19. RGADA. F. 210. Op. 6. D. 65.

20. Suxotin, L. V. (1915). Pervy`e mesyacy czarstvovaniya Mixaila Fedorovicha: (Stolbcy Pechatnogo prikaza) [The first months of the reign of Mikhail Fedorovich: (Columns of the Printed Order)]. Moscow: Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University Press. 238 p.

21. Cheked R. S., Kudlanov K. B. (2022). Rasseleniye odnodvortsev v uyezdy, raspolozhen-nyye yuzhneye Belgorodskoy cherty [Resettlement of the one-courtyard people in counties, which located to the south from the Belgorod line] // *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta [The Bryansk State University Herald: historical sciences].* Vol. 53. No. 3. pp. 154–164.

Приложения

Таблица.

География прихода верстанных в донские казаки г. Путивля с 1613 – 1630 год [18, л. 1–79об.].

ФИО	Откуда прислан	Год прибытия	Откуда родом	Социальное положение
54 чел.	из-под Москвы	1613 – 1619 ¹		
2 чел.		1613 – 1628		
И. Васильев		1613	Карачевец	
Ф. Григорьев		1614	Москвитин	
Дес. ² А. За-липа		1614	Серпьянин	
С. Сергеев		1614	Стародубец	
Т. Михайлов		1615	Путивлец	
К. Никитин	из Калуги	1615	Путивлец	
Я. Губнов	из Брянска ³	1615	Путивлец	
П. Анофриев	из-под Смоленска	1615	Смолянин	
К. Осипов	из-под Смоленска	1615	Смолянин	
Г. Васильев		1615	Новоторжец	гулящего человека сын
И. Оргунов		1615	Рыленин	гулящего человека сын

¹ Только 1 пришел в 1619 году.

² Десятник (далее – Дес.).

³ Прибыл на убыло место, так как в ту пору многие казаки с Путивля съезжали под Брянск (далее Из Брянска* - К.Б.)

Я. Лукин		1615	из Новгород-Северского у.	дворцового села, крестьянский сын
Дес. И. Телецов		1615	из Новгород-Северского у.	крестьянский сын
Г. Савельев	из-под Смоленска	1615	из Смоленского у.	крестьянский сын
Дес. С. Алексеев		1615	Смолянин	крестьянский сын
К. Григорьев		1615	Стародубец	посадского человека сын
Ф. Юрьев		1616	из Козельска	
И. Яковлев		1616	из Малого Ярославца	
И. Тимофеев		1616	Рыленин	гулящего человека сын
В. Елизаров		1616	Путивлец	донского казака сын
С. Михайлов		1616	из Комарицкой вол.	крестьянин
И. Андреев		1616	Путивлец	сын попа
И. Михайлов		1617	Кленин	
П. Иванов		1617	Путивлец	гулящего человека сын
П. Кузмин		1617	из Новгород-Северска	жилого казака сын
С. Климов		1617	из Новгородского у.	крестьянский сын дворцового с. Рыгонина
А. Родивонов		1617	Болховитин	крестьянский сын
Д. Данилов		1617		пришел в Путивль невелик, какого отца сын неупомнит
П. Иванов		1617	из Юрьева Польского	служкин сын
Г. Иванов		1618	Путивлец	жилого казака сын
А. Григорьев		1619	Черниговец	гулящего человека сын
Е. Иванов	из-под Москвы	1619	из Новгород-Северска	дворового человека крестьянский сын
И. Васильев		1619	Черниговец	из черниговских стрельцов
Ф. Якимов	из-под Москвы	1619	Черниговец	из черниговских стрельцов
М. Иванов	из-под Москвы	1619	из Комарицкой вол.	крестьянин
А. Юрьев	из-под Москвы	1619	из Козельского у.	крестьянский сын
Ф. Федоров		1619	Мценянин	крестьянский сын
М. Сыромятников		1619	Смолянин	крестьянский сын
И. Микитин	из-под Москвы	1619		отец его в Путивле прихожий человек
М. Екимов	из-под Москвы	1619	из Новгорода Великого	попов сын
И. Миронов		1619	Варотынец	посадского человека сын
А.К. Озеров		1619	Зубченин	сын боярский
Ф. Степанов		1620	Каширенин	
С. Внуков		1620	Путивлец	
И. Ерофеев	из-под Москвы	1620	Путивлец	
Ф. Кондратьев	из-под Москвы	1620	Смолянин	
С. Остапов		1620	Черниговец	
П. Овдокимов		1620	Путивлец	гулящего человека сын
О. Колачкиков		1620	Путивлец	жилого казака сын
Ю. Зафотаев	из Брянска*	1620	Путивлец	жилого казака сын
Дес. З. Хомталин	из Путивля	1620		из путивльских стрельцов

М. Ефимов		1620	Орленин	сын боярский
А. Хохлов	из литовского полону	1620		из черниговских стрельцов
А. Рыков	из Литвы	1621		
М. Васильев	из литовского полону ¹	1621	Тверитин	
И. Сигиренин		1621	Торогченин	
Ж. Микифоров		1621	Путивлец	донского казака сын
И. Моклоков		1622		из жилых казаков
М. Осипов		1622	Серпянин	крестьянский сын
Г. Сторожев		1622	из Кременска	отец его князя И. Курлетева человек
О. Иванов	из полону	1622	Калуженин	пушкарский сын
С. Моисеев		1622	Почепец	пушкарский сын
О. Иванов		1623	Путивлец	гулящего человека сын
Ж. Мисков	с Дону	1624		
П. Иванов		1624	из Серпуховского у., Хотинские вол.	крестьянский сын
Т. Антонов	из-под Москвы	1625	Путивлец	
Ф. Рудаков		1625	Смолянин	крестьянский сын
А. Раскосов		1625	Белевец	
С. Микитин		1627	Мценянин	боярского человека сын
М. Васильев		1627	Путивлец	гулящего человека сын
П. Григорьев		1627	Калуженин	посадского человека сын
Л. Сторожев		1627	Путивлец	съезжия избы сторожев сын
В. Микитин		1627	из Переславля-Залеского	сына боярского М. Тучкова
И.Л. Быков		1628	Медынец	сын боярский

Об авторах

Кудланов Константин Борисович – кандидат исторических наук, председатель молодежной секции Курского отделения РОИА (Россия), E-mail: kudlanov777@mail.ru

Голубков Руслан Олегович – член Курского исторического родословного общества (Россия), E-mail: mail@anku.ru

Kudlanov Konstantin Borisovich – PhD (History), chairman of the youth section of the Kursk branch of the ROIA (Russia), E-mail: kudlanov777@mail.ru

Golubkov Ruslan Olegovich – member of the Kursk historical genealogical society (Russia), E-mail: mail@anku.ru

¹ В полон взят под Тверью, где был 9 лет.

УДК 9 (94)

Лахтюк С.А., аспирант, Иркутский государственный университет (Россия)

Костров А.В., профессор, доктор исторических наук, Иркутский государственный университет (Россия)

Сайтгареев Р.Р., доцент, кандидат исторических наук, Иркутский государственный университет (Россия)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ ШВЕЙЦАРСКОГО МИЛИТАРИЗМА В КОНТЕКСТЕ ВОЕННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА XIV-XVI ВВ.

В статье рассматриваются возможности и факторы влияния естественного пространства на формирование особого отношения населения к феномену войны. В качестве примера рассматривается Швейцария в период своего становления в современных границах в XIV-XVI вв. Отдельно отмечается понимание авторами феномена милитаризма как социокультурного конструкта, в том числе основываясь на оригинальность данного подхода в современной отечественной историографии. В качестве основного метода исследования используется географический детерминизм. На его основе, используя данные, приведенные в синхронных письменных источниках, рассматривается влияние горной пересеченной местности на восприятие населением феномена войны и формирования милитаризма в социокультурном пространстве общества. Отмечается разница отношения к военному делу в горных кантонах Швейцарии и равнинных. Исследователями указывается, что наиболее рельефно этот факт прослеживается в Каппельских религиозных войнах, где горные кантоны, помимо защиты религиозных убеждений, защищали свое право на военное предпринимательство, в то время как сторонники реформации с равнинной части страны рассматривали наемничество как угрозу единства страны. В заключении делается вывод о прямом влиянии природно-географического фактора на восприятие окружающего пространства и, как следствие, особого отношения населения в военному делу, т.е. формирования социокультурного феномена милитаризма.

Ключевые слова: Милитаризм, географический детерминизм, Швейцария, военное дело, военное предпринимательство, религиозные войны.

DOI:10.22281/2413-9912-2023-07-02-102-110

Введение

Естественное пространство является объективной основой развития неразрывно связанных антропологических сфер — социальной, экономической, культурной и политической. Поэтому специфика разных обществ во-многом объясняется особенностями географических, климатических, геологических и природных параметров контролируемой территории. Учёт геополитического фактора при исследовании социально-экономических, социокультурных и социополитических феноменов позволяет обрести фундаментальные основания для объяснения многих долговременных тенденций развития.

Милитаризм как феномен общественной культуры и мировоззрения является крайне любопытным явлением, который в определённых условиях показывает завидную устойчивость. Последняя нередко проявляется в регионах и странах с выраженным горным рельефом. Это вызвано тем, что пересечённая местность даёт ограниченные возможности распространения общественной

инфраструктуры, которая в этих условиях в основном локализуется в долинной части. В долинах же формируются свои относительно автономные общества. Отличия их идентификаций и интересов (в том числе борьба за контроль ресурсов ограниченного жизненного пространства), а также небольшие возможности интеграции, ведут к сохранению родоплеменного, а впоследствии и этно-конфессионального военного напряжения, которое превращается в традицию перманентного милитаризма [4; С. 84–85]. При индустриальной модернизации, которая реализуется в том числе за счёт отрицания традиций, горные местности часто остаются на периферии, что ведёт к большему сохранению традиционных комплексов, включая милитаристский. Когда же волны модернизаций и интеграций докатываются до местных обществ, то они нередко ложатся поверх сохранённых традиций, деформируя их в меньшей мере, чем на равнинных территориях. Полностью отменить влияние этих волн горные общества не в силах, так как на более модернизированных равнинах

антропологические (демографические, экономические, технологические, военные) плотности в целом гораздо выше и интегрированнее.

Объективные условия формирования и развития региональных и глобального балансов сил в разные геополитические эпохи привели к появлению разных интеграций в горных областях. И если одни регионы со временем неизбежно включаются в большие страны, то другие, на фоне специфических условий развивающихся коммуникаций и балансов сил, превращаются в суверенные государства [3; С. 1–23]. Любопытным примером горной страны является Швейцария, возникшая на фоне общности интересов проживающих здесь разных народов и за счёт объединения Швейцарского плато и примыкающих к нему обширных горных систем Альп и Юра. Положение в центре Европы между Италией, Германией, Францией, Австрией и Лихтенштейном с одной стороны дало важные коммуникационные возможности, а с другой — необходимость защиты от активно развивающихся соседей. При этом первые, кроме прочего, способствовали возникновению здесь выгодного для элит соседних (а позже и дальних) стран стабильного банковско-финансового «заповедника», в котором можно сохранять свои капиталы при развитии любых сценариев, включая региональные и мировые войны. Вторая привела к статусу вооружённого нейтралитета, который должен обеспечить безопасность не только неучастием в конфликтах, но и институционализированным милитаризмом. Последний же имеет в этой стране естественные и социокультурные основания.

Методы

Для наилучшего понимания значения феномена войны в развитии социокультурного пространства Швейцарии, необходимо обратиться к эпохе основания и последующей экспансии Старой Конфедерации, к швейцарской истории XIV–XVI вв. Именно в этот период Швейцария находилась на начальной стадии нациестроительства, в процессе которого между равнинными и горными кантонами страны возникала масса конфликтов. Поэтому отношение к военному делу и феномену войны в целом, выражавшееся в различных аспектах развития социокультурного пространства страны, играло не

последнюю роль. Поэтому компаративный анализ отношения населения горных и равнинных кантонов Швейцарии в XIV–XV вв. к феномену войны и военному делу, представляется нам актуальным методом исследования данной темы.

Подобная постановка вопроса особенно актуальна, т. к. эта тема практически не изучена, особенно в отечественной историографии, даже современные российские ученые в области гуманитарных наук рассматривают понятие милитаризма традиционно в политико-международной плоскости [8; С. 1]. Зарубежная историография лишь со второй половины XX в. начала изучать это направление и выбирать в качестве объекта исследования ортодоксальный милитаризм.

Как известно, в советской историографии, использующей марксистско-ленинскую теорию, «милитаризм» являлся следствием империализма, который в свою очередь, имел генезис из капитализма [9; С. 124]. Современная историография рассматривает данное понятие несколько шире, вводя в научный оборот концепцию «гражданского милитаризма», подразумевающей «трансформацию политического процесса и общественного сознания с учетом военных интересов» [8; С. 87]. К сожалению, данная концепция и само понятие милитаризм используется сугубо в политологических исследованиях и анализе международных отношений, тем самым ограничивая сам термин исключительно в рамках характеристики политического режима и общественного сознания в том или ином государстве.

Несколько иная ситуация сложилась в зарубежной историографии. Первые исследования, связанные с теорией войны и ортодоксальным милитаризмом, появлялись еще в XIX в. Однако впервые подобную проблематику стали рассматривать во второй половине XX в. преимущественно американские, британские и немецкие ученые. Наиболее известные из них это Майкл Манн, Вильфрид фон Бредов и Михаэль Шоу [19; С. 14]. Именно в этот момент сформировалась проблематика исследования милитаризма на макросоциальном уровне, в рамках фокуса неовеберсовской социологии, к которой и принадлежат указанные выше исследователи. Более того, Майкл Манн в своих поздних

исследованиях указывает на типы милитаризма, в их зависимости от политических и социальных режимов, т. е. определяя милитаризм как своеобразную структуру взаимодействия государства и общества [17; С. 35]. Вместе с тем, социокультурный милитаризм в исследованиях второй половины XX в. практически полностью лишен исторической ретроспективы как таковой и использования методов исторической науки, что привело к исследованию милитаризма исключительно в контексте современного состояния на макро-социальном уровне.

Несмотря на то, что наше исследование не отрицает милитаризм как политический и, как следствие, экономический конструкт, тем не менее мы сосредоточены на рассмотрении милитаризма как составной части социокультурной парадигмы на примере Швейцарии XIV-XV вв. В терминологической системе милитаризм еще не определен с вышеуказанной точкой зрения, однако наиболее близко по смыслу к этому подошел Майкл Манн, обозначая милитаризм как «набор взглядов и социальных практик, воспринимающих войну и подготовку к ней как нормальную и желательную социальную активность» [17; С. 324].

В «геополитический фактор» авторы вкладывают те методы преимущественно которыми велось исследование и которыми располагает геополитика как область науки. В частности, авторы обращаются к концепции географического детерминизма, согласно которой общественно-политическое, экономическое и иное социальное развитие происходит преимущественно из географических, климатических и иных объективных природных естественных условий [3; С. 43]. Данный метод был выбран поскольку именно он наиболее рельефно покажет разницу восприятий войны и военного дела у разных групп населения Швейцарии XIV-XVI вв. в зависимости от естественно-природных условий их проживания.

Материалы исследования

В исторических источниках XIV-XVI вв. Швейцарский Союз фигурирует как военная держава, чья кантональная армия успешно действовала в Бургундских войнах. Один из первых трудов, дающих информацию о социокультурной жизни Швейцарии по отдельным кантонам было «Описание

Швейцарии» или «Описание Верхнегерманской конфедерации» Альбрехта фон Бонштеттена, послушника Айнзидельнского монастыря в Цюрихе, в будущем священника и придворного капеллана австрийского эрцгерцога Зигмунда Тирольского, а в 1491 году – капеллана при дворе императора Священной Римской империи Максимилиана I. Альбрехт вел переписку со многими образованными современниками, среди которых король Франции Людовик XI, император Фридрих III и др. Впервые свой труд он представил в 1479 г Людовику XI и дожу Венеции Джованни Мочениго.

Источник содержит описание 8 швейцарских кантонов: Ури, Швиц, Унтервальден, Берн, Цюрих, Люцерн, Цуг и Гларус, представляя их как единое централизованное государство [11; С. 220]. В основе своей описание носило географический характер, однако так же была освещена культурная жизнь населения указанных кантонов. Так, например, он описывает жителей Цюриха: «Цюрх (от немецкого «Zürch» – старое название жителей кантона Цюрих) – очень добрый человек, веселый, милый и хорошо разбирающийся в сельском хозяйстве» [11, С. 253]. При рассказе о равнинных кантонах автор не описывает их население с точки зрения военного дела. Совершенно по-иному автор отзывается о горных кантонах-основателях (Ури, Швиц и Утревальд). Так, в описании Унтервальда автор пишет «Этот народ слишком велик и мужественен в войнах, в которых их ярость и гнев бьются вместо оружия» [11, С. 260]. Так же, в «Описании», при рассказе о ранней истории кантонов-основателей, автор, описывая их население как «люди, что представляются истинными сынами бога Марса» [11; С. 261] Несмотря на то, что «Описание» фон Бонштеттена имеет явный нарративный характер, разница в рассказе о равнинных городских кантонах и горных дает нам понять, что у последних было совершенно иное отношение к военному делу и феномену войны в целом.

В художественной литературе того времени так же в метафорической форме присутствует описание жителей горной Швейцарии в военном аспекте. В произведении Томаса Мора «Утопия» есть упоминание о «заполетах», народе, как выразился автор «мало

отличающихся от Гельветов» и зачастую нанимавшихся на военную службу к государям. «Таким образом, они [государя] посылают на войну солдат, нанятых отовсюду, а особенно из среды заполетов. Этот народ живет на восток от Утопии, на расстоянии пяти-сот миль, и отличается суровостью, грубостью и свирепостью. Они предпочитают всему непроходимые леса и горы, которые их вскормили. Это – племя дикое, привычное к жаре, холоду и труду, чуждое всякой изнеженности» [5; С. 15]. Произведение, написанное в 1516 г. проводит прямую параллель между вымышленными воинственными «заполетами» и горными швейцарцами, что говорит нам о том, что в этот период швейцарец в представлении «общественного мнения» в других странах фигурировали исключительно в военном контексте.

Такое внимание к военной культуре горных швейцарцев в XIV-XV вв. было не случайно. Громкие победы швейцарской армии в Бургундских войнах и войне за независимость от Священной Римской Империи (1315 г. – Битва при Моргартене; 1386 г. – Битва при Земпахе), создали огромный спрос на швейцарских наемников в других странах [2; С. 113]. Это привело к появлению и распространению среди населения Швейцарии феномена военного предпринимательства, когда часть мужского населения кантонов в поисках заработка уходило на военную службу за границу. По разным оценкам, от 3-5% населения страны уходило на военную службу, при общей численности населения в 400-800 тыс. человек [2; С. 115]. Причем большая часть наемников шла именно из горных кантонов Ури, Швица и Унтервальда. Население равнинных кантонов, даже при наличии серьезных экономических проблем, побуждавших к переселению в город, оставались внутри страны. Фактически, такая ситуация сохранила статус-кво, вплоть до XVII вв., когда швейцарское наемничество стало не актуально для европейских держав [1; С. 156].

Впоследствии феномен наемничества стал камнем преткновения внутри самой Швейцарии в эпоху Реформации. Критика военного предпринимательства внутри страны в первую очередь связана с личностью протестантского проповедника Ульриха Цвингли. Отрицательный опыт наемничества

Цвингли получил, будучи полевым капелланом в швейцарском наемном войске на службе Милана [7; С. 174]. Он был свидетелем сокрушительного поражения швейцарцев в битве при Мариньяно (1515 г.), что сформировало у него отрицательное отношение к наемничеству, хотя до этого он с восхищением относился к подвигам швейцарцев на иностранной службе [10].

Религиозные и политические идеи Цвингли в 1520-х гг. распространились преимущественно на равнинную часть Швейцарии, а центрами цвинглианской реформации стали города Цюрих и Берн, расположенные на равнине, в то время как горные кантоны «внутренней Швейцарии» оставались католическими [14; С. 13]. В этот период так же появилась критика наемничества Цвингли. В трудах «Верное и серьезное наставление конфедератам» (1524 г.) [13], «Рекомендация по подготовке к возможной войне» (1524 г.), «Совет о войне» (1529 г.) [18] и др. Ульрих называл наемничество «несовместимым с христианскими нормами любви и милосердия» [15]. Сторонники реформатора в будущей единой Швейцарии не видели места военному предпринимательству отдельных кантонов, что, безусловно, стало камнем преткновения между равнинной протестантской Швейцарией и католической горной, где для населения последних уход в наемники было нерушимым правом. В конечном итоге, в 1529 г. и 1531 г. вылилось в две гражданские войны (Первая каппельская война и Вторая каппельская война) между Швицем, Ури, Унтервалденем и Цугом с одной стороны и Берном, Цюрихом, Базелем, Шаффхаузеном, Гларусом и Санкт-Галленом с другой. Противостояние горных и лесных кантонов закончилось 11 октября 1531 г., когда армия «лесных кантонов» одержала победу в битве при Каппеле, где также погиб и сам Ульрих Цвингли.

Несмотря на то, что противостояние горных и равнинных кантонов в эпоху Реформации носило религиозный характер, в основу конфликта легло так же отношение к наемничеству двух регионов страны, что показывает нам разницу понимания феномена войны у населения в горной местности и на равнине. Если в городских кантонах Швейцарии наемничество в общественном сознании носило явно отрицательный характер, из-за

чего личное неприятие этого феномена Ульрихом Цвингли было поддержано населением, то в горных кантонах, где наемничество было частью институционализированного милитаризма в социокультурном пространстве, военное предпринимательство яростно защищалось.

На милитаризацию горных регионов Швейцарии указывает, и сама ранняя история Союза в первой половине XIV-XVI вв. Швейцарский Союз был создан в 1297 г. как военное объединение горных кантонов Ури, Швица и Унтервальдена против уже тогда Габсбургской Священной Римской Империи. Победа под Моргартене в 1315 г. над австрийскими рыцарями лишь укрепило положение Союза таким образом, что в середине XIV в. к нему присоединились ранее принадлежавшие Империи Люцерн (1332 г.), Цюрих (1351 г.), Цуг (1352 г.), Гларус (1352 г.) и Берн (1353 г.). Большая часть из новых членов Союза являлись «городскими» или «равнинными» кантонами. Первые военные успехи уже «Союза восьми кантонов» последовали в Бургундских войнах с Карлом Смелым, где впервые, с точки зрения военного искусства, себя в полной мере показала швейцарская пехота. Армия Швейцарского Союза являлась ополчением, собираемым на случай ведения боевых действий и поэтому каждый кантон, входящий в Союз, должен был выставлять определенное количество солдат на поле боя [12; С. 187]. Данные о количестве ополченцев, поставляемых кантонами, дает нам понять, что горные регионы Швейцарии в процентном соотношении к количеству населения, поставляли солдат больше, чем, например, самый крупный в Союзе город Цюрих. Так, в приводимых списках выплат, которые причислялись участникам сражения 2 марта 1476 г. по результатам раздела добычи, указывается, что Цюрих на битву поставил 1701 человек, в то время как менее населенный Швиц поставил 1181 человек. Так же относительно многочисленными выглядят горные кантоны Фрибур (827 человек) и Золотурн (928 человек) [2; С. 81-82]. Несмотря на то, что городские кантоны (например, Берн смог выдвинуть 7 тыс. человек) на поле боя поставили куда больше людей, однако, учитывая тот факт, что в горных кантонах численность населения была в разы меньше, чем в

городских, в предполагаемом процентном соотношении горные кантоны поставляли больше комбатантов. Это может говорить о том, что население горных кантонов представляли войну и связанные с ней мероприятия как совершенно нормальную и желанную практику и были более готовы вступить в швейцарское ополчение, чем население городских кантонов.

Результаты и их обсуждение

Указанные выше примеры показывают нам совершенно разное отношение к военному делу у населения горных и равнинных кантонов Швейцарии. Однако причина подобного отличия представляется нам не только в экономических и политических явлениях, но и в объективных природных условиях обитания.

Проживание на равнинной местности предполагает мобильность её жителей, постоянные контакты с другими этническими или государственными единицами (торговля, дипломатические сношения, война и т. д.), развитие инфраструктуры и городов, которые в свою очередь генерировали новые прогрессивные элементы социальной жизни и культуры. Отсюда и совершенно иное восприятие пространства, отношение к людям другой культуры, способности к интеграции и, что самое важное, предрасположенность к модернизации социальных, политических и экономических систем. Как следствие – разрушение традиционных культурных установок, либо их кардинальное изменение в векторе, назначенном модернизацией.

Именно поэтому протестантизм в Швейцарии поддерживался преимущественно населением равнинных и городских кантонов [6; С. 63]. Протестантизм в Швейцарии, вместе с собой нес идеи унитарного государства Ульриха Цвингли, согласно которой союз кантонов, где полномочия субъектов союза были широкими, должен был превратиться в единое государство с единым центром управления. Поскольку население равнинных кантонов, вследствие влияния среды обитания, были более предрасположены к принятию идей модернизации, то идеи Цвингли были поддержаны ими.

Совершенно иная картина представляется в горной местности. Здесь, ввиду сложности ландшафта (горные хребты, малое

количество долин и равнин, пригодных для проживания и хозяйственного освоения и т. д.) создавался иной тип развития общества, характеризующийся закрытостью отдельных этнических общностей от контактов с внешним миром и отсутствие внутри социума стимулов и источников к модернизации сфер жизни на определенных этапах исторического развития. Продиктованная естественными условиями стратегия выживания откладывает отпечаток не только на политической и экономической сферах жизни, но, что более важно, на социальных установках, культурных особенностях и структуре общественного сознания человека, в сторону сохранения относительного традиционализма.

Милитаризм, как крайняя готовность населения к вооруженному столкновению, играл важную роль для традиционной культуры ещё на этапе родоплеменных отношений. Изначально он был неотъемлемой частью стратегии выживания человека и его общества, однако в условиях разложения родоплеменных отношений, милитаризм перестал играть подобную роль. В условиях изоляции, обусловленной горным ландшафтом, традиционная культура сохраняется гораздо лучше, нежели на равнине. Вместе с этим, милитаризм также остается её частью в виде социокультурного феномена, в котором военное дело и связанные с ним процессы становятся нормальной и желанной социальной практикой. В таких условиях население горной местности более готово к ведению боевых действий, поскольку сохраняющаяся традиционная культура воспринимает войну как нормальное и естественное явление.

Более того, горный ландшафт не предполагает возможности создания крупных населенных пунктов и обработку земли в широких масштабах, что особенно актуально для Раннего Нового времени в Европе, отдельные этнические и социальные единицы вынуждены располагаться компактно, отчего возрастает плотность населения в пригодных для проживания районах. В результате возрастает фактор напряжения и конфликтности, что, безусловно, способствует развитию милитаризма и активности населения в военном деле. В Швейцарии XIV-XVI вв. это отразилось как в политическом, так и в культурном пространстве. Горные кантоны

враждовали не только с равнинными, но и друг с другом. Более того, рост конфликтности отразился в виде изменения различных культурных практик, ранее не ассоциировавшихся с военным делом. Так, например, Knabenschaften, ранее существовавший как гильдийный союз подростков в возрасте 15-16 лет и выполнявший функции «моральной полиции» в деревне (взаимоотношения с противоположным полом, соблюдение предсвадебных обрядов и др.) в горных кантонах Швейцарии стал включать в себя и военные функции, обучая молодых людей военному ремеслу, в том числе методом грабежа населения из других кантонов [16].

Высокая степень конфликтности в принципе препятствует какой бы то ни было демилитаризации, что вместе с ухудшением экономических условий (малоземелье, огораживание) в горной Швейцарии привело к росту социокультурного милитаризма и вытекающую из него готовность населения к военному предпринимательству, что на равнине в принципе не распространилось.

Заключение

Таким образом, сравнение отношения населения горных и долинных кантонов Швейцарии к военному делу говорит о его прямой связи с характером местности проживания. Наличие больших горных областей привело не только к генезису и развитию специфического швейцарского милитаризма, но и к сохранению его инерции на фоне мирного нейтрального развития в более позднее время. Это говорит о важности учёта условий естественного пространства как при исследовании внутренней культуры страны, так и при анализе места страны в региональном и глобальном балансах сил.

На фоне прихода Нового времени определяется не только коммуникационная, но и финансовая специализация Швейцарии, находящейся в центре бурно развивающейся Европы. Продолжается формирование швейцарской гражданской нации, интегрированной не на этноконфессиональных основаниях, а на общности территориальных, экономических и политических интересов. Подобная экономико-финансовая и политическая модернизация не потребовала жесткого вытеснения социокультурных традиций местного общества и фактически «легла»

поверх них. При этом интенсивность этого вытеснения напрямую зависела от пространственных условий и менее всего проявилась в горных местностях. Падение спроса на наемников привело к сворачиванию этой статьи экспорта, специфический элемент которой со временем сохранился только в виде Швейцарской гвардии Ватикана. Однако характер развития европейского региона актуализировал необходимость военной защиты финансового и политического суверенитета страны. Это привело не только к сохранению

социокультурного милитаризма, но и к развитию его в условиях новых геополитических эпох, включая современную. По сию пору Швейцария сохраняет не только автономную боеспособную армию, не интегрированную в иерархичные военные блоки, но и отличается относительно высоким уровнем милитаризма населения, что, в частности, проявляется в поддержке сохранения военного призыва на периодически проводимых по этому вопросу референдумах.

Список литературы

1. Александров С. Е. Германское наемничество в период позднего средневековья : дис. канд. ист. наук. М., 2001. 227 с.
2. Давыдов А. Г. и др. Воинские традиции швейцарского средневековья. Н. Новгород : «Поволжье», 2013. 312 с.
3. Костров А.В. Геополитика: Учебно-методическое пособие. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. 140 с.
4. Костров А.В. Геополитический фактор в истории Кавказского региона. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 7(21). Ч. III. С. 84-86.
5. Мор Т. Утопия. [Электронный ресурс]. Спб.: «Academia», 1935. 25 с. URL: https://royallib.com/book/tomas_mor/utopiya.html (дата обращения: 12.02.2023).
6. Райнхард Ф. История Швейцарии. М. : «Весь мир», 2013. 91 с.
7. Таценко Т. Н. Ульрих Цвингли и Реформация в Цюрихе // Труды СПбИИ РАН. 2017. №3 (19) С. 165-197. URL: http://www.spbiiran.nw.ru/wp-content/uploads/2019/02/tazenko2_03_print_6.pdf (дата обращения: 05.02.2023)
8. Цыбаков Д. Л. Гражданский милитаризм и его проявления в современном политическом процессе // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2009. №1. С. 86-91. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskiy-militarizm-i-ego-proyavleniya-v-sovremennom-politicheskom-protse> (дата обращения: 05.02.2023).
9. Энгельс Ф. Сочинения. М. : Государственное издательство политической литературы, 1959., 936 с.
10. Schnabel C. Gerechter Krieg // Reformierte kirche kanton Zurich [Elektronische resourse]. 1999. URL: <https://www.zhref.ch/themen/reformationsjubilaem/allgemeine-informationen/huldrych-zwingli/zwingli-lexikon-von-a-bis-z-1/lexikon-k/krieg> (behandlungsdatum: 21.01.2023)
11. Büchi A. Quellen zur Schweizer Geschichte. Albrecht von Bonstetten. Briefe und ausgewählte Schriften. [Elektronische Ressource]. Basel. 1893. S. 217-267. Erhältlich bei : https://archive.org/details/bub_gb_CNguAAAAYAAJ/page/n5 (behandlungsdatum: 12.01.2023).
12. Diebold Schilling der Jüngere. Luzernerchronik [Elektronische resourse]. E-codices – Virtuelle Handschriftenbibliothek der Schweiz, 2015. – 688 s. URL: <http://www.e-codices.unifr.ch/de/thumbs/kol/S0023-2/Sequence-1291> (behandlungsdatum: 19.12.2022).
13. Eine treue und ernstliche Vermahnung an die Eidgenossen // Huldrych Zwingli Werke: Digitale Texte [Elektronische resourse] URL: <https://www.irg.uzh.ch/static/zwingli-werke/index.php?n=Werk.34> (behandlungsdatum: 15.12.2022).
14. Gäbler Ulrich. Huldrych Zwingli: His Life and Work. Philadelphia : Fortress Press. 1986. Pp. 1-20.
15. Huldrych Zwingli Werke // Huldrych Zwingli Werke: Digitale Texte [Elektronische resourse] URL: <https://www.irg.uzh.ch/static/zwingli-werke/index.php?n=Main.HomePage> (behandlungsdatum: 15.12.2022).

16. Anne-Marie Dubler. Knabenschaften // Historisches lexicon der schweiz HLS. 2013. [Elektronische resourse] URL: <https://hls-dhs-dss.ch/de/articles/027153/2013-10-03/> (behandlungsdatum: 15.12.2022).

17. Mann M. The Sources of Social Power. Volume III: Global Empires and Revolution. 1890–1945. [Electronic resource]. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 510 p. URL: <https://www.cambridge.org/core/books/sources-of-socialpower/276BE0790828003D03D2C98A1CF066AB> (accessed: 05.11. 2022).

18. Ratschlag über den Krieg // Huldrych Zwingli Werke: Digitale Texte [Elektronische resourse] URL: <https://www.irg.uzh.ch/static/zwingli-werke/index.php?n=Werk.139> (behandlungsdatum: 15.12.2022).

19. Shaw M. Twenty-First Century Militarism: A Historical-Sociological Framework. [Electronic resource]. London: Routledge, 2012. 15 p. URL: <https://historicalsociology.files.wordpress.com/2011/08/shaw-twenty-first-century-militarism-a-historical-sociological-framework.pdf> (accessed: 05.11 2022).

THE GEOPOLITICAL FACTOR OF THE DEVELOPMENT OF SWISS MILITARISM IN THE CONTEXT OF MILITARY ENTREPRENEURSHIP OF THE XIV-XVI CENTURIES

The article discusses the possibilities and factors of influence of natural space on the formation of a special attitude of the population to the phenomenon of war. As an example, Switzerland is considered in the period of its formation within its modern borders in the XIV-XVI centuries. Separately, the authors note the understanding of the phenomenon of militarism as a sociocultural construct by the authors, including based on the originality of this approach in modern Russian historiography. Geographic determinism is used as the main research method. On its basis, using the data given in synchronous written sources, the influence of mountainous rugged terrain on the population's perception of the phenomenon of war and the formation of militarism in the socio-cultural space of society is considered. There is a difference in attitudes towards military affairs in the mountainous cantons of Switzerland and the plains. The researchers point out that this fact is most clearly seen in the Kappel religious wars, where the mountain cantons, in addition to protecting religious beliefs, defended their right to military enterprise, while reformers from the flat part of the country considered mercenarism as a threat to the unity of the country. In conclusion, a conclusion is made about the direct influence of the natural-geographical factor on the perception of the surrounding space and, as a result, the special attitude of the population in military affairs i.e., formation of the socio-cultural phenomenon of militarism.

Keywords: Militarism, geographical determinism, Switzerland, military affairs, military enterprise, religious wars.

References

1. Aleksandrov S. E. (2001) Germanskoe naemnichestvo v period pozdnego srednevekov'ya [German mercenary in the late Middle Ages]. M., 2001. 227 p.
2. Davydov A. G. and other. (2013) Voinskie traditsii shveysarskogo srednevekov'ya [Military traditions of the Swiss Middle Ages]. Nizhny Novgorod.: «Povolzh'e», 2013. 312 p.
3. Kostrov A. V. (2016) Geopolitika: Uchebno-metodicheskoe posobie [Geopolitics: Educational and methodical manual]. Irkutsk: Izdatel'stvo ISU, Publ. 2016. 140 p.
4. Kostrov A. V. (2012) Geopoliticheskij faktor v istorii Kavkazskogo region [Geopolitical factor in the history of the Caucasus region]. 2012. № 7(21). V. 3. Pp. 84-86.
5. Mor T. (1516) Utopiya. [Utopia]. St. Petersburg: «Academia», 1935. 25 p. Available at: https://royallib.com/book/tomas_mor/utopiya.html (accessed: February 12.2023).
6. Rainkhard F. (2013) Istoriya Shveysarii [Swiss history]. Moscow. : Izdatel'stvo «Ves'mir», 2013. 91 p.
7. Tatsenko T. N. (2017) Ul'rikh Tsvingli i Reformatsiya v Tsyurikhe [Ulrich Zwingli and the Reformation in Zurich]. Proceedings of SPbII RAS. 2017. №3 (19) Pp. 165-197. URL: http://www.spbiiran.nw.ru/wp-content/uploads/2019/02/tazenko2_03_print_6.pdf (accessed: February 05. 2023).
8. Tsybakov D. L. (2009) Grazhdanskii militarizm i ego proyavleniya v sovremennom politicheskom protsesse [Civil militarism and its manifestations in the modern political process]. Proceedings of higher educational institutions. Volga region. Social Sciences, 2009. Pp. 86-91 №1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskiy-militarizm-i-ego-proyavleniya-v-sovremennom-politicheskom-protsesse> (accessed: February 05.2023).

9. Engel's F. (1959) *Sochineniya [Works]*. M.: State publishing house of political literature, 1959., 936 p.
10. Schnabel C. (1999) «Gerechter» Krieg [«Fair» War]. Reformierte kirche kanton Zurich. 1999. URL: <https://www.zhref.ch/themen/reformationsjubilaem/allgemeine-informationen/huldrych-zwingli/zwingli-lexikon-von-a-bis-z-1/lexikon-k/krieg> (accessed: January 21. 2023).
11. Büchi A. (1893) *Quellen zur Schweizer Geschichte*. Albrecht von Bonstetten. Briefe und ausgewählte Schriften. [Sources of Swiss history. Albrecht von Bonstetten. Letters and selected writings]. Basel. 1893. Pp. 217-267. Available at: https://archive.org/details/bub_gb_CNguAAAAYAAJ/page/n5 (accessed: January 12. 2023).
12. Diebold Schilling der Jüngere. (1513) *Luzernerchronik [Lucerne Chronicle]*. E-codices – Virtuelle Handschriftenbibliothek der Schweiz, 2015. 688 p. URL: <http://www.e-codices.unifr.ch/de/thumbs/kol/S0023-2/Sequence-1291> (accessed: December 19. 2022).
13. Huldrych Zwingli. (1524) Eine treue und ernstliche Vermahnung an die Eidgenossen [A faithful and solemn address to the Confederates]. Huldrych Zwingli Werke: Digitale Texte URL: <https://www.irg.uzh.ch/static/zwingli-werke/index.php?n=Werk.34> (accessed: December 12. 2022)
14. Gäbler Ulrich. (1986) *Huldrych Zwingli: His Life and Work*. Philadelphia : Fortress Press. 1986. Pp. 1-20
15. Huldrych Zwingli Werke [Works by Ulrich Zwingli]. Huldrych Zwingli Werke: Digitale Texte. URL: <https://www.irg.uzh.ch/static/zwingli-werke/index.php?n=Main.HomePage> (accessed: December 15. 2022).
16. Anne-Marie Dubler. (2013) *Knabenschaften*. Historisches lexicon der schweiz HLS [Historical encyclopedia of Switzerland HES]. URL: <https://hls-dhs-dss.ch/de/articles/027153/2013-10-03/> (accessed: December 15. 2022).
17. Mann M. (2012) *The Sources of Social Power*. Volume III: Global Empires and Revolution. 1890–1945. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 510 p. URL: <https://www.cambridge.org/core/books/sources-of-socialpower/276BE0790828003D03D2C98A1CF066AB> (accessed: November 05. 2022).
18. Huldrych Zwingli. (1529) *Ratschlag über den Krieg [War advice]*. Huldrych Zwingli Werke: Digitale Texte. URL: <https://www.irg.uzh.ch/static/zwingli-werke/index.php?n=Werk.139> (accessed: December 15. 2022).
19. Shaw M. (2012) *Twenty-First Century Militarism: A Historical-Sociological Framework*. London: Routledge., 2012. 15 p. URL: <https://historicalsociology.files.wordpress.com/2011/08/shaw-twenty-first-century-militarism-a-historical-sociological-framework.pdf> (accessed: November 05. 2022).

Об авторах

Лахтюк Сергей Александрович – аспирант кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета (Россия),

E-mail: lahtiuk.sergey@gmail.com

Костров Александр Валерьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета (Россия),

E-mail: a_kostrov@mail.ru

Сайтгареев Рауль Раулевич – кандидат исторических наук, доцент отделения «Высшая школа журналистики и медиапроизводства» Иркутского государственного университета (Россия), E-mail: raulgara@yandex.ru

Lakhtyuk Sergey Alexandrovich – postgraduate student of the Department of World History and International Relations, Irkutsk State University (Russia), E-mail: lahtiuk.sergey@gmail.com

Kostrov Aleksandr Valerievich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of World History and International Relations, Irkutsk State University. E-mail: a_kostrov@mail.ru

Saitgareev Raul Raulevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Higher School of Journalism and Media Production, Irkutsk State University (Russia), E-mail: raulgara@yandex.ru

УДК 821.161.1.09

Никифоров Ю.С., кандидат исторических наук, доцент, Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского (Россия)

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЕ ОБЛАСТИ И МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В СССР (1960-1980-Е ГГ.)

Центральным концептом исследования является межрегиональное взаимодействие. В статье рассматриваются основные формы межрегионального сотрудничества в позднем СССР. Анализируется межрегиональное сотрудничество институтов власти в СССР 1960-1980-х гг. Изучаются особенности межрегиональной коммуникации руководящих кадров Верхневолжских областей РСФСР (Ивановская, Костромская, Ярославская). Внимание уделяется рассмотрению значимых «горизонтальных» связей (линия «регион-регион») в межрегиональном взаимодействии. Корпус источников включает рассекреченные архивные документы Государственного архива Ивановской области (ГАИО), Государственного архива новейшей истории Костромской области (ГАНИКО), официальные нормативные документы, данные устной истории и научной литературы. В статье утверждается, что в 1960-1980-е гг. наблюдался рост межрегиональной коммуникации на основе производственных цепочек. Подчеркивается, что имело место усиление контактов Верхневолжских областей с различными регионами СССР, включая союзные республики (Белоруссия, Узбекистан, Украина). Делается вывод, что межрегиональное взаимодействие Верхневолжских областей находилось под влиянием трех факторов: экономического, идеологического, персонального.

Ключевые слова. СССР, Верхневолжские регионы, Хрущев, Брежнев, Косыгин, межрегиональное взаимодействие, горизонтальные связи, первый секретарь обкома КПСС, региональная власть, устная история.

DOI:10.22281/2413-9912-2023-07-02-111-118

Введение

В современной историографии развитие получила идея о параллельном существовании во взаимодействии властных структур СССР «вертикальной» коммуникации (линия «регион-центр») и «горизонтальных» связей (линия «регион-регион»). Авторитетный историк А.Б. Коновалов, характеризуя систему функционирования власти в Сибири (1945-1991), подчеркивал рост горизонтальной, межрегиональной коммуникации в 1970-1980-х гг.: «Со второй половины 1970-х гг. начинают складываться принципиально иные формы межрегиональной экономической интеграции. Усиление производственной кооперации, помноженное на личное знакомство партийных руководителей двух и более регионов приводило к возникновению сугубо региональных взаимоотношений лидеров. Горизонтальные управленческие связи иногда оказывали больший эффект, нежели вертикальные» [8, с.44]. Гипотезой настоящего исследования является предположение о наличии во властной коммуникации [9] Верхневолжских областей РСФСР (Ивановская, Костромская, Ярославская) 1960-1980-х гг. значимых «горизонтальных» связей (линия «регион-регион»), которые были связаны с межрегиональным

сотрудничеством институтов власти. В настоящей статье на материале Верхневолжских областей будет предпринята попытка выявить основные формы и некоторые характерные особенности межрегионального взаимодействия в СССР 1960-1980-х гг.

Методы

Научное исследование проведено с учетом теоретического постулата о власти как коммуникации [9] и построено на сочетании классического источниковедческого анализа архивных документов и междисциплинарных методов устной истории (неформализованное полуструктурированное интервью). *Источниковая база* исследования включает в себя несколько основных групп. Во-первых, анализировались рассекреченные архивные документы. Основу корпуса источников составил неопубликованный материал Государственного архива Ивановской области (ГАИО) и Государственного архива новейшей истории Костромской области (ГАНИКО). Во-вторых, дополнительную роль сыграли свидетельства устной истории, полученные лично автором в 2016-2019 гг. посредством интервьюирования представителей региональной власти 1960-1980-х гг. На эти интервью, позднее опубликованные в форме

учебного издания и включенные в монографию [10, 13], в статье и идут прямые ссылки. Анализируются фрагменты интервью представителей советской и партийной власти Ярославского региона 1960-1980-х гг.: И.А. Толстоухова (в 1986–1990 гг. - 1-й секретарь Ярославского обкома КПСС), В.В. Величко (в 1970-1980-е гг. - помощник 1-го секретаря Ярославского обкома КПСС), Т.П. Колпакова (в 1970-1980-е гг. - секретарь по сельскому хозяйству Ярославского обкома КПСС). В-третьих, корпус источников включает официальные нормативные документы – совместные постановления ЦК КПСС и Совмина СССР. Методология исследования основана на принципах историзма, объективности и системности. В ходе исследования применялся формально-логический и сравнительно-исторический метод. Достоверность полученных результатов обеспечена широким привлечением разнообразных исторических источников.

Результаты

Традиционной формой межрегионального взаимодействия, которая активно поощрялась Центром, следует назвать социалистическое соревнование регионов. А.И. Савин и Н.Ю. Пивоваров совершенно справедливо отмечали, что соцсоревнования «использовались в качестве обязательного инструмента «расшивки» узких мест в экономике, а также являлись неотъемлемым атрибутом всех хозяйственно-политических кампаний... этот внеэкономический инструмент, нацеленный на валовые показатели и количественные производственные рекорды, ... не мог быть эффективно использован для решения такой глобальной проблемы советской экономики, как низкое качество выпускаемой продукции» [16, с.168]. Кроме того, социалистическое соревнование нередко порождало такую негативную практику как приписки и искажение отчетности [6, с.365-368].

Архивные документы свидетельствуют об активном участии Верхневолжских областей в подобной форме межрегионального взаимодействия. Историк А.М. Белов подчеркивал «соседский» характер социалистического соревнования: «Соседние регионы, с которыми соревновалась Костромская область (Рязанская, Ивановская, Ярославская)» [1, с.134]. Переписка Костромского обкома

КПСС «с организациями и учреждениями других областей» за 1961 г. содержит информацию об участниках этого взаимодействия. Пространное письмо первого секретаря Ярославского обкома КПСС Б.А. Баринова от 18.03.1961 г. о социалистическом соревновании между областями, адресованное первому секретарю Костромского обкома КПСС Л.Я. Флорентьеву [4, Л.12-21], по стилю можно вполне сравнить с вызовом на дуэль или объявлением войны. В письме Баринова пафосно обращался: «вызываем на социалистическое соревнование рабочих... Владимирской и Костромской областей» [4, Л.21], «направляем Вам социалистические обязательства рабочих... Ярославской области за 1961 г.» [4, Л.12].

Однако, нередким было социалистическое соревнование между географически отдаленными территориями СССР. Архивные документы Ивановского архива (ГАИО) позволяют судить о «ходе социалистического соревнования Ивановского и Ташкентского экономического района». Строки отдельных архивных материалов рисуют достаточно героическую картину особенностей этого межрегионального взаимодействия в 1960-е гг.: «ташкентцы и ивановцы приняли высокие обязательства на семилетку» [2, Л.14], «пусть крепче и ярче разгорается социалистическое соревнование между трудящимися Ташкентской и Ивановской областей» [2, Л.19]. В выступлении Первого секретаря Ивановского обкома КПСС И.В. Капитонова от 3 июня 1960 г. на областном совещании работников промышленности прозвучали более прагматичные аспекты межрегионального сотрудничества. Капитонов четко обозначил основные направления межрегионального взаимодействия Ивановской области с УзССР: «С узбекскими товарищами мы договорились о некоторой товарищеской взаимопомощи: ... выделили некоторое количество семян люцерны, жмых и нефтебитум. В ответ на этом мы обещаем им оказать помощь картофелем» [2, Л.13]. Из короткого фрагмента источника видно, что сырье, семена и сельскохозяйственные продукты были значимым материальным аспектом межрегионального взаимодействия. Однако, конечно же, самым значимым и очевидным аспектом кооперации между текстильным краем РСФСР и

среднеазиатской республикой в составе СССР был хлопок. Об этом прямым текстом сообщил в своем выступлении И.В. Капитонов: «Побудительным мотивом соревнования явилось также то, что в Ивановском и Ташкентском экономических районах имеются родственные предприятия текстильной, машиностроительной и химической промышленности... Узбекская республика является крупным поставщиком хлопка для наших текстильщиков» [2, Л.22]. Наконец, еще один долговременный аспект сотрудничества Иваново и Узбекистана был связан с переселенческой политикой. Так, в начале 1960-х гг. имело место направление квалифицированных кадров из Иваново в аграрный сектор южной советской республики: «В 1961 г. переселить из городов и рабочих поселков Ивановской области в колхозы и совхозы Ташкентской области 100 семей» [2, Л.55].

Важной частью межрегиональных контактов были взаимные визиты делегаций руководства. Так, в своем выступлении И.В. Капитонов анонсировал подобные вояжи коллег из Узбекистана: «Позднее к нам обещали приехать секретари ЦК КПС Узбекистана гг. Рашидов и Титов» [2, Л.13]. Следует сказать, что упомянутый Ф.Е. Титов [17], занимавший должность второго секретаря компартии Узбекистана, ранее (до Капитонова) был первым секретарем Ивановского обкома КПСС [11]. Это обстоятельство, отражавшее линию Хрущева на интенсивное перемещение руководящих партийных кадров по регионам СССР, вне всяких сомнений усиливало на неформальном уровне горизонтальные связи во властной коммуникации между Иваново и Узбекистаном. Однако, эта межрегиональная коммуникация находилась под чутким контролем Центра. Капитонов отмечал, что «о результатах нашей поездки нашей делегации в Узбекистан мы доложили в отделе парторганов и промышленно-транспортном отделе ЦК КПСС, а также лично тов. Аристову» [2, Л.13]. Из речи Капитонова можно вычленишь, по крайней мере, 2 координирующие структуры ЦК КПСС (отдел парторганов и промышленно-транспортный отдел) и куратора межрегионального взаимодействия – секретаря ЦК КПСС А.Б. Аристова, который занимал должность заместителя председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР (1957-1961).

Следует сказать, что идеократический характер советского государства [7] оказывал влияние и на развитие горизонтальных связей во властной коммуникации СССР. Идеологический фактор был значимым аспектом в налаживании межрегионального взаимодействия. Так, руководство Ивановского обкома КПСС, желая идеологически «закрепить» межрегиональные контакты с Узбекистаном, в своих выступлениях сделало исторический экскурс, акцентировав внимание на героических страницах революции и гражданской войны: «Между трудящимися Ивановской и Ташкентской областей издавна существуют тесные связи и крепнущая дружба... корнями уходит в годы революции и гражданской войны... М.В. Фрунзе, которого ивановцы по праву считают своим земляком, был одним из первых руководителей борьбы узбекского народа за советскую власть» [2, Л.22].

Надо сказать, что аграрный сектор экономики - важный сюжет в переписке региональных обкомов КПСС с Центром. Специфическим для второй половины 1950-х - начала 1960-х гг. фактором межрегионального взаимодействия было «шефство над целиной». В общесоюзной хрущевской эпохее посредством «целинных наборов» [4, Л.74] кадры активно участвовали практически все регионы РСФСР, включая области Верхней Волги, которые несли серьезные издержки на фоне освоения целины. Истощение ресурса собственных квалифицированных кадров в аграрном секторе становилось особенно заметным в кризисные периоды развития сельского хозяйства, которые возникали с заметной регулярностью. Так, в начале 1960-х гг. сельское хозяйство Костромской области, судя по архивным документам, уже испытывало определенный дефицит рабочей силы. Руководство Костромской области (первый секретарь обкома КПСС Л. Флорентьев, зам. Председателя облисполкома А. Кузнецов) в совместном письме в Центр с грифом «секретно» от 4 сентября 1962 г. сообщали о серьезных проблемах с уборкой урожая: «Из-за непрерывных дождей тяжелая ситуация с уборкой урожая» [5, Л.169]. Вследствие «переувлажнения почвы» они констатировали «ручную уборку гороха, ржи, теребрение льна» и привлечение городских жителей для решения проблем («для оказания помощи

направлено 11 тыс. рабочих и служащих») [5, Л.169]. В связи с создавшейся ситуацией костромские руководители просили согласие Центра на использование дополнительных людских ресурсов: «Разрешить дополнительно привлечь 10 тыс. рабочих и служащих, а также направить 4 тыс. военнослужащих в колхозы и совхозы» [5, Л.169-170]. Наконец, костромское руководство фактически требовало от Центра возвращения материальных ресурсов и кадров, использованных Центром для освоения целины: «возвратить в Костромскую область 481 машину из других областей и наших механизаторов из Казахстана» [5, Л.170]. Этот фрагмент источника указывает как на рост субъектности региональных руководителей во взаимодействии с Центром, так и на серьезные просчеты центральной власти в проведении региональной политики, касающейся Нечерноземной зоны в целом и аграрного сектора в частности. Кроме того, в ходатайстве в Центр присутствовали просьбы о сокращении плановых показателей в отношении сельскохозяйственной продукции: «Уменьшить план заготовок сена с 8,5 до 5 тыс. тонн... разрешить не перерабатывать в 1962 г. на крахмал и спирт 42 тыс. тонн картофеля» [5, Л.170].

Хрущевская реформа совнархозов [14, 18] породила определенные ресурсные противоречия в межрегиональном взаимодействии. Комплекс документов, отложившийся в фонде ГАНИКО, свидетельствует, что, несмотря на получение определенной доли хозяйственной самостоятельности в ходе совнархозовской реформы, руководители регионов при возникновении ресурсных проблем обращались в Центр. В обнаруженном кластере материалов ключевым является совместное письмо Первого секретаря Костромского обкома Л. Флорентьева и председателя Костромского совнархоза Н. Тимофеева, адресованное зам. председателя Совмина СССР А.Н. Косыгину, который был одновременно депутатом Верховного совета от Костромской области [3, Л.104]. Это письмо от 13.09.1962 г. в сущности представляет собой жалобу костромских руководителей на коллег из двух союзных республик – Украины и Белоруссии (УССР и БССР), соединенную с просьбой о помощи [5, Л.171].

Сущность проблемы сводилась к тому,

что у предприятий костромского совнархоза возникли проблемы с «поставками трепаного льна в Кострому на льночесальные производства – фабрику «Искра Октября» [5, Л.177]. Виновниками проблемы были власти союзных республик – УССР и БССР: «Просим дать указание Совминам УССР и БССР об отгрузке льна по фондам 3-го квартала...». Далее детализировалось, что «Львовская, Житомирская, Черниговская области Украинской ССР из 625 т. поставили только 262 т. Совнархоз Белорусской ССР из 200 т. только 105 т.» [5, Л.177]. Ресурсная проблема была решена в пользу костромичей. В верхней части документа имеется печатная резолюция от 17 сентября 1962 г. А.Н. Косыгина с его подписью, адресованная в Совмин УССР (т. Щербицкому), Совмин БССР (т. Киселеву): «Прошу рассмотреть и принять срочные меры к отгрузке льна Костромскому совнархозу в полном соответствии с утвержденными фондами» [5, Л.170]. Из проанализированных документов видно, что А.Н. Косыгин как представитель Центра выступил в роли справедливого арбитра в межрегиональной ресурсной коллизии.

К началу 1980-х гг. в эру Брежнева в официальных Постановлениях ЦК КПСС и Советского Правительства можно увидеть усиление горизонтальных связей между регионами. Одной из форм такого межрегионального сотрудничества становится шефская помощь. Так, в 1980-е гг. объектами шефской помощи все чаще становятся регионы Нечерноземья (Нечерноземной зоны РСФСР). В числе «доноров» шефской помощи была группа союзных республик («коллективы трудящихся Узбекской ССР, Белорусской ССР, Литовской ССР и Киргизской ССР») [15, с.158-159].

Важную информацию о межрегиональном взаимодействии в СССР дают данные устной истории – материалы интервью. Информанты упоминали тесные связи с соседними областями РСФСР и союзными республиками. Так, первый секретарь Ярославского обкома КПСС И.А. Толстоухов в интервью приводит пример взаимопомощи регионов после наводнения в 1987 г.: «При возникновении проблем и чрезвычайных ситуаций помогали тесные партнерские отношения с соседями: звонили непосредственно в другие

регионы, с которыми были связаны наши заводы. Так, например, из-за наводнения в Ярославской области (1987) картофель были вынуждены завозить из Костромы, а также Белоруссии...» [13, с. 62]. Судя по высказываниям интервьюируемых, эти «горизонтальные», межрегиональные связи носили характер взаимовыгодного партнерства. Отметим интересную деталь, считываемую в фрагменте интервью: о помощи просили те регионы, с которыми было связано производство местных заводов. Еще один интервьюируемый В.В. Величко, помощник первого секретаря обкома в 1980-е гг. называет объясняет тесное партнерство с соседними регионами географической близостью и схожими климатическими условиями: «Дружили мы с другими регионами по-настоящему. Активно делились опытом работы с руководителями Костромы, Вологды, Иваново, Владимира. Поскольку, территория у нас относительно северная, то в неурожайные / дождливые годы на хозяйственном уровне сотрудничали с Украиной и Белоруссией: ездили за сеном, картофелем...» [13, с. 18].

Партнерство наблюдалось и на уровне технической кооперации. К началу 1980-х гг. было налаженное взаимодействие как между соседними Верхневолжскими областями, так и имело место сотрудничество с более отдаленными регионами, в которых можно выделить несколько направлений. Во-первых, наблюдалась стандартная кооперация на уровне заводов, связанных производственными технологическими цепочками. В интервью И.А. Толстоухов отмечал: «Звонили непосредственно в другие регионы, с которыми были связаны наши заводы» [10, с. 229]. Во-вторых, были и уникальные ситуации прямого бартера техники между регионами. Так, весьма ценными объектами межрегионального обмена были образцы новой сельскохозяйственной техники. В этом смысле показательна судьба комбайна «Ярославец» / «ЯСК-170» [12], который был примером одновременно и успешной кооперации в сфере агротехники, и эффективного лоббизма региональных властей в Центре на рубеже 1970-1980-х гг. На этот комбайн, по признанию регионального партийного функционера Т.П. Колпакова, «можно было выменять любую дефицитную технику у соседних областей» [10, с.215].

Заключение

Подводя итоги, отметим, что Верхневолжские области РСФСР (Ивановская, Костромская, Ярославская) активно участвовали в межрегиональном взаимодействии. Особенно тесным партнерство было между соседними областями. В 1960-1980-е гг. наблюдался рост горизонтальной, межрегиональной коммуникации на основе производственных цепочек. Это обстоятельство способствовало усилению контактов Верхневолжских областей и с более отдаленными регионами СССР, включая союзные республики (Белоруссия, Узбекистан, Украина). Основными формами межрегионального взаимодействия были социалистическое соревнование, производственная кооперация, взаимовыгодные поставки сырья и продовольствия, шефская помощь.

В послевоенный период социалистическое соревнование регионов продолжало оставаться формой межрегионального взаимодействия, наиболее поощряемой Центром. Оно нередко принимало характер соперничества областей-соседей. Строки архивных документов фиксировали героическую картину соцсоревнования, сравнимую с вызовом на дуэль. Обязательным компонентом такого вызова было перечисление производственных обязательств и экономических показателей будущего соревнования. Для самих регионов значимыми были сугубо прагматичные аспекты межрегионального сотрудничества, связанные с поставками продовольствия и сырья для промышленности. Важной частью межрегиональных контактов были взаимные визиты делегаций руководящих кадров партийного и советского уровней. Несмотря на рост интенсивности сотрудничества, самостоятельность регионов во взаимодействии была относительной. Межрегиональная коммуникация находилась под чутким контролем Центра. Так, инициативы Ивановской области контролировали 2 отдела ЦК КПСС и персональный куратор из Бюро ЦК КПСС по РСФСР. Значимую роль в налаживании межрегиональных контактов играл и идеологический фактор. Свообразным «якорем» для усиления межрегиональных связей было педалирование темы общего героического прошлого, исторические экскурсы во времена революции и гражданской войны.

Специфическим трендом межрегионального взаимодействия второй половины 1950-х-начала 1960-х гг. было «шефство над целинной». Неудачи целинной эпопеи способствовали скрытому росту субъектности региональных руководителей во взаимодействии с Центром. Так, руководство Костромской области для решения собственных производственных проблем настойчиво требовало возвращения с целины местных рабочих кадров. Другая хрущевская инициатива - реформа совнархозов породила ресурсные противоречия, связанные с недопоставками сырья. Для решения межрегиональных ресурсных коллизий костромское руководство было вынуждено подключать высший уровень власти. В роли справедливого арбитра выступил тогдашний зам. Председателя Совмина СССР А.Н. Косыгин, обращение к которому было далеко не случайным. Помимо прочего он был депутатом Верховного совета СССР от Костромской области.

На рубеже 1970-1980-х гг. межрегиональное сотрудничество Верхневолжских

областей вышло на новый уровень. В официальных Постановлениях ЦК КПСС и Советского Правительства можно видеть усиление горизонтальных связей между регионами. С одной стороны, значимой формой межрегионального сотрудничества становится шефская помощь, инициированная Центром в рамках Программы развития Нечерноземья. С другой стороны, существенное партнерство наблюдалось по линии самостоятельной технической кооперации регионов. Кооперация имела место как на уровне заводов, связанных производственными технологическими связями, так и по линии прямого межрегионального обмена. В этом смысле комбайн «Ярославец» стал уникальным феноменом инициативной и успешной кооперации в агротехнике.

Таким образом, рассмотренное межрегиональное взаимодействие Верхневолжских областей в 1960-1980-е гг. причудливо сочетало совокупное влияние нескольких факторов: экономического, идеологического, персонального.

Список литературы

1. Белов А.М. Руководители Костромской губернии и области 1778–2009. Кострома: КГУ, 2009. 296 с.
2. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. П-327. Оп.10. Д.923.
3. Государственный архив новейшей истории Костромской области (ГАНИКО). Ф. П-765. Оп.3. Д.531.
4. ГАНИКО. Ф. П-765. Оп.9. Д.44.
5. ГАНИКО. Ф. П-765. Оп.9. Д.171
6. Докладная записка от 24.07.1961г. Генерального прокурора СССР Р.А. Руденко в ЦК КПСС о борьбе с приписками и искажениями отчетности // Региональная политика Н.С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953–1964. М., 2009. С.251–368
7. Зубкова Е.Ю. Реформы Хрущёва: культура политического действия // Свободная мысль. 1993. №9. С.97-107
8. Коновалов А.Б. Формирование и функционирование номенклатурных кадров органов ВКП(б)-КПСС в регионах Сибири (1945-1991). Кемерово, 2006. 54 с.
9. Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001. 256 с.
10. Никифоров Ю.С. Верхневолжские регионы РСФСР и союзно-республиканский центр (1950-1980 гг.): теоретико-методологические основы изучения. Ярославль: ЯГПУ, 2021. 275 с.
11. Никифоров Ю.С. Движение вверх и по горизонтали: карьерные траектории лидеров Верхневолжских регионов в позднем СССР // Клио. 2020. №10. С.110-120
12. Никифоров Ю.С. Комбайн «Ярославец» на «бюрократических полях» поздней советской эпохи // Российская история. 2021. №3. С.168-181
13. Никифоров Ю.С. Новейшая отечественная история в зеркале интервью региональной элиты: от СССР к России через призму культурной памяти. Ярославль: ЯГПУ, 2018. 79 с.
14. Никифоров Ю.С. Попытка Ярославля потеснить Иваново в управлении Верхневолжским совнархозом // Вопросы истории. 2018. №6. С.137-145
15. Постановление ЦК КПСС от 5 мая 1981 г. о инициативе коллективов трудящихся

Узбекской ССР, Белорусской ССР, Литовской ССР и Киргизской ССР по усилению шефской помощи в выполнении мероприятий по развитию Нечерноземной зоны РСФСР // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1981-1984. Т.14. М., 1987. С.158-159

16. Савин А.И., Пивоваров Н.Ю. "Два плюс два равно пять?": социалистическое соревнование как идеологический концепт в послевоенном СССР (1945-1964) // Исторический курьер. 2021. №6(20). С.149-169.

17. Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898-1991 [Электронный ресурс] URL: Режим доступа: <http://www.knowbysight.info/index.asp> (дата обращения 11.12.2022)

18. Шестаков В.А. Совнархозы в экономической политике Н.С. Хрущева (1957-1964) // Преподавание истории и обществознания в школе. 2020. №5. С.3-18

UPPER VOLGA REGIONS AND INTERREGIONAL COOPERATION IN THE USSR (1960-1980S)

The central concept of the study is interregional interaction. The article discusses the main forms of interregional cooperation in the late USSR. The interregional cooperation of the institutions of power in the USSR in the 1960s-1980s is analyzed. The features of interregional communication of the leading personnel of the Upper Volga regions of the RSFSR (Ivanovo, Kostroma, Yaroslavl) are studied. Attention is paid to the consideration of significant "horizontal" links ("region-region" line) in interregional interaction. The corpus of sources includes declassified archival documents from the State Archives of the Ivanovo Region (GAIO), the State Archives of Contemporary History of the Kostroma Region (GANIKO), official regulatory documents, data from oral history and scientific literature. The article states that in the 1960s-1980s. there was an increase in interregional communication based on production chains. It is emphasized that there was an increase in contacts between the Upper Volga regions and various regions of the USSR, including the union republics (Belarus, Uzbekistan, Ukraine). It is concluded that the interregional interaction of the Upper Volga regions was influenced by three factors: economic, ideological, personal.

Keywords: USSR, Upper Volga regions, Khrushchev, Brezhnev, Kosygin, interregional interaction, horizontal ties, first secretary of the regional committee of the CPSU, regional authorities, oral history.

References

1. Belov A.M. (2009) *Rukovoditeli Kostromskoj gubernii i oblasti 1778–2009* [Leaders of the Kostroma province and region 1778–2009] Kostroma: KGU. 296 s.

2. Gosudarstvennyj arhiv Ivanovskoj oblasti [State Archive of the Ivanovo Region] (GAIO). Foundation P-327. Op.10. D.923.

3. Gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii Kostromskoj oblasti [State Archive of the Recent History of the Kostroma Region] (GANIKO). Foundation P-765. Op.3. D.531.

4. GANIKO. Foundation P-765. Op.9. D.44.

5. GANIKO. Foundation P-765. Op.9. D.171

6. Dokladnaya zapiska ot 24.07.1961 General'nogo prokurora SSSR R.A.Rudenko v CK KPSS o bor'be s pripiskami i iskazheniyami otchetnosti (2009) [Memorandum of the Prosecutor General of the USSR R.A.Rudenko in the Central Committee of the CPSU on the fight against additions and distortions of reporting dated July 24, 1961] // Regional'naya politika N.S.Hrushcheva. CKKPSS i mestnye partijnye komitety. 1953–1964 [Regional policy N.S.Khrushchev. Central Committee of the CPSU and local party committees. 1953–1964] M. S.251–368.

7. Zubkova E.YU. (2009). Reformy Hrushchyova: kul'tura politicheskogo dejstviya [Khrushchev's reforms: the culture of political action] // *Svobodnaya mysl'* [Free thought]. №9. S.97-107.

8. Kononov A.B. (2006). Formirovanie i funkcionirovanie nomenklaturnyh kadrov organov VKP(b)-KPSS v regionah Sibiri (1945-1991) [Formation and functioning of the nomenclature personnel of the bodies of the CPSU in the regions of Siberia (1945-1991)]. Kemerovo. 54 s.

9. Luman N. (2001). *Vlast'* [Power] M.: Praksis. 256 s.

10. Nikiforov Yu.S. (2021). Verhnevolzhskie regiony RSFSR i soyuzno-respublikanskij centr (1950-1980): teoretiko-metodologicheskie osnovy izucheniya [Upper Volga regions of the RSFSR and the Union-Republican center (1950-1980): theoretical and methodological foundations of the study]. Yaroslavl, YGPU. 275 p.

11. Nikiforov YU.S. (2020). Dvizhenie vverh i po gorizontali: kar'ernye traektorii liderov

Verhnevolzhskih regionov v pozdnem SSSR [Upward and Horizontal Movement: Career Trajectories of the Leaders of the Upper Volga Regions in the Late USSR] // *Klio [Clio]*. №10. S.110-120

12.Nikiforov YU.S. (2021). Kombajn «Yaroslavets» na «byurokraticeskikh polyah» pozdnej sovetskoj epohi [Harvester "Yaroslavets" on the "bureaucratic fields" of the late Soviet era] // *Rossiyskaya istoriya [Russian history]*. №3. S.168-181

13.Nikiforov Yu.S. (2018). Novejshaya otechestvennaya istoriya v zerkale interv'yu regional'noj elity: ot SSSR k Rossii cherez prizmu kul'turnoj pamyati [The contemporary national history in the mirror of an interview with the regional elite: from the USSR to Russia through the prism of cultural memory]. Yaroslavl, YGPU. 79 p.

14.Nikiforov YU.S. (2018). Popytka Yaroslavlya potesnit' Ivanovo v upravlenii Verhnevolzhskim sovnarhozom [Yaroslavl's attempt to squeeze Ivanovo out of control of the Upper Volga Economic Council] // *Voprosy istorii [Questions of history]*. №6. S.137-145

15.Postanovlenie CK KPSS ot 5 maya 1981 o iniciative kollektivov trudyashchihsya Uzbekskoj SSR, Belorusskoj SSR, Litovskoj SSR i Kirgizskoj SSR po usileniyu shefskoj pomoshchi v vypolnenii meropriyatij po razvitiyu Nechernozemnoj zony RSFSR (1987) [Decree of the Central Committee of the CPSU on the initiative of collectives of workers of the Uzbek SSR, the Byelorussian SSR, the Lithuanian SSR and the Kirghiz SSR to strengthen sponsorship in the implementation of measures to develop the Non-Chernozem Zone of the RSFSR of May 5, 1981] // KPSS v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov, konferencij i plenumov CK. 1981-1984. T.14. M. S.158-159.

16.Savin A.I., Pivovarov N.YU. (2021). "Dva plyus dva ravno pyat'": socialisticheskoe sorevnovanie kak ideologicheskij koncept v poslevoennom SSSR (1945-1964) ["Two plus two equals five?": Socialist competition as an ideological concept in the post-war USSR (1945-1964)] // *Istoričeskij kur'er [Historical courier]*. №6(20). S.149-169.

17.Spravochnik po istorii Kommunističeskoj partii i Sovetskogo Soyuzha 1898-1991(2022) [Handbook on the history of the Communist Party and the Soviet Union 1898-1991. Electronic resource] URL: Rezhim dostupa: <http://www.knowbysight.info/index.asp> (data obrashcheniya 11.12.2022).

18.Shestakov V.A. (2020). Sovnarhozy v ekonomičeskoj politike N.S.Hrushcheva (1957-1964) [Economic Councils in the economic policy of N.S.Khrushchev (1957-1964)] // *Prepodavanie istorii i obshchestvoznaniya v shkole [Teaching history and social studies at school]*. №5. S.3-18

Об авторе

Никифоров Юрий Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Россия), E-mail: Nikifor2108@yandex.ru

Nikiforov Yuri Sergeevich – candidate of historical sciences, associate professor of the Department of Russian History, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D.Ushinsky (Russia), E-mail: Nikifor2108@yandex.ru

Прилуцкий В.В., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ПЕРВЫЙ МАНИФЕСТ АМЕРИКАНСКОГО АНГЛОИЗРАИЛИЗМА – ПРЕДВЫБОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ ЭЗРЫ СТАЙЛЗА (1783 г.)

В статье рассматривается идеология англоизраилизма в проповеди 1783 г. «Соединенные Штаты возвысились к славе и чести» американского конгрегационалистского священника и ученого Эзры Стайлза (Стайлса) (1727-1795). Проведен анализ содержащихся в ней политических, религиозных и историко-философских идей. Показано, что, несмотря на защиту конституционных прав и религиозной свободы, автор проповеди защищал монархию и был сторонником правления избранной элиты, выборной «демократической аристократии». Представляется, что отстаиваемые Стайлзом принципы консервативного христианства сочетались с поддержкой концепции «града на холме» 1630 г., т.е. представлениями о богоизбранности пуритан-первопоселенцев, создававших Новый Иерусалим или Сион в Америке. Автор поддерживал псевдоисторическую теорию происхождения этносов. В Соединенных Штатах он видел «новый Израиль», избранный Богом, призванный повелевать завоеванными и подчиненными им «хананеями» – американскими аборигенами. Европейцев считал потомками библейского патриарха Иафета, что соответствовало существовавшей христианской традиции. В индейцах Нового Света, родственных народам Сибири, видел потомков представителей племен, изгнанных древними израильтянами после описанного в Библии завоевания Палестины и рассеянных по миру. По его мнению, продолжавшееся массовое переселение из Европы в Америку приведет к упадку Старого Света. Иммиграция даст новый импульс для развития, эффективного освоения и экономического процветания Американского континента, где численность лиц европейского происхождения существенно возрастет. В перспективе, по мнению Стайлза, якобы произойдет угасание иных рас, кроме европеоидов (индейцев и афроамериканцев). Подобные идеи служили обоснованием американской исключительности, превосходства Запада, евроцентризма и территориальной экспансии США.

Ключевые слова: зарождение идей англоизраилизма в США в конце XVIII в., Эзра Стайлз, американская исключительность, идеология западнотризма, консервативный протестантизм, религиозно-политическое обоснование территориальной экспансии США в новое время.

DOI:10.22281/2413-9912-2023-07-02-119-125

Введение

Англоизраилизм (англо-израэлизм, британский израелизм, Anglo-Israelism, British Israelism) – это религиозно-политическое учение, возникшее в Англии и других странах Западной Европы в XVI – первой половине XVII вв. Для него характерны представления о том, что англосаксы, кельты, германцы, скандинавы и некоторые иные родственные им западноевропейские народы якобы непосредственно произошли от древних евреев или от десяти «потерянных колен» (племен) Израилевых, упомянутых в Библии. Также в новое время распространились взгляды о том, что библейский иврит (древнееврейский) – это древний прамировой язык, праязык (протоязык) человечества. Несмотря на маргинальность, англоизраилизм оставил заметный след в религиозной и политической жизни англоязычных стран в XIX – начале XX вв., поскольку обосновывал их избранность и исключительность в мире.

Считается, что первыми произведениями, в которых была сформулирована идеология англоизраилизма, являлись книги французского гугенота – магистрата М. Ле Лойера «Десять потерянных племен» (1590 г.) и английского мыслителя и чиновника Джона Сэдлера (1615-1674) «Права королевства» (1649 г.). Также англоизраилизм нашел отражение в некоторых трудах фламандского философа-гуманиста Адриана ван Шрика (1560-1621) и английского исследователя древностей Генри Спелмана (около 1562-1641). Но доступно мало информации об идеях, содержащихся в этих работах, поэтому проповедь Эзры Стайлза 1783 г. следует считать одним из наиболее ценных источников по раннему англоизраилизму.

В 1783 г. США были молодым и слабым государством, только что получившим независимость в результате войны с Англией (1775-1783 гг.). Еще не действовала конституция США (принятая в 1787 г.), до конца не

оформились не только политические институты, но и территория Соединенных Штатов. Известно, что 20 ноября 1782 г. было заключено перемирие, а 3 сентября 1783 г. – мирное соглашение с Великобританией. Но британские войска, несмотря на эвакуацию из города Нью-Йорк 25 ноября 1783 г., продолжали оставаться в фортах Старого Северо-Запада вплоть до 1815 г.

Объекты и методы исследования

8 мая 1783 г. Э. Стайлз в условиях завершавшейся войны с Англией накануне выборов в Конгресс Соединенных Штатов (Конгресс Конфедерации) произнес торжественную проповедь. Речь была на заседании Генеральной ассамблеи (двухпалатного законодательного органа) штата Коннектикут. В ней нашли отражение взгляды Стайлза на политику, религию, общество и историю Америки. Произнесенная проповедь вскоре была опубликована в виде небольшой 99-страничной книги «Соединенные Штаты возвысились к славе и чести» (*The United States elevated to Glory and Honor*). Книга стала классической американской политико-философской работой, переизданной в США и Лондоне [9, р. 399-400]. Исторически это было одно из первых по времени произведений англоизраилизма в западном мире, и первое – написанное и изданное в США. Исследование работы Стайлза будет опираться на ряд различных подходов и методов: историко-сравнительный, историко-генетический, проблемно-хронологический, герменевтический, а также дискурсивный анализ. Герменевтика и дискурсивный анализ предполагают не только интерпретацию и понимание смысла текстов, исследование взглядов автора, учет его психологии, мировоззрения, ценностных ориентиров, но также изучение социальных условий создания произведения и влияния на него базовых культурных ценностей общества.

Личность Э. Стайлза практически неизвестна российскому читателю, но она достойна внимания. Ученый и проповедник был одним из значимых ранних сторонников идеи превосходства Америки, ставшей впоследствии своеобразной американской квазирелигией. В наши дни ее разделяют почти все представители политической элиты этой страны и многие рядовые граждане. Автор

знаменитой проповеди родился 10 декабря (29 ноября по старому стилю) 1727 г. в городе Нью-Хейвен в британской североамериканской колонии Коннектикут в семье протестантского пастора Айзека (Исаака) Стайлза. Его дед по линии матери преподобный Эдвард Тейлор (около 1642-1729), переселившийся из Англии в Америку в 1668 г., был известным врачом, священником и поэтом колониального периода [5, р. 1-5]. После получения домашнего образования изучал гуманитарные науки в Йельском университете в Нью-Хейвене (1742-1746 гг.) [4]. Получил степень магистра. Изучал богословие, увлекался идеями вольнодумцев. Рукоположен в 1749 г. Работал преподавателем в Йельском университете (1749-1755 гг.). Едва не перешел из кальвинизма в англиканство, но впоследствии все же остался верным Конгрегационалистской церкви. Проповедовал коренным американцам в Массачусетсе [7, р. 19-20]. Подружился со знаменитым американским философом-просветителем, ученым-изобретателем и политиком Бенджамином Франклиным. Переписывался с Томасом Джефферсоном. Изучил право и некоторое время занимался юридической практикой (1753-1755 гг.). Вскоре вернулся к работе священником. Поселился в городе Ньюпорт в провинции Род-Айленд (1755-1776 гг.), где также стал библиотекарем, что обеспечило ему доступ к редким книгам. Участвовал в создании в 1764 г. частного внеконфессионального Университета Брауна в городе Провиденс (колония Род-Айленд). В 1768 г. стал членом Американского философского общества, первого научного общества в истории США. В связи с началом войны за независимость США временно проживал в Массачусетсе и Нью-Гэмпшире, где был пастором в местных конгрегациональных церквях (1776-1777 гг.). В 1778 г. назначен 7-м президентом Йельского университета. Умер, находясь на этой должности, 12 мая 1795 г.

Стайлз – представитель интеллектуальной элиты Новой Англии, один из наиболее образованных людей Америки конца XVIII в. Он являлся не только священником и ученым, но и теологом, педагогом, литератором. В 1781 г. был избран в Американскую академию искусств и наук. В 1784 г. стал почетным членом элитарного патриотического «Ордена

Цинцинната». В колледже преподавал астрономию, химию, философию. Отличался большой эрудицией, широкими познаниями во многих областях [7, р. 353-360]. Хорошо знал Библию и священную историю, несколько языков (французский, латынь, иврит), всемирную историю, географию, произведения философов-просветителей и их предшественников. Проводил научные изыскания в области физики, статистики, археологии, семитологии. Изучал жизнь, быт и языки индейцев. Занимался арабским и арамейскими языками. Перевел часть Ветхого Завета с иврита на английский язык. Интересовался иудаизмом, каббалой, восточной литературой. Оставил интересный дневник, написанный хорошим литературным языком [8].

Результаты и их обсуждение

Стайлз утверждал, что «христианство обязано стать основой третьей земной империи», под которой он понимал Америку [6, р. 78]. «Должны произойти три одновременных события, о которых сказано в пророчествах: уничтожение папства, второе объединение евреев и полное обращение язычников. Либерализация христианства, несомненно, состоится в Америке, которая подготовит Европу к таким же точно изменениям, что поспособствует возвращению двенадцати колен в святую землю и другим событиям, преобразующим мир» [6, р. 56]. Стайлз выступал за свободу вероисповедания, предвосхитив Первую поправку к Конституции США, предложенную Конгрессом в 1789 г. и ратифицированную в 1791 г. Предсказывал, что со временем американская нация «вберет в себя все религиозные секты и деноминации христианского мира». Но также настаивал на особой роли Конгрегационалистской церкви и конгрегационализма в религиозной и социальной жизни Америки. Считается создателем современной американской «гражданской религии» [3, р. 63]. Общий для всех поселенцев английский язык, по его мнению, станет фундаментом для построения новой нации в Америке. «Сарацинские завоевания уже превратили чистый и прекрасный арабский язык племени курайшитов (курейшитов) или семьи Измаила в искаженные наречия Египта, Сирии, Персии и Индостана. Английский язык, в отличие от арабского, развивается вместе с современным американским населе-

нием, отличается значительной чистотой и красотой, не искажен привнесенными извне завоевателями иностранными, чуждыми ему языковыми элементами. И в этой связи я могу с удовольствием констатировать, что Бог в своем провидении способствовал тому, чтобы во время Реформации английский перевод Библии был выполнен с очень большой точностью, с большей точностью, чем любой ее другой перевод» [6, р. 51-52].

Описывая современное состояние Америки, Стайлз ссылаясь на образы и сюжеты из Ветхого Завета. Он утверждал, что Соединенные Штаты были основаны «под Богом», т.е. с признанием суверенитета Бога, что делает американское правительство правительством законов, а не людей. По воле Господа Иеговы «ветвь потомства Авраама будет собрана в стране (в США) и станет выдающимся, святым народом», избранным Богом, который «возвысится над всеми иными народами» [2]. Американские законы изначально, во время создания нации основывались на Десяти заповедях, которые были даны пророку Моисею Богом на горе Синай. В результате в Америке был создан идеальный, самый совершенный политический строй. В США «вновь воскресенный великий пророк Моисей», «человек божий, собрал три миллиона человек ... и вручил им второе издание священного Закона», «дарованного Всевышним» [6, р. 6]. «Пророчества будут исполнены буквально». В своей проповеди Стайлз рассуждал о «политическом благополучии божьего американского Израиля», основывающемся на «истинной религии» и «гражданском государственном устройстве» (civil polity). Он предсказывал «будущее процветание и величие Соединенных Штатов», «великой Американской республики», которая должна «по велению небес» «занять высокое положение среди народов Земли» [6, р. 7].

В своей речи представил обзор существовавших в конце XVIII в. европейских правительств и оценил их сильные и слабые стороны. Он негативно относился к абсолютной и наследственной монархиям, «монархической, аристократической, демократической республикам», «монархической аристократии», «наследственной аристократии», крайней демократии, а также к государству с постоянной армией. Симпатизировал монархии

и монархическим принципам. Полагал, что «монархия соответствует естественному состоянию» и «монархические идеи царят во вселенной». «Монархия, управляемая с безграничной мудростью и благожелательностью, является самым совершенным из всех возможных правительств», но это почти нереализуемо на практике [6, р. 18]. Идеальной формой государственного устройства также считал оптимальное сочетание монархических и республиканских принципов управления, называя его «демократической аристократией» (*democratical aristocracy*). «Выборная аристократия предпочтительнее для Америки, поскольку она скорее является советом наций». «Хорошо организованная демократическая аристократия, избираемая на ежегодных выборах народом и отзывающаяся им по своему усмотрению, – это Соединенные Штаты ..., и я верю, что они покажут себя как наиболее справедливое, свободное и совершенное государство (в мире)» [6, р. 20-21]. Конституции и законы отдельных штатов США, по мнению Стайлза, уже сейчас основаны на «высшей мудрости», а созданные в них институты обеспечивают народовластие, «общественную свободу» и «превосходят» достижения Ликурга и Платона. Политическое устройство отдельных штатов Америки «превосходно», обеспечивает защиту прав и свобод человека, контроль народа над властью и представляет собой «наиболее совершенную» государственную систему [6, р. 22-23].

В своей проповеди Стайлз отстаивал псевдоисторическую, лженаучную концепцию англоизраилизма, пропитанную в действительности духом расизма. Он фактически делил народы на полноценные, имеющие все права, и неполноценные, которые необходимо покорить. Для него США – это Израиль, а аборигены Америки – потомки «хананеев эпохи Иисуса Навина», рассеянных по миру жителей завоеванной в библейские времена древними израильтянами Палестины (Ханана). Англосаксы (англичане и белые англоамериканцы) – это часть яфетидов, т.е. европейцев – потомков легендарного библейского патриарха Иафета. Стайлз ссылаясь на древние мифы о путешествиях финикийцев и греков в Америку. Согласно этим легендам некоторые хананеи «на финикийских кораблях пе-

ресекли Средиземное море» и через Геркулевы столпы (Гибралтарский пролив) вышли в Атлантический океан. Об их якобы присутствии в Новом Свете свидетельствовали сохранившиеся древние наскальные надписи на пуническом (карфагенском) языке [6, р. 12-13]. Античные авторы писали о существовании на западе Атлантики «Островов Блаженных», т.е. Америки [1, с. 16-19]. Спустя 30 дней путешествия на запад хананеи могли бы попасть на них или на некий остров Атлас, т.е. в Атлантиду. «Двигаясь вдоль (африканского) побережья от Танжера, они могли быть перенесены пассатом через Атлантику, высадиться в тропических регионах и начать заселение Мексики и Перу» [6, р. 10-11]. По мнению проповедника, колонизация континента хананеями произошла задолго до открытия Америки викингами - переселенцами из Норвегии (1000-1001 гг. н.э.) и валлийским путешественником из народных легенд Мадоком (или Мадогом аб Оуайн Гвинедом, 1170 г.).

«Другая группа хананских изгнанников (десять племен) могла принять решение отправиться на северо-восток – в регион, где никогда не жил человек». «Сейчас известно, что Азия отделена водой от Америки». Хананеи стали «тартарами (татарами) – «чукчами» и «тунгусами» Камчатки и Чукотки «в северо-восточной Азии, откуда, перемещаясь по воде с острова на остров Северного архипелага, достигли регионов севера Америки, где образовали разбросанные по территории вожества (*Sachemdoms*)». Стайлз пришел к выводу, что «все американские индейцы – это один вид людей», «такой же, как люди на северо-востоке Азии». «Несмотря на разнообразие диалектов, в их языке наблюдается сходство, как и в цвете лица и безбородой внешности – от Гренландии до Дель-Фуэго (архипелага Огненная Земля), и от Антильских островов до Отахейт (Таити), а это свидетельствует о том, что они являются одним народом». Внешне похожи коряки, якуты, тунгусы, камчадалы, «проживающие рядом с Америкой», сибирские татары, калмыки, остяки и самоеды Сибири, аборигены Гренландии, индейцы Южной и Северной Америки [9, р. 407-410]. «Татарами» или «тартарами» в позднее средневековье и новое время западноевропейцы называли монголоидов Тартарии (известной также как азиатская Скифия или Сарматия,

Монгольская империя, Верхняя Азия, «страна Гога и Магога»). В восприятии Запада это были жители таинственных и опасных внутренних районов Евразии (народы и племена Центральной Азии и Сибири).

Автор сделал рациональный (и в принципе правильный с точки зрения современных научных представлений) вывод о том, что «американские аборигены произошли от азиатских тартар». Но далее его рассуждения оказались неверными: «обобщив разрозненные данные, можно понять, что хананеи из Средиземноморья прибыли в Америку разными путями». «Океанское течение с севера Азии могло бы перенести безбородых самоедов (самодийцев) из устья Енисея или Оби через Новую Землю в Гренландию, а оттуда – на побережье Лабрадора, спустя много веков после того, как беженцы (из Ближнего Востока), возможно, колонизировали тропические регионы». «Таким образом, провидению было угодно, чтобы три ответвления одного и того же народа из разных частей света ... в очень отдаленные времена встретились вместе на этом континенте, или «нашем острове» ..., чтобы заселить разные его земли за много веков до нынешнего воцарения Иафета» [6, р. 12].

Потомкам Иафета была дарована Америка, которая в конце XVIII в. в значительной степени оставалась малонаселенной частью света, за исключением тропических областей. «Небеса предоставили эту страну, ... лишь частично заселенную, и, следовательно, открытую для приема нового распространения Иафета. Европа была заселена Иафетом; Америка заселяется из Европы, и, возможно, что это второе расширение убедительно претендует на то, чтобы превзойти первое». Благодаря труду переселенцев из Европы, земля в Новом Свете (невозделанная индейцами), на которой создавались фермы и мануфактуры, приобретала огромную ценность. Стайлз предсказывал значительное увеличение численности белых в Америке благодаря естественному демографическому росту, правильно организованных иммиграции из Европы и колонизации новых территорий [6, р. 8-9, 12]. Увеличение количества европейцев произойдет преимущественно за счет притока англичан, французов, испанцев, голландцев, португальцев. В перспективе их численность должна достичь 200 или 300

млн. чел. Проповедник произвел подсчеты в духе мальтузианства. «В настоящее время в Северной и Южной Америке может быть 3 и 4 млн. белых или европейцев, из которых половина быстро увеличивается в численности». «В Соединенных Штатах в наши дни насчитывается 2 млн. белых – потомков 20 или 30 тыс. (разросшихся) семей (мигрантов) из Европы». «Уже длительное время население Европы составляет 100 млн. чел., а вероятнее всего – сокращается. Через 200 или 300 лет это второе расширение (Иафета) благодаря предприимчивости американцев и освоению ими новых территорий может привести к увеличению народонаселения Америки в 3 раза (по сравнению со Старым Светом), если сегодняшнее соотношение в приросте (между частями света) сохранится» [6, р. 9].

Стайлз писал: «Число аборигенов было неправильно оценено в 20 млн., но я полагаю, что со времен Колумба их количество никогда не превышало 2 или 3 млн. душ в Северной и Южной Америке» [6, р. 13]. Население Соединенных Штатов в будущем, вероятно, «будет очень большим; Иафет станет более многочисленным в Америке, чем в Европе и Азии». Количество людей в США «сравняется с восточными империями (Китай), которые намного превосходят по численности население Европы». «Население европейского происхождения уже настолько превосходит их (американских аборигенов), что ... в конечном итоге они станут, как большинство из них уже стало, слугами Иафета – 620 тыс. индейцев платят трибут (налог) в Перу. Мы увеличиваемся с большой скоростью; индейцы, а также миллион проживающих в Америке африканцев так же быстро сокращаются в численности». В итоге в недалеком будущем, по мнению Стайлза, останутся только белые, а афроамериканцы и индейцы вымрут естественным путем: «Оба (народа), предоставленные самими себе, уменьшаясь, могут постепенно исчезнуть: таким образом, несправедное рабство может быть, наконец, отменено благодаря божественному провидению в этой стране свободы» [6, р. 14].

Заключение (выводы)

Взгляды, отстаиваемые Стайлзом в проповеди 1783 г., являлись отражением основных идей американского политического консерватизма конца XVIII в. с пользовавшейся

популярностью в тот исторический период симпатией к монархии, принципов консервативного христианства (христианского фундаментализма) и представлений об исключительности и превосходстве США. Известно, что в эпоху Просвещения появились первые этнографические и демографические исследования, но часто они отличались неверными данными и ложными представлениями. Недостаток знаний ученых о мире в целом, низкий уровень развития науки того времени, весьма скудные познания исследователей в области

истории, археологии, антропологии, лингвистики способствовали ошибочным суждениям проповедника, его националистическим и расистским высказываниям. Стайлз по праву считается одним из основателей религиозно-политической концепции англоизраелизма, оправдывавшей европоцентризм и обосновывавшей идею гегемонии Запада над миром. Это была идеология превосходства (супремасизм) англосаксов и США, представленная в библейских и псевдонаучных понятиях.

Список литературы

1. Азимов А. История США. Освоение Северной Америки. М., 2003. 336 с.
2. Второзаконие 28:1, 9–14; 29:9–10, 14; 30:3, 9, 19.
3. God's New Israel: Religious Interpretations of American Destiny / Edited by C. Cherry. Chapel Hill (N.C.), L., 1998. 410 p.
4. Morgan E.S. Ezra Stiles: The Education of a Yale Man, 1742–1746 // *Huntington Library Quarterly*. 1954. May. Vol. 17. №3. P. 251-268.
5. Morgan E.S. *The Gentle Puritan: A Life of Ezra Stiles, 1727–1795*. Chapel Hill (N.C.), 1974. 499 p.
6. Stile E. The United States elevated to glory and honor. A sermon, preached before His Excellency Jonathan Trumbull, Esq. L.L.D, governor and commander in chief, and the Honorable the General Assembly of the state of Connecticut, convened at Hartford, at the anniversary election, May 8th, 1783. New Haven, 1783. 99 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/evans/N14363.0001.001/1:4?rgn=div1;view=fulltext>; <https://digitalcommons.unl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1041&context=etas> (дата обращения: 30.01.2023).
7. The life of Ezra Stiles, D.D., LL.D.: a fellow of the American Philosophical Society; of the American Academy of Arts and Sciences; of the Connecticut Society of Arts and Sciences; a corresponding member of the Massachusetts Historical Society; professor of ecclesiastical history; and president of Yale College. Boston, 1798. 404 p.
8. The Literary Diary of Ezra Stiles / Edited by F.B. Dexter. In 3 volumes. N.Y., 1901.
9. The Pulpit of the American Revolution: Or, the Political Sermons of the Period of 1776. With a Historical Introduction, Notes, and Illustrations / Edited by J.W. Thornton. Boston, N.Y., Cincinnati, 1860. 537 p.

THE FIRST MANIFESTO OF AMERICAN ANGLO-ISRAELISM – THE ELECTION SERMON OF EZRA STILES (1783)

The article examines the ideology of Anglo-Israelism in the 1783 sermon «The United States has risen to glory and honor» by the American Congregationalist priest and scientist Ezra Stiles (1727-1795). The analysis of the political, religious, historical and philosophical ideas contained in it is carried out. It is shown that, despite the protection of constitutional rights and religious freedom, the author of the sermon defended the monarchy and was a supporter of the rule of an elected elite, an elected «democratic aristocracy». It seems that the principles of conservative Christianity advocated by Stiles were combined with support for the concept of «a City upon a Hill» in 1630, i.e. ideas about the God-chosen Puritans – the first settlers, who created the New Jerusalem or Zion in America. The author supported the pseudo-historical theory of the origin of ethnic groups. In the United States, he saw a «new Israel», chosen by God, called to command the conquered and subordinate «Canaanites» – the American aborigines. Europeans were considered descendants of the Biblical patriarch Japheth, which corresponded to the existing Christian tradition. In the Indians of the New World, related to the peoples of Siberia, he saw the descendants of representatives of the tribes, expelled by the ancient Israelites after the conquest of Palestine, described in the Bible and scattered throughout the world. In his opinion, the continued mass migration from Europe to America will lead to the decline of the Old World. Immigration will give a new impetus to the development, effective development and economic prosperity of the American continent, where the number of people of European origin will increase significantly. In the future, according to Stiles, there will allegedly be an extinction of races

other than Caucasians (Indians and African Americans). Such ideas served as the rationale for American exceptionalism, Western-centrism, Eurocentrism and territorial expansion of the United States.

Keywords: the emergence of the ideas of Anglo-Israelism in the United States at the end of the XVIII-th century, Ezra Stiles, American exceptionalism, the ideology of Western-centrism, conservative Protestantism, religious and political justification of the territorial expansion of the United States in modern times.

References

1. Azimov A. Istoriya SSHA. Osvoenie Severnoj Ameriki [Asimov I. History of the USA. The shaping of North America]. Moskva, 2003. 336 s.
2. Vtorozakonie [Deuteronomy] 28:1, 9–14; 29:9–10, 14; 30:3, 9, 19.
3. God's New Israel: Religious Interpretations of American Destiny / Edited by C. Cherry. Chapel Hill (N.C.), L., 1998. 410 p.
4. Morgan E.S. Ezra Stiles: The Education of a Yale Man, 1742–1746 // Huntington Library Quarterly. 1954. May. Vol. 17. №3. P. 251-268.
5. Morgan E.S. The Gentle Puritan: A Life of Ezra Stiles, 1727–1795. Chapel Hill (N.C.), 1974. 499 p.
6. Stile E. The United States elevated to glory and honor. A sermon, preached before His Excellency Jonathan Trumbull, Esq. L.L.D, governor and commander in chief, and the Honorable the General Assembly of the state of Connecticut, convened at Hartford, at the anniversary election, May 8th, 1783. New Haven, 1783. 99 p. Retrieved 30 January, 2023 from <https://quod.lib.umich.edu/e/evans/N14363.0001.001/1:4?rgn=div1;view=fulltext>; <https://digitalcommons.unl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1041&context=etas>
7. The life of Ezra Stiles, D.D., LL.D.: a fellow of the American Philosophical Society; of the American Academy of Arts and Sciences; of the Connecticut Society of Arts and Sciences; a corresponding member of the Massachusetts Historical Society; professor of ecclesiastical history; and president of Yale College. Boston, 1798. 404 p.
8. The Literary Diary of Ezra Stiles / Edited by F.B. Dexter. In 3 volumes. N.Y., 1901.
9. The Pulpit of the American Revolution: Or, the Political Sermons of the Period of 1776. With a Historical Introduction, Notes, and Illustrations / Edited by J.W. Thornton. Boston, N.Y., Cincinnati, 1860. 537 p.

Об авторе

Прилуцкий Виталий Викторович – доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: vitaliypr@yandex.ru

Prilutsky Vitaly Viktorovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Bryansk State Academician I.G. Petrovski University (Russia), E-mail: vitaliypr@yandex.ru

УДК 070.13:94(476)

Цумарева Е.П., кандидат исторических наук, доцент, Белорусско-Российский университет (Беларусь)

К ВОПРОСУ О ЦЕНЗУРЕ: ПОНЯТИЕ, СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ, ИСТОРИОГРАФИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЦЕНЗУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ПЕРИОД 1905 – 1917 ГГ.

В статье проанализирована многоаспектность понятия цензуры. Среди методов исследования цензуры сделан акцент на системный подход. Рассмотрены труды отечественных и зарубежных авторов о развитии цензурной системы в Российской империи и ее части – цензуры на территории Беларуси в 1905 – 1917 гг. Ставится цель раскрыть понятие «цензура», значение системного подхода в ее изучении. В историографии вопроса выделить слабоизученные направления цензуры. В результате исследования автор пришла к выводу, что на современном этапе развития знания, цензура воспринимается как многоаспектное явление, с атрибутом дихотомии и противоречиями: с одной стороны, цензуре характерно подавление инакомыслия, с другой – она во многих чертах является мерилем свободы слова и мысли. Цензурный аппарат является частью цензуры и функционирует как государственный контролирующий орган. С позиций системного подхода автор воспринимает цензуру как систему с множеством составляющих, взаимосвязей между ними, собственной структурой, внутренней и внешней средой, равновесными и неравновесными состояниями. Неравновесные состояния цензуры в изучаемом периоде для территории Беларуси характерны в 1905 г., 1907 г. и в 1917 г. Цензура находилась в точках бифуркации, в состоянии раздвоения, неопределенности и возможности нескольких исходов. В данные периоды особенно рельефно проявилась взаимозависимость общественного настроения и действий с изменениями в цензуре, влияние внутренней и внешней среды. В ходе исследования выяснилось, что в отечественной и зарубежной историографии отсутствует комплексное изучение цензуры на территории Беларуси в 1905 – 1917 гг., поэтому существует потребность в детальной разработке функционирования цензурного аппарата, изучении практики цензурирования изданий в изучаемый период.

Ключевые слова цензура, институциональный подход, феномен культуры, функции, предварительная, последующая, манипуляция, дихотомия, системный анализ.

DOI:10.22281/2413-9912-2023-07-02-126-135

Введение

На современном этапе, в информационном обществе, проблема цензуры чрезвычайно актуальна. Вопрос о ее существовании и проявлениях, границах до сих пор остается одним из самых дискуссионных. Описание и уяснение сущности цензуры, с одной стороны, и свободы слова, с другой, характерно для разных наук: истории, философии, лингвистики, социологии, политологии, психологии и др. Для понимания проблемы взаимоотношений власти и общества на современном этапе необходимо исследование историографии цензуры. Актуальность тематики также определяется низкой степенью изученности проблемы в отечественной и зарубежной историографии.

Объект исследования – основные подходы к пониманию цензуры и методов исследования, историография вопроса.

Предмет исследования – изучение цензуры на территории Беларуси в 1905 – 1917 гг.

Основная часть

Прежде всего, рассмотрим исследования, посвященные изучению феномена цензуры.

В изучении цензуры выделяется направление, определившее цензуру как результат развития любого государства. В данном контексте цензура рассматривается как институт государства, власти, составляющая идеологической и политической сферы. Ученые М. В. Зеленев, В. В. Прозоров, М. А. Федотов и др. под цензурой понимали различные виды и формы контроля официальных властей за содержанием выпускаемой в свет информации с целью недопущения или ограничения распространения идей и сведений, признаваемых этими властями нежелательными или вредными [28, с. 83-86]. Для данного подхода характерно понимание цензуры как механизма донесения до масс идеологической программы властей. Т. М. Горяева в диссертационном исследовании «История советской цензуры, 1917 – 1991 гг.», рассмотрела цензуру как механизм влияния на

массовое сознание через посредничество формального и неформального ограничения и целенаправленного регулирования информационного пространства [5, с. 4-5]. Из определений следуют важность организационного, институционального аспекта и основания функционирования цензуры, ее проявления через государственные контролирующие органы [28; 25, с. 16-18].

Институциональный подход к пониманию цензуры раскрыт в статье И. Чирсковой «Тело власти»: цензура как феномен культуры. Автор подчеркивает, что государственному организму для функционирования необходима цензура, которая со временем стала частью «тела власти». Осознание властью действенности механизма социокультурного и политического воздействия на общественное мнение способствовало институциональному оформлению цензуры [32, с. 47]. Среди функций, исполняемых цензурой, выделены функция фильтрации чужеродных идей и регулятивно-карательная функция [32, с. 49].

Отмечено, что власть и общество по-разному понимали цензуру. Автор разделяет цензуру на правительственную и общественную. Правительственная цензура охраняла существующий политический режим. В противовес этому, общественное мнение инициировало реформы и социокультурные трансформации, защищая общество от разного рода давления в различных областях [32, с. 47]. Мы разделяем позицию И. Чирсковой о том, что правительственная цензура и общественное мнение – эти две важные и типологически различные разновидности цензуры, в совокупности «две стороны медали» [32, с. 48]. Вместе с тем, с нашей точки зрения, в исследовании цензуры необходима доработка роли личности в истории, т. к. деятельность отдельных цензоров и чиновников влияла на изменения в системе.

В русле институционального подхода, исследователь И. Е. Левченко выделила следующие виды цензуры в изучаемый нами период: предварительную (превентивную) и последующую (карательную) [18, с. 16].

По субъектности автор выделила ведомственную, церковную, партийную цензуру, социальных групп, общественного мнения. По сферам контроля: политико-

идеологическую, экономическую, религиозную, нравственную [18, с. 16].

Более широкий подход к пониманию цензуры описывает ее как сферу деятельности не только государственных органов, но и общественности, которая также как и политический режим, регулирует права человека [13, с. 96]. В данном контексте цензура – это часть общественных отношений. Соответственно, цензура описана как диалектическое понятие и является, с одной стороны, категорией запрета, с другой – мерилем прав и свобод. Взаимодействие имеющихся противоположностей становится импульсом дальнейшего развития и определяется, с нашей точки зрения, перевесом той или иной составляющей в пользу либерализации цензуры либо консервативности, переходившей в отдельные годы изучаемого периода в реакцию.

Следующий подход в историографии цензуры основывается на аксиологическом значении составляющих цензуры и раскрывается в понимании группами общества категорий «правильного» и «неправильного» в данный момент в данном государстве. Эта система ценностных координат, по мнению М. В. Зеленова, направляет деятельность цензоров, которая проявляется в цензурировании «неправильного», удалении «чужого текста», деятельности по составлению списков запрещенных книг, функционировании специальных хранилищ [13, с. 98.]. Выявлена прямая зависимость: изменения в понимании «правильного и неправильного» влекут изменения в цензурной политике властных групп [13, с. 98.].

На наш взгляд, описанная теория может применяться в изучении процесса фиксации норм в законодательных актах, в исследовании и характеристике тематики и сущности запрещенных текстов в изучаемый период. В данном подходе, с нашей точки зрения, недостаточно внимания уделено пониманию цензуры как системы.

Социально-философскому осмыслению цензуры посвящено диссертационное исследование Е. А. Агаповой «Философия цензуры: социокультурный и диахронический аспекты» [1]. Автор выделила и исследовала категориальную неоднозначность цензуры как феномена сознания, как социального феномена, как формы манипуляции сознанием.

Цензура как социокультурный феномен, является производной от общества, синтезом ценностей и факторов, влияющим на трансформацию общества, ценности и их формирование в общественном сознании. Также цензура может выступать фактором процесса консолидации [1, с. 5]. Кроме того, в регулирующей функции цензуры автор видит основу обеспечения стабильности в обществе [1, с. 6]. Одним из главных качеств, присущих цензуре, выделено свойство адаптации.

Зарубежной и отечественной историографии характерно исследование такого проявления цензуры, как манипуляция массовым сознанием [1; 10]. Исследование проводилось в совокупности с рассмотрением социальных процессов как результата коллективных настроений и установок, влияющих на социальное развитие через энергию масс, толпы [10, с. 115-116]. Первостепенное внимание уделено проблемам взаимоотношения средств массовой информации и цензуры, изучению таких форм проявлений массового сознания, как общественное мнение, массовое настроение.

Многие исследователи считают, что изменения в государстве и цензуре, возникающие при переходе на следующий этап развития, являются следствием изменений в общественном сознании [13, с. 98; 10, с. 116]. Социальность цензуры определяется тем, что общественные отношения, социальные взаимосвязи зависят от качества и объема информации [1, с. 7-8]. Но наступает период, когда общество нуждается в информации с новыми характеристиками, в осуществлении изменений. В такой ситуации цензура уже не способна и далее определять, гарантировать заданное и привычное направление развития.

Описанный процесс для изучаемого периода в Российской империи и на территории Беларуси, с нашей точки зрения, наступил в 1905 г., 1907 г. и в 1917 г. Цензура находилась в точках бифуркации, в состоянии раздвоения, неопределенности и возможности нескольких исходов. В данные периоды особенно рельефно проявилась взаимозависимость общественного настроения, действий с изменениями в цензуре. Вначале 1905 г., с подъемом революционной волны, реализовалось стремление установить правовой режим. Была осуществлена попытка

революционным путем расширить права прессы и общественного мнения. Наступили изменения в характере цензуры и ее структуре в сторону либерализации и фиксации правовых норм. В результате цензура была реформирована и с предварительной стала приобретать карательный характер, т. е. наказание печати осуществлялось после выхода и распространения, после судебного разбирательства. На законодательном уровне это было оформлено 24 ноября 1905 г., 18 марта и 26 апреля 1906 г., когда по «временным» цензурным правилам отменялась предварительная цензура. Историки цензуры расценивают изменения как положительные для развития общества [9, с. 26-28].

Затем, со спадом революционной волны, после 3 июня 1907 г. с откатом системы к контрреволюции, наступили изменения в цензуре, характеризовавшиеся свертыванием правовых норм Манифеста 17 октября и достижений в свободе печати, наблюдалось сужение поля дискуссии и политического участия, возможности деятельности СМИ в оценке и в требованиях к власти. Наступил штрафной период, характеризовавшийся ростом штрафных санкций, арестом издателей и редакторов. Часто против прессы губернаторы и генерал-губернаторы применяли «Обязательные постановления». Ситуация показывает противоречие в системе власти, при котором представители местной администрации зачастую были более реакционны, чем центральная власть и тем самым наносили вред авторитету центральной власти [9, с. 32]. Е. В. Ахмадулин пришел к выводу, что в данный период официозная и черносотенная печать оказала значительное влияние на становление консервативной идеологии в цензурной политике [31, с. 15].

Мы считаем, что отказ от правового характера цензуры осуществился во многом под давлением внешнего вызова, с началом Первой мировой войны и определялся характером военного положения. К основным законодательным актам о цензуре в военное время относятся утвержденное на следующий день после вступления России в Первую мировую войну «Временное положение о военной цензуре» 20 июля 1914 г., Положение о чрезвычайной охране от 24 июля 1914 г. Они предполагали строгий контроль над печатью и

почтово-телеграфными сношениями, в частности на территории Беларуси как театре военных действий. Законы усиливали цензуру, перлюстрацию частной переписки, создавали дополнительные органы военной цензуры. Исследователь организации военной цензуры в штабах военных округов В. Ф. Блохин пришел к выводу, что военная цензура в Минском военном округе активно противодействовала распространению в письмах, периодической печати свидетельств об отсутствии твердой поддержки населением военной политики. Это спровоцировало некоторый негативный эффект, т. к. отсутствие информации у населения восполнялось доверием к слухам. Исследователь отметил сложную организационную систему и слабость кадрового состава Военно-цензурных комиссий [2, с. 39].

После отречения Николая II от престола, Временное правительство в марте 1917 г. упразднило должности губернатора, жандармов, на которых возлагались также цензурные функции, а 27 апреля 1917 г. приняло «Закон о печати», который предусматривал отмену политической цензуры, запрет административного воздействия на прессу. Цензурный аппарат практически прекратил существование. С 12 июля 1917 г. СМИ могли быть закрыты за призывы к неподчинению военных властей и разжигание гражданской войны. Однако историки печати отмечают, что цензурных ограничений на практике не существовало до прихода к власти большевиков. Декрет о печати, изданный большевиками 27 октября 1917 г. наделял чиновников властью закрывать органы печати. Он применялся против буржуазных газет, закрывались некоторые левые газеты. Изменения в системе цензуры в 1917 г. мы определили границей окончания нашего исследования, т. к. далее цензурные функции исполняли советские органы власти: Военно-революционный комитет, с 1920 г. Чрезвычайная комиссия, а позже Главное управление по делам литературы (Главлит).

Отдельно отметим, что специфика цензуры в Российской империи и на территории Беларуси состояла в том, что цензура являлась целостной системой, которая стремилась воздействовать на все пространство мысли с целью его введения в рамки, приемлемые для власти [1, с. 9-12]. Это

проявлялось в широком охвате цензурой сфер развития общества от религиозных отношений до расширения сферы контроля в системе образования, в политике противостояния польскому влиянию и влиянию «инородческой» печати на территории Беларуси, в преградах распространения текстов из Европы на территорию Российской империи, также текстов левых партий [31, с. 9-11].

Мы считаем, что необходимо расширить исследование цензуры на территории Беларуси в 1905 – 1917 гг., описать механизмы воздействия цензуры на прессу и свободу слова, что являлось источником изменений в государстве.

Многие исследователи цензуры отмечают слабость методологического аспекта изучения цензуры, практически не описано методик исследования цензуры [13, с. 99]. Среди слаборазработанных вопросов исследования цензуры выделены отсутствие целостной концепции цензуры, недостаточное использование принципа системности, необходимость разработки интегрирования результатов анализа смежных наук, изучающих цензуру [1, с. 3]. Во многом такая ситуация объясняется существовавшей в отдельные годы закрытостью предмета изучения [13, с. 100].

В сфере методологии нам наиболее интересен анализ цензуры как системы, со своими составляющими, взаимосвязями между ними, собственной структурой, внутренней и внешней средой, равновесными и кризисными состояниями. Вместе с тем, как мы понимаем, цензура являлась подсистемой, и взаимодействовала в большей степени с политической, социальной, культурно-религиозной подсистемами [14, с. 20].

С целью исследования роли и поведения личности, изучения политического поведения отдельных лиц и групп в цензурной системе полезно применять подход бихевиоризма. Данный метод можно использовать в выборке, описании личной позиции цензора, чиновника, с учетом политических предпочтений личности, тяготении к либерализму либо консерватизму, отношения к революциям, изучения его национальных взглядов которые оказывали прямое влияние на его деятельность как цензора и вносили коррективы в проведение государственной цензурной политики.

С позиций системного анализа цензура и процессы в информационных потоках исследованы в диссертации Ю. П. Буданцева, монографии Е. Е. Даниловой, в работах И. В. Прангишвили и М. С. Каган [4, с.29-31; 8, с. 47-48; 24, с. 141-150; 15, с.103-108].

В историографии цензуры на территории Беларуси малоизучен процесс и практика цензурного досмотра, который зачастую регламентировался разнообразными предписаниями, перепиской, личным решением цензора. Сделаны первые шаги в изучении религиозной, общественной, партийной цензуры.

Среди исследований цензуры отметим монографию В. М. Конона, в которой исследована зависимость сужения тематики статей, наиболее цензурируемых проблем от политической реакции в 1907 г. [16, с. 11]. Большая работа была проделана по систематизации СМИ. В результате был издан библиографический указатель «Дюоктябрьская книга на русском языке о Белоруссии (1768–1917 гг.)», в который, однако, не вошли крайне правые издания [27].

Исследования А. А. Загорнова и А. А. Гужаловского полезны для понимания развития и преемственности цензуры на территории Беларуси в предшествующий период XIX в. и изучения последующего этапа развития советской цензуры [12, 6]. Загорнов А. А. пришел к выводу, что в антипольском противодействии в XIX в. цензура на территории Беларуси ориентировалась в большей степени на предписания, чем на законодательство. Характерной чертой белорусской цензуры он выделил взаимодействие светской и духовной цензуры в противодействии католической и иудейской печати [12, с. 4-5].

Для белорусской историографии характерен подход, ориентированный на исследование прессы и ее взаимоотношений с цензурой в рамках изучения истории партий. Это направление раскрыто в работах К. М. Бондаренко, Д. С. Лавриновича [3; 17]. Участие СМИ в избирательных кампаниях в Государственную думу на территории Беларуси анализировал Н. М. Забавский [11]. В исследованиях затронут вопрос отношений цензуры и прессы, протекционизм со стороны администрации проправительственным газетам [11, с. 19]. Общим у всех историков является тезис о первостепенной роли печати во время

избирательных кампаний.

В ряде диссертационных работ представлен анализ политики царского правительства в области печати и цензуры (исследования Т. А. Полусмак, В. П. Рыбалко) [23; 26]. В проделанном сравнительном анализе австрийского, немецкого, французского и российского цензурного законодательства А. В. Лихоманов доказал реакционность последнего [19, с. 81-84].

Внимание современных исследователей привлекает проблематика цензурной политики и практика организации МВД досмотра СМИ (исследования Н. А. Гринченко, Н. Г. Патрушевой, И. В. Новожиловой) [6; 21; 22; 20]. Общей характеристике организации цензурного дела в Виленской губернии, в т. ч. в изучаемый период, посвящена статья коллектива авторов «Цензоры Вильно XIX и начала XX века» [29]. Отдельные сведения о деятельности цензоров, имевших отношение к Беларуси, представлены в библиографическом справочнике «Цензоры Российской империи, конец XVIII – начало XX века» [30].

Актуальной темой в зарубежной историографии является исследование взаимоотношений цензуры и печати. В статье Дж. Дейли «Пресса и государство в России (1906–1917 гг.)» автор пришел к выводу, что печать была частью гражданского общества и «наиболее угрожала» абсолютизму. Сделан вывод, что активная позиция прессы подрывала способность «высшей бюрократии» проводить произвольную политику [9].

Заключение

Таким образом, на современном этапе интерес к пониманию цензуры в различных науках высок. Это объясняется прежде всего, социальной и политической важностью, малоизученностью объекта исследования. Цензура исследовалась как составляющая идеологической и политической сферы, форма контроля государства, система ценностных координат, в которой важную роль играли границы «правильный-неправильный» текст. Методология изучения специфики цензуры также находится в стадии разработки. Наиболее приемлем, с нашей точки зрения, является системный подход в исследовании цензуры. Анализ историографии вопроса показал, что современные знания о процессе цензурирования, практике взаимоотношений

цензуры и общества, тематики запрещенных и изъятых текстов, судебного процесса над СМИ на территории Беларуси в 1905 – 1917 гг. ограничены. Практически не изучена личная позиция цензоров и чиновников системы, которая влияла на проведение цензурной политики. В современной историографии делаются только первые шаги в описании

цензурной системы на территории Беларуси начала XX в. Диссертаций, посвященных исследованию цензурной системы на территории Беларуси в 1905 – 1917 гг. в отечественной и зарубежной историографии нами не выявлено, что делает данную тему актуальной для дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Агапова Е.А. Философия цензуры: социокультурный и диахронический аспекты: автореферат дис. ... доктора философских наук: 09.00.11. Ростов-на-Дону, 2013. 36 с.
2. Блохин В.Ф. Военная цензура Минского военного округа и начало Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2019. №3 (61). С. 29-43.
3. Бондаренко К.М. Правые партии и их организации в Беларуси (1905-1917 гг.): моногр. Могилёв: МГУ им. А. А. Кулешова, 2010. 409 с.
4. Буданцев Ю.П. Системность в изучении массовых информационных процессов. Москва: Изд-во Ун-та дружбы народов, 1986. 166 с.
5. Горяева Т. М. История советской политической цензуры: 1917-1991 гг.: автореферат дис. ... доктора исторических наук: 07.00.02. Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ). Москва, 2000. 40 с.
6. Гринченко Н.А. Центральные учреждения цензурного ведомства (1804-1917 гг.) / Н. А. Гринченко, Н. Г. Патрушева // Книжное дело в России в XIX – начале XX века: сб. науч. тр. СПб.: Рос. нац. б-ка, 2008. Вып. 14. С. 185-302.
7. Гужаловский А. Главлитбел – инструмент информационного контроля белорусского общества (1922-1941 гг.) // ACTA SLAVICA IAPONICA. International and Interdisciplinary Journal of the Study of Russia, Eastern Europe, the Caucasus, and Central Asia. 2012. Vol. 31. P. 77-104.
8. Данилова Е.Е. Информационное развитие социальных систем: монография. Москва: РИП-холдинг, 2002. 130 с.
9. Дейли Дж. Пресса и государство в России (1906-1917 гг.) // Вопросы истории. 2001. № 10. С. 25-46.
10. Журавлев Ф. Социологическое рассмотрение цензуры и самоцензуры // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2020. Т 1, № 12. С. 114-118.
11. Забаўскі М.М. Грамадска-палітычная барацьба ў Беларусі ў ходзе выбараў і дзейнасці Расійскай Дзяржаўнай Думы I-IV скліканняў (1906–1917 гг.): аўтарэф. дыс. ... д-ра гіст. навук: 07.00.02. Бел. дзярж. пед. ун-т. Мінск, 2000. 40 с.
12. Загорнов А.А. Цензурная политика самодержавия в Беларуси в первой половине XIX в.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Минск, 1997. 24 с.
13. Зеленов М.В. Цензура: подходы к определению понятия // Ленинградский юридический журнал. 2013. №1. С. 94-103.
14. Истон Д. Подход к анализу политических систем. Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2015. № 5 с. 17-36.
15. Каган М.С. Системный подход и гуманитарное знание: Избр. Статьи. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. 383 с.
16. Конон В.М. Проблемы искусства и эстетики в общественной мысли Белоруссии начала XX в.; под ред. С. Х. Александровича. Минск: Наука и техника, 1985. 198, [2] с.
17. Лавринович Д.С. Деятельность конституционно-демократической партии и «Союза 17 октября» в Беларуси (1905–1918 гг.): моногр. Могилев: Изд-во МГГУ, 2009. 335 с.
18. Левченко И.Е. Виды цензуры // Актуальные проблемы культурологии. Екатеринбург, 2001. С.14-18.
19. Лихоманов А.В. Требования к редакторам периодических изданий как элемент цензурной политики России в 1905-1917 гг. // Книжное дело в России в XIX – начале XX века: сб. науч. тр. СПб.: РНБ, 2008. Вып. 14. С. 75-89.

20. Новожилова И.В. Политика царского правительства в области законодательства о печати (1905-1914). Л.: Наука, 1971. 227 с.
21. Патрушева Н., Гринченко Н. Центральные учреждения цензурного ведомства (1804-1917) // Книжное дело в России в XIX – начале XX века: сб. науч. тр. СПб., 2008. Вып. 14. С. 185–302.
22. Патрушева Н.Г. Главное управление по делам печати (1865-1917 гг.) и проекты его реформирования // Ист., филос., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики, 2011. № 8, ч. 3. С. 147-151.
23. Полусмак Т. Л. Цензурное законодательство дореволюционной России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Н. Новгород, 2003. 194 с.
24. Прангишвили И.В. Системный подход и общесистемные закономерности. М.: СИНТЕГ: 2000. 528 с.
25. Прозоров В.В. Семантический диапазон понятия «цензура» в России // Цензура как социокультурный феномен: науч. докл. Саратов, 2007. С. 14–43.
26. Рыбалко В.П. Информационная политика правительства России: 1905 – февр. 1917 гг.: дис... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 2002. 190 с.
27. Сакольчик А.А. Дюктябрьская книга на русском языке о Белоруссии (1768-1917 гг.): библиогр. указ.; под ред. Ю. И. Драгуна. 2-ое изд. Минск: Госбиблиотека БССР им. В. И. Ленина, 1976. 425, [1] с.
28. Федотов М.А. Гласность и цензура: возможность сосуществования // Сов. гос-во и право. 1989. №7. С.80-89.
29. Цензоры Вильно XIX и начала XX века. Материалы для библиографического справочника / Н. А. Гринченко [и др.] // Белорусский сборник: ст. и материалы по истории и культуре Белоруссии / Рос. нац. б-ка, С.-Петерб. ассоц. белорусистов; редкол.: В. Н. Зайцев [и др.]. СПб., 2005. Вып. 3. С. 209-235.
30. Цензоры Российской империи: конец XVIII – начало XX века: библиогр. справ. / О. Ю. Абакумов [и др.]; Рос. нац. б-ка; редкол.: В. Р. Фирсов (пред.) [и др.]. СПб.: Рос. нац. б-ка, 2013. 480 с.
31. Цумарева Е.П. Российская правительственная политика на территории Беларуси в 1905-1914 гг. (по материалам консервативной и либеральной печати): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02. Минск: [б. и.], 2015. 24 с.
32. Чирскова И. М. «Тело власти»: цензура как феномен культуры // Международный журнал исследований культуры. № 2(19). СПб.: Эйдос, 2015. С. 47-57.

ON THE ISSUE OF CENSORSHIP: THE CONCEPT, THE SYSTEMATIC APPROACH TO THE STUDY, HISTORIOGRAPHY OF THE FUNCTIONING OF CENSORSHIP ON THE TERRITORY OF BELARUS IN THE PERIOD OF 1905 – 1917.

The article analyzes the multidimensional nature of the concept of censorship. Among the methods of censorship research, the emphasis was placed on a systematic approach. The works of native and foreign authors on the development of the censorship system in the Russian Empire and its part – censorship on the territory of Belarus in 1905 – 1917 are considered. The aim is to reveal the concept of "censorship", the importance of a systematic approach in its study, to highlight the poorly studied areas of censorship in the historiography of the issue. As a result of the research, the author came to the conclusion that at the present stage of the development of knowledge, censorship is perceived as a multidimensional phenomenon, with the attribute of dichotomy and contradictions: on the one hand, censorship is characterized by the suppression of dissent, on the other hand, it is in many ways a measure of freedom of speech and thought. The censorship apparatus is part of censorship and functions as a state regulatory body. From the standpoint of a systematic approach, the author perceives censorship as a system with many components, interrelations between them, its own structure, internal and external environment, equilibrium and non-equilibrium states. Non-equilibrium states of censorship in the studied period are characteristic for the territory of Belarus in 1905, 1907 and in 1917. Censorship was at bifurcation points, in a state of duality, uncertainty and the possibility of several outcomes. The interdependence of public mood and actions with changes in censorship, the influence of the internal and external environment found special expression in these periods. The study revealed that there has been no comprehensive study of censorship on the territory of Belarus in 1905 – 1917 either in native or foreign historiography; therefore there is a need for a detailed development of the functioning of the censorship apparatus, the study of the practice of censoring publications in the period under study.

Keywords: censorship, institutional approach, cultural phenomenon, functions, preliminary, subsequent, manipulation, dichotomy, system analysis.

References

1. Agapova E.A. (2013). *Filosofiiia cenzury: sociokul'turnyj i diakhronicheskij aspekty: avtoreferat dis. ... doktora filosofskikh nauk: 09.00.11* [Philosophy of censorship: socio-cultural and diachronic aspects: abstract of the dissertation of the Doctor of Philosophy]. Rostov-na-Donu, 2013. 36 s.
2. Blokhin V.F. (2019). *Voennaia cenzura Minskogo voennogo okruga i nachalo Pervoj mirovoj vojny* [Military censorship of the Minsk Military District and the beginning of the First World War] // *Novyj istoricheskij vestnik*. 2019. vol.3 (61). S. 29-43.
3. Bondarenko K.M. (2010). *Pravye partii i ikh organizacii v Belarusi (1905-1917 gg.): monogr.* [Right-wing parties and their organizations in Belarus (1905-1917): monograph]. Mogilev: MGU im. A. A. Kuleshova, 2010. 409 s.
4. Budancev Iu.P. (1986). *Sistemnost' v izuchenii massovykh informacionnykh processov.* [Consistency in the study of mass information processes]. Moskva: Izd-vo Un-ta druzhby narodov, 1986. 166 s.
5. Gorjaeva T. M. (2000). *Istoriia sovetskoj politicheskoy cenzury: 1917-1991 gg.: avtoreferat dis. ... doktora istoricheskikh nauk: 07.00.02.* [The history of Soviet political censorship: 1917 - 1991: abstract of the dissertation of the Doctor of Historical Sciences]. Ros. gos. gumanitar. un-t (RGGU). Moskva, 2000. 40 s.
6. Grinchenko N.A. (2008). *Central'nye uchrezhdeniia cenzurnogo vedomstva (1804-1917 gg.)* [Central institutions of the Censorship Department (1804-1917)] // *Knizhnoe delo v Rossii v XIX – nachale XX veka: sb. nauch. tr. SPb.: Ros. nac. b-ka, 2008. Vyp. 14. S. 185-302.*
7. Guzhalovskij A. (2012). *Glavlitbel – instrument informacionnogo kontrolya belorusskogo obshchestva (1922-1941 gg.)* [Glavlitbel – an instrument of information control of the Belarusian society (1922-1941)] // *ACTA SLAVICA IAPONICA. International and Interdisciplinary Journal of the Study of Russia, Eastern Europe, the Caucasus, and Central Asia*. 2012. Vol. 31. P. 77-104.
8. Danilova E.E. (2002). *Informacionnoe razvitie social'nykh sistem: monografiia.* [Information development of social systems: monograph]. Moskva: RIP-kholding, 2002. 130 s.
9. Dejli Dzh. (2001). *Pressa i gosudarstvo v Rossii (1906-1917 gg.)* [The Press and the state in Russia (1906-1917)] // *Voprosy istorii*. 2001. vol. 10. S. 25–46.
10. Zhuravlev F. (2020). *Sociologicheskoe rassmotrenie cenzury i samocenzury* [Sociological examination of censorship and self-censorship] // *Sociologiya v sovremennom mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo*. 2020. T 1, vol. 12. S. 114-118.
11. Zabauski M.M. (2000). *Gramadska-palitychnaia barac'ba u Belarusi u khodze vybarau i dzejnasci Rasijskaj Dziarzhavnaj Dumy I-IV sklikanniau (1906-1917 gg.): autaref. dys. ... d-ra gist. navuk: 07.00.02.* [Socio-political struggle in Belarus during the elections and activities of the Russian State Duma of the I-IV convocations (1906-1917): Abstract of the dissertation of the Doctor of Historical Sciences]. Bel. dziarzh. ped. un-t. Minsk, 2000. 40 s.
12. Zagornov A.A. (1997). *Cenzurnaia politika samodержavii v Belarusi v pervoj polovine XIX v.: avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.02.* [Censorship policy of the autocracy in Belarus in the first half of the XIX century: abstract of the dissertation of the Candidate of Historical Sciences]. Minsk, 1997. 24 s.
13. Zelenov M.V. (2013). *Cenzura: podkhody k opredeleniiu poniatii* [Censorship: approaches to the definition of the concept] // *Leningradskij iuridicheskij zhurnal*. 2013. vol.1. S. 94-103.
14. Iston D. (2015). *Podkhod k analizu politicheskikh sistem* [An approach to the analysis of political systems] // *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 12. Politicheskie nauki*. 2015. vol. 5 s. 17-36.
15. Kagan M.S. (1991). *Sistemnyj podkhod i gumanitarnoe znanie: Izbr. Stat'i.* [Systematic approach and humanitarian knowledge: Selected Articles]. L.: Izd-vo LGU, 1991. 383 s.
16. Konon V.M. (1985). *Problemy iskusstva i estetiki v obshchestvennoj mysli Belorussii nachala XX v.; pod red. S. Kh. Aleksandrovicha.* [Problems of art and aesthetics in the public thought of Belarus at the beginning of the XX century; edited by S. H. Alexandrovich]. Minsk: Nauka i tekhnika, 1985. 198, [2] s.
17. Lavrinovich D.S. (2009). *Deiatel'nost' konstitucionno-demokraticheskoy partii i «Soiuz 17 oktiabria» v Belarusi (1905-1918 gg.): monogr.* [Activities of the Constitutional Democratic Party and

the October 17 Union in Belarus (1905-1918): monograph]. Mogilev: Izd-vo MgGU, 2009. 335 s.

18. Levchenko I.E. (2001). Vidy cenzury [Types of censorship] // Aktual'nye problemy kul'turologii. Ekaterinburg, 2001. S.14-18.

19. Likhomanov A.V. (2008). Trebovaniia k redaktoram periodicheskikh izdaniij kak element cenzurnoj politiki Rossii v 1905-1917 gg. [Requirements for editors of periodicals as an element of the censorship policy of Russia in 1905-1917] // Knizhnoe delo v Rossii v XIX – nachale XX veka: sb. nauch. tr. SPb.: RNB, 2008. Vyp. 14. S. 75-89.

20. Novozhilova I.V. (1971). Politika carskogo pravitel'stva v oblasti zakonodatel'stva o pechati (1905–1914). [Policy of the Tsarist Government in the field of press legislation (1905-1914)]. L.: Nauka, 1971. 227 s.

21. Patrusheva N., Grinchenko N. (2008). Central'nye uchrezhdeniia cenzurnogo vedomstva (1804-1917) [Central institutions of the Censorship Department (1804-1917)] // Knizhnoe delo v Rossii v XIX – nachale XX veka: sb. nauch. tr. SPb., 2008. Vyp. 14. S. 185–302.

22. Patrusheva N.G. (2011). Glavnoe upravlenie po delam pechati (1865-1917 gg.) i proekty ego reformirovaniia [The General Directorate for Press Affairs (1865-1917) and its reform projects] // Ist., filos., polit. i iurid. nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Vopr. teorii i praktiki, 2011. vol. 8, ch. 3. S. 147-151.

23. Polusmak T. L. (2003). Cenzurnoe zakonodatel'stvo dorevoliucionnoj Rossii: dis. ... kand. iurid. nauk: 12.00.01. [Censorship legislation of pre-revolutionary Russia: dissertation of the Candidate of Legal Sciences]. N. Novgorod, 2003. 194 s.

24. Prangishvili I.V. (2000). Sistemnyj podkhod i obshchesistemnye zakonomernosti. [A systematic approach and system-wide patterns]. M.: SINTEG: 2000. 528 s.

25. Prozorov V.V. (2007). Semanticheskij diapazon poniatiiia «cenzura» v Rossii [Semantic range of the concept of «censorship» in Russia] // Cenzura kak sociokul'turnyj fenomen: nauch. dokl. Saratov, 2007. S. 14–43.

26. Rybalko V.P. (2002). Informacionnaia politika pravitel'stva Rossii: 1905 – fevr. 1917 gg.: dis... kand. ist. nauk: 07.00.02. [Information policy of the Government of Russia: 1905 – February 1917: Dissertation of the Candidate of Historical Sciences]. SPb., 2002. 190 s.

27. Sakol'chik A.A. (1976). Dooktiabr'skaia kniga na russkom iazyke o Belorussii (1768-1917 gg.): bibliogr. ukaz.; pod red. Iu. I. Draguna. 2-oe izd. [Дookтябрьская книга на русском языке о Белоруссии (1768–1917 гг.): библиографический указатель; под ред. Ю. И. Драгуна. 2-ое изд.]. Minsk: Gosbiblioteka BSSR im. V. I. Lenina, 1976. 425, [1] s.

28. Fedotov M.A. (1989). Glasnost' i cenzura: vozmozhnost' sosushchestvovaniia [Publicity and censorship: the possibility of coexistence] // Sov. gos-vo i pravo. 1989. vol.7. S.80-89.

29. Cenzory Vil'no XIX i nachala XX veka. Materialy dlia bibliograficheskogo spravochnika (2005) / N. A. Grinchenko [i dr.] [Censors of Vilna of the XIX and the beginning of the XX century. Materials for the bibliographic reference] // Belorusskij sbornik: st. i materialy po istorii i kul'ture Belorussii / Ros. nac. b-ka, S.-Peterb. assoc. belorusistov; redkol.: V. N. Zajcev [i dr.]. SPb., 2005. Vyp. 3. S. 209-235.

30. Cenzory Rossijskoj imperii: konec XVIII – nachalo XX veka: biobliogr. sprav. (2013) / O. Iu. Abakumov [i dr.] [Censors of the Russian Empire: the end of the XVIII – beginning of the XX century: a biobliographical reference]; Ros. nac. b-ka; redkol.: V. R. Firsov (pred.) [i dr.]. SPb.: Ros. nac. b-ka, 2013. 480 s.

31. Cumareva E.P. (2015). Rossijskaia pravitel'stvennaia politika na territorii Belarusi v 1905-1914 gg. (po materialam konservativnoj i liberal'noj pechati): avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.02. [Russian government policy on the territory of Belarus in 1905-1914 (based on the materials of the conservative and liberal press): abstract of the dissertation for the degree of candidate of historical sciences] Minsk: [b. i.], 2015. 24 s.

32. Chirskova I.M. (2015). «Telo vlasti»: cenzura kak fenomen kul'tury [«The Body of Power»: censorship as a cultural phenomenon] // Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury. vol. 2(19). SPb.: Ejdos, 2015. S. 47-57.

Об авторе

Цумарева Елена Петровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент Межгосударственное образовательное учреждение высшего образования «Белорусско-Российский университет» (Республика Беларусь), E-mail: tsumarava.alena@gmail.com

Tsumarava Elena Petrovna – Ph.D. in History, assistant professor Inter-state educational institution of higher education ‘Belarusian-Russian university’ (Republic of Belarus), E-mail: tsumarava.alena@gmail.com

Правила предоставления рукописей

1. Требования к содержанию статей

1.1 В журнале «Вестник БГУ» публикуются статьи теоретического, методического и прикладного характера, содержащие оригинальный материал исследований автора (соавторов), ранее нигде не опубликованный и соответствующий по тематике следующим отраслям науки из Номенклатуры специальностей научных работников: научная отрасль – исторические науки.

1.2 Материал исследований должен содержать научную новизну и/или иметь практическую значимость. К публикации принимаются только открытые материалы на русском, английском или немецком языках. Статьи обзорного, биографического характера, рецензии на научные монографии и т.п. пишутся, как правило, по заказу редколлегии журнала.

1.3 Содержание и оформление статьи должно соответствовать принципам и нормам политики в сфере этики научных публикаций редакции и редакционной коллегии научного журнала «Вестник Брянского государственного университета». См. Этические нормы для авторов.

1.4 Научный журнал формируется по научной отрасли по научной отрасли – исторические науки. **Группа научных специальностей: 5.6 — исторические науки. Научные специальности: 5.6.1. — Отечественная история; 5.6.2. — Всеобщая история; 5.6.3. — Археология; 5.6.5. — Историография, источниковедение, методы исторического исследования; 5.6.7. — История международных отношений и внешней политики.**

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям научных работников.

2. Требования к структуре и оформлению статей (см. [образец оформления](#))

Все указанные структурные элементы статьи отделяются друг от друга пропуском строки.

2.1. В начале статьи указываются:

- номер по Универсальной десятичной классификации – УДК (Times New Roman 12 pt, обычный, выравнивание по левому краю);
- фамилия и инициалы автора (Times New Roman 12 pt, жирный), ученая степень, ученое звание, название образовательной организации, страна – на русском языке (Times New Roman 12 pt, обычный, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный);
- название статьи (10-12 слов, заглавными буквами, Times New Roman, 12 pt, жирный, выравнивание по центру, междустрочный интервал – одинарный);
- аннотация на русском языке (150-250 слов, см. образец оформления статьи);
- ключевые слова (8-10 слов и словосочетаний, Times New Roman 12 pt, надпись «Ключевые слова» — жирный, выравнивание по ширине, межстрочный интервал одинарный).

Аннотация на русском языке должна содержать 150-250 слов и отражать актуальность темы исследования, постановка проблемы, цели и методы исследования, результаты и ключевые выводы).

На титульной странице оформляется **исключительное авторское право** на статью путем перечисления фамилий и инициалов всех авторов после знака Copyright © на русском и английском языках.

2.2. Содержание (структура и последовательность) статьи

После ключевых слов помещается текст самой статьи. (Times New Roman 12 pt; обычный; выравнивание по ширине; междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25 см).

В статье должны четко и сжато излагаться современное состояние вопроса, описание методики исследований, обсуждение полученных результатов.

Необходимо стандартизировать структуру статьи, используя подзаголовки:

- **введение** – постановка проблемы (один-два абзаца, раскрывающие проблематику, ее актуальность и значимость); отсылка к литературе (краткий обзор) завершается констатацией необходимости проведения данного исследования (условия, которые сделали данное исследование актуальным), при этом следует избегать прямого указания на актуальность (слово «актуальность» не использовать);

описание гипотезы исследования или формулировка его цели или представление цели в виде исследовательских вопросов;

- **объекты и методы исследования;**

- **результаты и их обсуждение** (экспериментальная часть; содержит интерпретацию полученных результатов исследования, включая: соответствие полученных результатов гипотезе исследования; ограничения исследования и обобщения его результатов; предложение по практическому применению; предложения по направлению будущих исследований);

- **заключение (выводы) – повторное обобщенное перечисление основных результатов и их значимость (оценка) для науки.** Может содержать дальнейшую исследовательскую программу. Показывается конкретный вклад в науку, как правило, от одного предложения до абзаца. Должны присутствовать слова «вклад автора» и дано четкое и краткое перечисление результатов, которые можно считать вкладом в науку;

- **если необходимо поблагодарить коллег,** которые не являются авторами статьи, но при их содействии проводилось исследование, это можно сделать в свободной форме в конце статьи (например, авторы могут поместить **благодарности** коллегам за помощь в подготовке статьи, за финансовую поддержку);

- **список литературы.**

2.3. После текста статьи размещаются:

- список литературы на русском языке (Times New Roman 12 pt, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25 см., нумерация автоматическая, см. образец оформления статьи);

- название статьи на английском языке;

- аннотация на английском языке («Abstract»);

- ключевые слова на английском языке («Keywords»);

- список литературы на английском языке (References);

- информация об авторе (фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень, ученое звание; должность; название образовательного учреждения, страна; адрес электронной почты) на русском и английском языках.

Статьи предоставляются в редколлегию в электронном виде, подготовленные с помощью текстового редактора Microsoft Word (doc.) и разбитые на страницы размером А4. Поля страницы: левое — 2 см, правое – 2 см, верхнее – 2 см, нижнее – 2 см. Текст – шрифтом Times New Roman, 12 pt, междустрочный интервал — одинарный, красная строка (абзац) 1,25 см (формата А-4), выравнивание по ширине. Страницы не нумеруются. Ручные и автоматические переносы не допускаются. Если статья выполнена при поддержке гранта или на основе доклада, прочитанного на конференции, то необходимо сделать соответствующую сноску в заголовке статьи (*). Объем статей, как правило, не должен быть менее 20 000 знаков с пробелами и не превышать 40 000 знаков с пробелами, включая список литературы (10-15 источников). Желательно привлечение источников, индексируемых в Scopus. Все источники в тексте статьи обязательно должны быть процитированы хотя бы один раз.

Список литературы. После текста статьи размещается «Список литературы» (12 pt) с выравниванием по ширине (см. пример оформления статьи). В этот список включаются только те источники, на которые в тексте статьи имеются ссылки. Он формируется в алфавитном порядке (вначале источники на русском языке, затем на иностранных языках). Ссылки на литературу по тексту статьи необходимо давать в квадратных скобках, через запятую номер страницы [5, с. 17]. Ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Работы одного и того же автора цитируются в хронологическом порядке независимо от наличия соавторов.

После списка литературы размещается **английский блок:** фамилия, имя, отчество автора, ученая степень, ученое звание, название организации, страна, название статьи, аннотация и ключевые слова (Abstract + keywords), список литературы (References), см. образец оформления статьи).

Если статья содержит таблицы или рисунки, в тексте должны быть ссылки на эти элементы (см. рис. 1 или см. табл. 1).

Оформление таблицы. Обратите внимание, что надпись «Таблица 1» не имеет знака номера и точки. Обязательно должно быть название таблицы (располагается перед самой таблицей), после которого также не ставится точка. Шрифт Times New Roman 12 pt, (жирный), интервал – одинарный.

Таблица 1

Результаты исследования уровня волевого самоконтроля

Все рисунки и чертежи выполняются четко, в формате jpeg, обеспечивающем ясность понимания всех деталей; это особенно относится к фотокопиям и полутоновым рисункам. Весь иллюстративный материал должен быть выполнен в черно-белой гамме (цветные иллюстрации будут удаляться). Язык надписей на рисунках (включая единицы измерения) должен соответствовать языку самой статьи. Поясняющие надписи следует по возможности заменять цифрами и буквенными обозначениями, разъясняемыми в подписи к рисунку или в тексте. Название иллюстративного материала оформляются исключительно под рисунком. Подписи к рисункам – шрифт Times New Roman 12 pt, (обычный), интервал – одинарный.

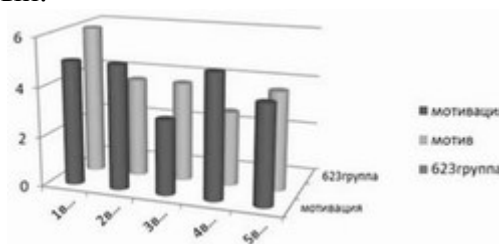

Рис.1. Результаты изучения мотивации студентов

Авторов, использующих при подготовке рисунков компьютерную графику, просим придерживаться следующих рекомендаций: графики делать в рамке; штрихи на осях направлять внутрь; по возможности использовать шрифт Times; высота цифр и строчных букв должна быть в пределах 3-4% от максимального размера (высоты или ширины) рисунков, это относится и к цифрам на осях вставки; обозначения единиц измерения на осях графиков приводить в скобках. Таблицы, рисунки и подписи к ним помещаются непосредственно в тексте. Векторные величины выделяются прямым полужирным шрифтом. Все сколько-нибудь громоздкие формулы выносятся на отдельные строки. В тексте статьи допускаются системы физических единиц СИ и СГСЭ.

Всего автор оформляет и подает 3 электронных документа:

1. Текст статьи, оформленный в соответствии с указанными требованиями;
2. Авторская справка ([см. образец](#));
3. Отчет о проверке в системе «Антиплагиат». Оригинальность статьи должна быть от 70% (30% допускается на корректное цитирование — с обязательным указанием ссылки на источник заимствования).

Каждая статья в обязательном порядке проходит [процедуру закрытого рецензирования](#). По результатам рецензирования редколлегия оставляет за собой право либо вернуть автору статью на доработку, либо отклонить ее публикацию в журнале.

Контактная информация доступна на сайте журнала: vestnik-brgu.ru.

Адрес: 241036, Брянск, ул. Бежицкая, 20, редакционно-издательский отдел.

Телефон: +7 (4832) 58-91-28, доб. 1118; E-mail: gumvest.bgu@yandex.ru

Вестник Брянского государственного университета

№2 (56) 2023

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-51557 от 26.10.2012**

Подписной индекс «Пресса России»: 40705

Главный редактор журнала: Михальченко С.И.

Адрес учредителя:

**ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 14.**

Адрес редакции и издателя:

**РИСО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 20.**

Адрес типографии:

241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 20

Подписано в печать: 26.06.2023.

Дата выхода журнала в свет: 30.06.2023.

Формат 60x84/8. Печать на ризографе. Бумага офсетная.

Усл. п.л. 17,5. Тираж 500 экз. Свободная цена. 16+